

ЭКОНОМИЧЕСКАЯ СОЦИОЛОГИЯ

JOURNAL OF ECONOMIC SOCIOLOGY = EKONOMICHESKAYA SOTSILOGIYA

Читайте в номере:

Соколов М. М., Соколова Н. А.

Среды, а не классы: паттерны горизонтальной стратификации в современной городской России

Старк Д. Тесты и тестирование в период пандемии

Сидорова Е. Е. Насколько дифференцировано судебное оспаривание решений административных органов власти в регионах России? На примере антимонопольных дел

Zhidkova P. Types of Financial Disagreements in Families: Qualitative Evidence from Russia

**Экономическая
социология**
Т. 21. № 4.
Сентябрь 2020

Электронный журнал
www.ecsoc.msses.ru
www.ecsoc.hse.ru

ISSN 1726-3247

Адрес редакции

101000, Россия,
г. Москва,
ул. Мясницкая,
д. 11, комн. 530
тел.: +7 (495) 628-48-86
email: ecsoc@hse.ru

**Journal of
Economic Sociology**
Vol. 21. No 4.
September 2020

Electronic journal
www.ecsoc.msses.ru
www.ecsoc.hse.ru

ISSN 1726-3247

Contacts

11 Myasnitskaya str., room
530
101000, Moscow,
Russian Federation
phone: +7 (495) 628-48-86
email: ecsoc@hse.ru

Электронный журнал «Экономическая социология» издаётся с 2000 г. Учредителями являются Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» (с 2007 г.) и Вадим Валерьевич Радаев (главный редактор).

Цель журнала — утверждать международные стандарты экономико-социологических исследований в России, представлять современные работы российских и зарубежных авторов в области экономической социологии, информировать профессиональное сообщество о новых актуальных публикациях и исследовательских проектах, а также вовлекать в профессиональное сообщество молодых коллег.

Журнал представляет собой специализированное академическое издание. В нём публикуются материалы, отражающие современное состояние экономической социологии и способствующие развитию данной области в её современном понимании. В числе приоритетных тем: теоретические направления экономической социологии, социологические исследования рынков и организаций, социально-экономические стратегии индивидов и домашних хозяйств, неформальная экономика. Также публикуются тексты из смежных дисциплин — неинституциональной экономической теории, антропологии, экономической психологии и других областей, которые могут представлять интерес для экономсоциологов.

Журнал публикует пять номеров в год: в январе, марте, мае, сентябре и ноябре. Доступ ко всем номерам журнала постоянный, свободный и бесплатный по адресу: <http://www.ecsoc.hse.ru>. Каждый номер содержится в едином файле (10–12 п. л. в PDF).

Журнал входит в список ВАК России, индексируется в Российском индексе научного цитирования (РИНЦ), Emerging Sources Citation Index (ESCI) из Web of Science Core Collection и Scopus (2 квартал).

Требования к авторам изложены по адресу: http://ecsoc.hse.ru/author_requirements.html

В журнале применяется двойное анонимное рецензирование статей. Все материалы проходят через полный цикл редакторской обработки и корректуры.

Плата с авторов журнала не взимается. Ускоренные сроки публикации статей не предусмотрены.

Journal of Economic Sociology was established in 2000 as one of the first academic e-journals in Russia. It is funded by the National Research University Higher School of Economics (HSE).

Journal of Economic Sociology promotes international standards of research in economic sociology, presenting new research carried out by Russian and international scholars, introducing new books and research projects, and attracting young scholars into the field.

Journal of Economic Sociology is a specialized academic journal representing the mainstreams of thinking and research in international and Russian economic sociology. Journal of Economic Sociology provides a framework for discussion of the following key issues: major theoretical paradigms in economic sociology, sociology of markets and organizations, social and economic strategies of households, informal economy. Journal of Economic Sociology also welcomes research papers written within neighboring disciplines — new institutional economics, anthropology, economic psychology and related fields, which can be of interest for economic sociologists.

Journal of Economic Sociology has a wide Russian speaking audience, living both in Russia and abroad. Its main target group comprises research scholars, university professors, policy-makers, post-graduates, undergraduates and others who are interested in economic sociology.

Journal of Economic Sociology is indexed by Emerging Sources Citation Index (ESCI) from Web of Science™ Core Collection and Scopus (Q2).

Journal of Economic Sociology is a bimonthly journal released in five issues (January, March, May, September, and November). Journal of Economic Sociology provides permanent free access to all issues in PDF. Journal of Economic Sociology applies blind peer-review procedures (two referees for each research paper). All papers are subject to editing, proofreading, and professional design layout.

Guidelines for authors: http://ecsoc.hse.ru/author_requirements.html

**Экономическая
социология**
Т. 21. № 4.
Сентябрь 2020

Электронный журнал
www.ecsoc.msses.ru
www.ecsoc.hse.ru

ISSN 1726-3247

Журнал выходит
пять раз в год

Учредители:

- Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»
- В. В. Радаев

Издаётся с 2000 года

НАЦИОНАЛЬНЫЙ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ
УНИВЕРСИТЕТ

Редакция

Главный редактор:

Радаев Вадим Валерьевич (НИУ ВШЭ, Россия)

Редактор выпуска:

Соколова Татьяна Виленовна (НИУ ВШЭ, Россия)

Вёрстка:

Мишина Мария Евгеньевна (Россия)

Корректор:

Андрианова Надежда Викторовна (НИУ ВШЭ, Россия)

Ответственный секретарь:

Котельникова Зоя Владиславовна (НИУ ВШЭ, Россия)

Сотрудники редакции:

Конрой Наталья Викторовна (НИУ ВШЭ, Россия)

Международный редакционный совет

Ашвин Сара
(Ashwin, Sarah)

Лондонская школа экономики и политических наук
(Великобритания)

Гербер Тед
(Gerber, Ted)

Висконсинский университет в Мэдисоне
(США)

Гусева Аля (Guseva, Alya)

Университет Бостона (США)

Зависка Джейн (Zavisca, Jane)

Университет Аризоны (США)

Линднер Петер
(Lindner, Peter)

Университет Франкфурта-на-Майне
им. И. В. Гёте (Германия)

Сводер Кристофер
(Swader, Christopher)

Лундский университет (Швеция)

Якубович Валерий
(Yakubovich, Valery)

Бизнес-школа ESSEC (Франция)

Редакционный совет

Богомолова
Татьяна Юрьевна

Институт экономики и организации промышленного
производства СО РАН (Россия)

Веселов
Юрий Васильевич

Санкт-Петербургский государственный
университет (Россия)

Волков
Вадим Викторович

Европейский университет
в Санкт-Петербурге (Россия)

Гимпельсон
Владимир Ефимович

НИУ ВШЭ (Россия)

Лапин
Николай Иванович

Институт философии РАН (Россия)

Малева
Татьяна Михайловна

Институт социального анализа
и прогнозирования РАНХиГС (Россия)

Овчарова
Лилия Николаевна

НИУ ВШЭ (Россия)

Радаев
Вадим Валерьевич
(главный редактор)

НИУ ВШЭ (Россия)

Хахулина
Людмила Александровна

Аналитический центр Юрия Левады
(Россия)

Чепуренко Александр Юльевич НИУ ВШЭ (Россия)

- National Research
University
Higher School of
Economics
- Vadim Radaev

Editors

Editor-in-Chief:	Vadim Radaev (HSE, Russia)
Editor:	Tatyana Sokolova (HSE, Russia)
Design and Layout:	Maria Mishina (Russia)
Proofreader:	Nadezda Andrianova (HSE, Russia)
Managing Editor:	Zoya Kotelnikova (HSE, Russia)
Editorial Staff:	Natalia Conroy (HSE, Russia)

International Editorial Council

Sarah Ashwin	The London School of Economics and Political Science (UK)
Ted Gerber	University of Wisconsin-Madison (USA)
Alya Guseva	Boston University (USA)
Peter Lindner	Goethe University Frankfurt (Germany)
Christopher Swader	Lund University (Sweden)
Valery Yakubovich	ESSEC Business School (France)
Jane Zavisca	The University of Arizona (USA)

Editorial Council

Tatyana Bogomolova	Institute of Economics and Industrial Engineering of the Siberian Branch of Russian Academy of Sciences (Russia)
Alexander Chepurenko	HSE (Russia)
Vladimir Gimpelson	HSE (Russia)
Lyudmila Khakhulina	Yuri Levada Analytical Center (Russia)
Nikolay Lapin	Institute of Philosophy of Russian Academy of Sciences (Russia)
Tatyana Maleva	Institute of Social Analysis and Forecasting, The Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (Russia)
Lilia Ovcharova	HSE (Russia)
Vadim Radaev (Editor-in-Chief)	HSE (Russia)
Yuriy Veselov	Saint Petersburg State University (Russia)
Vadim Volkov	European University at Saint Petersburg (Russia)

Содержание

Вступительное слово главного редактора (*В. В. Радаев*) 7

Тексты на русском языке

Новые тексты

М. М. Соколов, Н. А. Соколова

Среды, а не классы: паттерны горизонтальной стратификации
в современной городской России. 12

Е. Е. Сидорова

Насколько дифференцировано судебное оспаривание решений
административных органов власти в регионах России?
На примере антимонопольных дел 30

Новые переводы

Д. Старк

Тесты и тестирование в период пандемии..... 70

Расширение границ

А. В. Семёнов

Неровный темп: динамика готовности к экономическим протестам в России (1996–2019)..... 107

Новые книги

Н. Н. Мещерякова

Социальные последствия липкой экономики
Рецензия на книгу: Banerjee A. V., Esther D. 2019. *Good Economics for Hard Times: Better Answers to Our Biggest Problems*. New York: Public Affairs. 432 p..... 125

А. А. Субботин

Homo Sapiens Socialis
Рецензия на книгу: Буайе П. 2019. *Анатомия человеческих сообществ. Как сознание определяет наше бытие*. М.: Альпина нон-фикшн. 436 с..... 139

Конференции

Д. Р. Лебедева

Международный исследовательский семинар
«Разнообразие режимов власти и влияния в хозяйственных отношениях»,
НИУ ВШЭ, Москва, Россия, 3–4 июля 2020 г. 150

Тексты на английском языке

New Texts

P. Zhidkova

Types of Financial Disagreements in Families: Qualitative Evidence from Russia..... 162

Contents

Editor's Foreword (*Vadim Radaev*)..... 7

Texts in Russian

New Texts

Mikhail Sokolov, Nadezhda Sokolova

Milieus, Not Classes: Patterns of Horizontal Stratification in Urban Russia 12

Elena Sidorova

How Different are the Models of Administrative Adjudication Across
the Russian Regions? On the Example of Antitrust Cases 30

New Translations

David Stark

Testing and Being Tested in Pandemic Times..... 70

Beyond Borders

Andrei Semenov

Arhythmic Tempo: Dynamics of Readiness to Join the Collective Actions in Russia (1996–2019)..... 107

New Books

Nataliya Meshcheryakova

Sticky Economy's Social Consequences

Book review: Banerjee A. V., Duflo E. (2019) *Good Economics for Hard Times:*

Better Answers to Our Biggest Problems, New York: Public Affairs. 432 p..... 125

Alexander Subbotin

Homo Sapiens Socialis

Book review: Boyer P. (2019) *Anatomiya chelovecheskikh soobshchestv.*

Kak soznanie opredelyaet nashe bytie [Minds Make Societies: How Cognition

Explains the World Humans Create], Moscow: Alpina non-fiction (in Russian). 436 p..... 139

Conferences

Daria Lebedeva

International Workshop “The Varieties of Power in the Economy,”

Laboratory for Studies in Economic Sociology, NRU HSE, Moscow, Russia, July 2–3, 2020 150

Texts in English

New Texts

Polina Zhidkova

Types of Financial Disagreements in Families: Qualitative Evidence from Russia..... 162

VR ВСТУПИТЕЛЬНОЕ СЛОВО ГЛАВНОГО РЕДАКТОРА

Журналу «Экономическая социология» 20 лет!

Уважаемые читатели!

Ровно 20 лет назад, в сентябре 2000 г., вышел первый номер журнала «Экономическая социология». Это был один из первых электронных академических журналов в России, когда само понятие «электронный журнал» ещё нуждалось в разъяснении. Именно в те годы задавался стандарт, который стал общераспространённым много лет спустя.

Журнал создавался «на вырост»: на рубеже нового тысячелетия интернет-аудитория была весьма ограниченной. В 2000 г. число интернет-пользователей составляло лишь 3,6% городского населения России, а 56% горожан, по данным Фонда «Общественное мнение», вообще не слышали об Интернете. Время скачивания файла в 1 Мб составляло до 10 минут, и нам приходилось удерживать объём номера в пределах 1,2 Мб, а в случае превышения делать выносные приложения, чтобы у пользователей была возможность скачать очередной номер. Добавим, что в это время основным средством переноса информации были 3,5-дюймовые дискеты. Сейчас многие из перечисленных вещей воспринимаются с улыбкой, а молодые люди даже не могут этого представить.

Формально журнал изначально ничем не отличался от конвенционального бумажного издания. Постепенно он оброс всеми необходимыми формальными атрибутами — сначала российским, а затем и международным редакционным советом, получил идентификатор периодических изданий — ISSN (International Standard Serial Number — Международный стандартный серийный номер), был зарегистрирован в Минпечати. С 2008 г. в журнале было введено обязательное двойное анонимное рецензирование всех статей. С 2009 г. журнал был включён в Российский индекс научного цитирования (РИНЦ), в 2010 г. в числе первой группы электронных журналов вошёл в список журналов Высшей аттестационной комиссии (ВАК) РФ. Позднее журнал был отобран для российской поисковой интернет-платформы Web of Science (WoS), объединяющей реферативные базы данных публикаций в научных журналах, и вошёл в библиографическую и реферативную базу данных «Scopus».

Пользуясь случаем, хочу поблагодарить и поздравить всех коллег, которые внесли и вносят свой вклад в развитие нашего журнала.

Теперь по обыкновению перейдем к обзору очередного номера.

В рубрике «**Новые тексты**» мы публикуем статью канд. соц. н. *М. М. Соколова* (профессор Европейского университета в Санкт-Петербурге) и *Н. А. Соколовой* (младший научный сотрудник Европейского университета в Санкт-Петербурге) «Среды, а не классы: паттерны горизонтальной стратификации в современной городской России». В статье предпринята попытка создания на российском материале категориальной и интерактивной стратификационной схемы. По данным о дружеских связях 3200 петербуржцев построена сеть связей между занятиями, которая поделена на шесть кластеров с помощью Лувенского алгоритма обнаружения сообществ. Полученная группировка сортирует занятия на представляющие квалифицированный физический, неквалифицированный нефизический и квалифицированный нефизический труд. Показано, что границам между подобными сегментами свойственно вос-

производиться в следующих поколениях даже в отсутствие значимого экономического неравенства. В итоге утверждается, что именно среды, а не классы являются основными составляющими социальной структуры, определённой через интерактивную близость или стили жизни.

Далее следует статья *Е. Е. Сидоровой* (аспирант аспирантской школы по экономике НИУ ВШЭ) «Насколько дифференцировано судебное оспаривание решений административных органов власти в регионах России? На примере антимонопольных дел». Статья описывает основные особенности российской системы оспаривания решений административных органов (в данном случае антимонопольного органа). Анализ основан на данных о решениях российских арбитражных судов первой инстанции в отношении оспаривания решений антимонопольного органа по всем типам обвинений за 2012–2018 гг., полученных из Картоотеки арбитражных дел Федеральных арбитражных судов Российской Федерации. Сформирована выборка из 14 790 решений арбитражных судов первой инстанции, которые охватывают разные субъекты Российской Федерации. Демонстрируется высокий уровень дифференциации института судебного регулирования споров, вытекающих из взаимоотношений антимонопольного органа и компаний.

В рубрике «**Переводы**» мы знакомим читателей с переводом новой работы *Дэвида Старка* (профессор Колумбийского университета, США, и Университета Уорика, Великобритания) «Тесты и тестирование в период пандемии». В статье исследуются три аспекта тестирования. Первый: прокси (или прогнозы), которые что-то обозначают. Второй: испытание — критический момент, который нарушает течение социальной жизни. Третий: испытание означает вызов. Эти идеи служат строительными блоками для решения трёх основных проблем — представительства, отбора и подотчётности — в отношении тестирования во время кризиса с коронавирусом. Перевод — *Н. В. Конрой*.

В рубрике «**Расширение границ**» публикуется статья канд. полит. н. *А. В. Семёнова* (директор Центра сравнительных исторических и политических исследований Пермского государственного национального исследовательского университета) «Неровный темп: динамика готовности к экономическим протестам в России (1996–2019)». В данной статье демонстрируется, что рост потребительских цен и ухудшение положения на рынке труда имеют отложенный эффект на готовность присоединиться к коллективным действиям с экономическими требованиями. Предполагается, что в основе этого эффекта лежат два механизма: первый связан с увеличением разрыва между наличным и желаемым уровнями потребления; второй связывает ухудшение экономического положения с переоценкой эффективности работы правительства и последующим усилением протестных настроений. Статистический анализ, основанный на модели авторегрессии с распределённым лагом, показывает, что уровень общественного оптимизма также выступает кратко- и долгосрочным предиктором протестных настроений россиян.

В рубрике «**Новые книги**» д. соц. н. *Н. Н. Мещерякова* (профессор Томского политехнического университета) рецензирует книгу «*Good Economics for Hard Times: Better Answers to Our Biggest Problems*» («Приемлемая экономика для трудных времён: лучшие решения для сложнейших задач»), которая написана нобелевскими лауреатами по экономике (2019 г.) *Абхиджитом Банерджи* и *Эстер Дюфло*. Книга затрагивает следующие вопросы: почему экономисты и другие социальные исследователи предлагают неэффективные ответы на глобальные вызовы? В чём опасность стереотипного мышления и устаревших экономических схем и теорий? Почему нельзя полагаться только на интуицию учёного? В чём сила кропотливых социальных исследований, основанных на экспериментальных методах, тщательной обработке фактов? Почему сегодня нет универсальных рецептов экономического роста, и каждый национальный вариант социально-экономического развития становится, по сути, уникальным? А также многие другие.

А. А. Субботин (аспирант кафедры демографии Высшей школы современных социальных наук МГУ имени М. В. Ломоносова) рецензирует книгу П. Буайе «Анатомия человеческих сообществ. Как сознание определяет наше бытие» (М.: Альпина нон-фикшн, 2019). Автор книги — франко-американский эволюционный психолог пытается решить шесть основных проблем: «Что лежит в основе межгрупповых конфликтов?», «Зачем нужна информация?», «Почему существуют религии?», «Что такое естественная семья?», «Как может общество быть справедливым?», «Может ли наш разум постичь общество?». Приводится множество увлекательных данных, в том числе из личного полевого опыта автора, который пишет простым языком о сложных вещах.

В рубрике «**Конференции**» стажёр-исследователь ЛЭСИ НИУ ВШЭ Д. Р. Лебедева делает обзор международного исследовательского семинара «Разнообразие режимов власти и влияния в хозяйственных отношениях» («The Varieties of Power in the Economy»), который прошёл 3–4 июля 2020 г. в Москве. На мероприятии обсуждались не только множественность форм влияния и контроля в хозяйственных отношениях, но и амбивалентность власти.

Текст на английском языке

Полина Жидкова (Берлинский университет имени Гумбольдта, научный сотрудник НИУ ВШЭ) представляет статью «Типы финансовых разногласий в семье: качественные свидетельства из России» («Types of Financial Disagreements in Families: Qualitative Evidence from Russia»). Предшествующие исследования установили, что финансовые разногласия в семье служат основным предиктором будущих разводов. Используя материалы интервью с 35 российскими семейными парами, автор выделяет пять основных типов таких разногласий. Они включают ценовые конфликты, конфликты в отношении первоочередных потребностей, конфликты целей, конфликты, возникающие из недостатков планирования, и ценностные конфликты. Полученные результаты высвечивают актуальность отношенческой социологии как исследовательского подхода.

VR INTRODUCTORY REMARKS

Journal of Economic Sociology is 20 Years Old!

Dear colleagues,

The very first issue of the *Journal of Economic Sociology* came out in September 2000, exactly twenty years ago. It was one of the pioneers among the academic e-journals in Russia at the time, when the very notion of 'electronic journal' was not widely recognized. We contributed to a new standard, which became quite common many years later.

Remarkably, at the turn of the new millennium, the internet audience was still pretty small and accounted for only 3.6 percent of the total urban population of Russia. Data collected by the Public Opinion Foundation showed that 56 percent of urban residents had not heard about the internet at all. Normally, it took up to 10 minutes to upload a simple 1 MB file. Thus, we had to keep each issue within the limit of 1.2 MB and make appendices so as not to exceed this limit. It is difficult to believe now, but it was a time when 3.5-inch floppy disks were still in active use. Younger people have never seen these devices.

From the start, our journal was very similar to regular academic journals in terms of its content and principles. Step by step, all formal arrangements were made, including the implementation of Russian and International Editorial Boards. The journal was officially registered. Blind double peer review was introduced in 2008. The journal was included in the Russian Index of Scientific Citation in 2009 and was selected for the official list of the Higher Attestation Committee in 2010. It became one of the first e-journals to gain official and public recognition, and was listed on the Web of Science and Scopus.

I would like to use this opportunity to thank all my colleagues who put in great effort to developing this journal over the last two decades.

Now let us introduce to you to a new issue of our journal.

Texts in Russian

Dr. Mikhail Sokolov and Nadezhda Sokolova (both from the European University at St. Petersburg) present a paper called 'Milieus, Not Classes: Patterns of Horizontal Stratification in Urban Russia.' The paper describes an experiment aimed at creating a categorical and interactive stratification schema for the population of a major Russian city (St. Petersburg). The authors used data on the friendship ties of 3,200 adults to create a network of ties among occupations and the Louvaine community detection algorithm to identify six clusters. The clusterization obtained distinguished between skilled manual, routine non-manual, and professional occupations, demonstrating that close social ties are more likely to be found within, rather than between, their boundaries. The authors interpret the clusterization as evidence of the existence of milieus confined within institutional barriers of social sectors. Such milieus, rather than classes, serve as the building blocks of social structure, defined through intensity of interaction or lifestyles.

Elena Sidorova (doctoral student in economics, NRU HSE) presents the paper 'How Different are the Models of Administrative Adjudication Across the Russian Regions? On the Example of Antitrust Cases.' This article is aimed at describing the main features of the Russian system of contesting the decisions of administrative authorities. The analysis is based on data obtained from the Arbitration Card File of the Federal Arbitration Courts of the Russian Federation on decisions of the Russian arbitration courts of first instance with respect to

contesting the decisions of the antimonopoly body on all types of charges for the period 2012–2018. For the indicated period, a sample of 14,790 decisions of arbitration courts of the first instance was formed, which covered different subjects of the Russian Federation. The author revealed the essential parameters that determine the differences in the processes of law enforcement and the quality of the institutional environment.

We publish a translation of a new paper by Professor David Stark (Columbia University and Warwick University) called ‘Testing and Being Tested in Pandemic Times.’ The study identifies three aspects of testing. First, tests are frequently proxies (or projections) that stand for something. Second, a test is a critical moment that disrupts the flow of social life. Third, when someone or something is put to the test, it is always a challenge. These insights serve as the building blocks for addressing three major issues—representation, selection, and accountability – regarding testing in the time of the coronavirus crisis.

Dr. Andrei Semenov (Perm State University) presents a paper ‘Arhythmic Tempo: Dynamics of Readiness to Join the Collective Actions in Russia (1996–2019).’ The paper argues that two mechanisms link inflation and unemployment to the readiness to join economic protests: first, high levels of both indicators increase the gap between actual and desired consumption levels; second, high levels of inflation and unemployment signal the lack of governmental competence. Statistical analysis based on the autoregressive model with distributed lag (ADL) confirms the hypothesis of the consumer price index and unemployment’s lagged impact on the readiness to protest, while public optimism exhibits both short- and long-term effects on the protest mood.

Dr. Nataliya Meshcheryakova (Tomsk Polytechnic University) reviews a book from Nobel prize winners in Economics Abhijit Banerjee and Esther Duflo (2019) called *Good Economics for Hard Times: Better Answers to Our Biggest Problems*. Among others, the book tries to answer the following questions: why do economists and other social researchers offer ineffective responses to global challenges? What are the dangers of stereotypical thinking and outdated economic schemes and theories? Why can't we rely only on the scientist's intuition? What is the power of painstaking social research based on experimental methods and careful processing of facts? Why are there no universal recipes for economic growth? Why is each national variant of socioeconomic development unique?

Alexander Subbotin (Lomonosov Moscow State University) provides a review of the book by Pascal Boyer *Minds Make Societies: How Cognition Explains the World Humans Create*. In this book, the author, who is a French-American evolutionary psychologist, tackles six major questions: What is the basis of intergroup conflicts? Why do we need information? Why do religions exist? What is natural family? How can society be fair? Can our minds comprehend society? He provides a lot of fascinating data from personal field experience, and shares his views in a clear and straightforward manner.

Daria Lebedeva reviews an international workshop ‘The Varieties of Power in the Economy,’ held at the Higher School of Economics, Moscow, from July 3rd to 4th, 2020. The conference participants discussed the variety and ambivalence of power relations and practices in the economy.

Text in English

Polina Zhidkova (Humboldt University, NRU HSE) publishes a paper ‘Types of Financial Disagreements in Families: Qualitative Evidence from Russia.’ Financial disagreements have previously been identified in the literature as the main predictor of divorce in families. Using data collected from interviews with 35 married or cohabiting Russian couples, the author identifies five types of financial disagreements: price conflicts, conflicts about necessity, conflicts of goals, conflicts due to a lack of planning, and conflicts of values. The obtained results highlight the importance of using a relational sociology approach.

НОВЫЕ ТЕКСТЫ

М. М. Соколов, Н. А. Соколова

Среды, а не классы: паттерны горизонтальной стратификации в современной городской России¹

СОКОЛОВ Михаил Михайлович — кандидат социологических наук, профессор Европейского университета в Санкт-Петербурге. Адрес: 191187, Россия, Санкт-Петербург, ул. Гагаринская, 6/1а.

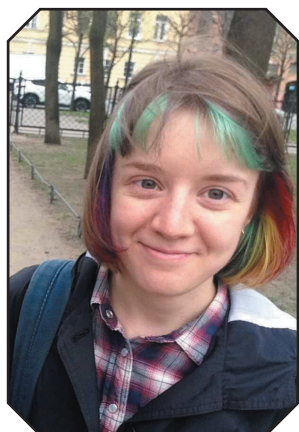
Email: msokolov@eu.spb.ru

В статье предпринята попытка создания на российском материале категориальной и интерактивной стратификационной схемы. Используя данные о дружеских связях 3200 петербуржцев, мы построили сеть связей между занятиями, которую затем поделили на шесть кластеров с помощью Лувенского алгоритма обнаружения сообществ. Полученная группировка сортирует занятия на представляющие квалифицированный физический, неквалифицированный нефизический и квалифицированный нефизический труд. Однако, в отличие от схемы Голдторпа, предусматривающей сходные различия, наша группировка вводит, помимо горизонтальных делений между стратами, вертикальные деления между сегментами специалистов, занятых квалифицированным нефизическим трудом (педагогические и (или) артистические специальности, офисные работники и т. д.). Мы показываем, что границам между подобными сегментами свойственно воспроизводиться в следующих поколениях даже в отсутствие значимого экономического неравенства. Мы также показываем, что этим сегментам соответствуют различия в стилях жизни и потреблении (например, участие в высокой культуре). Мы интерпретируем эти сегменты как среды, существующие в изолированных институциональными барьерами социальных секторах. Среды, а не классы являются основными составляющими социальной структуры, определённой через интерактивную близость или стили жизни.

Ключевые слова: социальная структура в России; социальная стратификация; стратификационные шкалы; социально-сетевой анализ; профессии; алгоритмы обнаружения сообществ; горизонтальная стратификация.

В этой статье мы ставим перед собой две задачи. Во-первых, экспериментируем с новым, насколько нам известно, подходом к созданию карты социальной структуры. Во-вторых, утверждаем, что полученные нами результаты проливают свет на некоторые важные особенности социальной стратификации в России, вызывающие сомнения в возможности применения к российскому материалу многих имеющих широкое хождение сегодня классовых схем. Мы начнём с описания нашего подхода, а затем перейдём к обсуждению теоретических импликаций наших эмпирических результатов.

¹ Авторы благодарны Юлии и Павлу Степанцовым (компания Synopsis), организовавшим проведение опроса, а также Эдуарду Понарину и другим участникам обсуждения черновика этой статьи 5 декабря 2019 г. на конференции «Тревожное общество» Санкт-Петербургской ассоциации социологов.

СОКОЛОВА Надежда Александровна — младший научный сотрудник Центра институционального анализа науки и образования Европейского университета в Санкт-Петербурге; аспирантка НИУ ВШЭ. Адрес: 191187, Россия, Санкт-Петербург, ул. Гагаринская, 6/1а.

Email: nsokolova@eu.spb.ru

Категориально-интерактивный подход к построению стратификационных схем

Существующие подходы к описанию социальной структуры можно поделить на категориальные и градуальные. *Категориальные подходы* предполагают, что эта структура может быть описана как набор дискретных групп; *градуальные* — что она должна отображаться как одно или несколько измерений, образующих социальное пространство, в котором существуют градации близости или удалённости [Wright et al. 1982; Ganzeboom, De Graaf, Treiman 1992; Weeden, Grusky 2005; 2012]². Ещё один параметр для их классификации — принимают ли они за меру сходства позиций наличие связи между теми, кто их занимает (*интерактивные подходы*), или совпадение их атрибутов (*атрибутивные подходы*). Использование связи основано на предположении, что формы устойчивых взаимоотношений между индивидами (дружба, брак) предполагают равенство статуса и более широко структурную близость [Bihagen, Lambert 2018]. Источником всех интерактивных шкал можно считать классические исследования Ллойда Уорнера, который на основании ассоциаций между индивидами строил карту классовой системы локального сообщества ещё в 1930-х гг.

Два измерения, которые мы выделили, создают таблицу два на два, в ячейках которой находятся (1) категориальный подход, основанный на сходстве атрибутов (например, схемы Голдторпа и Райта); (2) градуальный подход, основанный на сходстве атрибутов (шкала Треймана и Международный индекс социального статуса — International Socio-Economic Index, ISEI) и (3) градуальный подход, основанный на связях (Кембриджская шкала социальной интеракции и стратификации — Cambridge Social Interaction and Classification Scale). Логически возможно заполнение и четвёртой ячейки, в которой будет располагаться категориальный подход, основанный на связях, однако, насколько нам известно, никто до сих пор не пытался этого сделать. В этой статье мы предложим способ заполнить её.

Наравне с градуальностью и интерактивностью третьим измерением в классификации стратификационных схем могли бы стать основания, на которых индивид причисляется к тому или иному классу. Этим основанием может быть обладание какими-то ресурсами (например, образованием), элементы стиля жизни (как в одной из первых классовых схем, разработанных Чарльзом Бутом, в которой фигурируют «державшие прислугу классы») или заня-

² Выборы между этими подходами связаны с тем, лежали ли в основе стратификационной схемы теоретические соображения или сугубо эмпирические наблюдения — категориальные подходы обычно возникают дедуктивным путём, градуальные — индуктивным [Wright et al. 1982]. Кроме того, выбор подхода предполагает выбор метода статистического анализа: категориальные подходы обычно опираются на кластерный анализ, градуальные — на факторный или многомерное шкалирование. Наконец, у них, предположительно есть политические импликации, из-за которых «стратификация» — под ней понимались градуальные подходы — была под политическим подозрением в СССР.

тие³. Фактически большинство перечисленных выше схем классифицируют индивидов именно на основании их занятий⁴. При понятных недостатках этого подхода (внутри занятий существует значительная гетерогенность, особенно очевидная в российском случае, в котором детский врач в сельской поликлинике и косметолог в московской частной клинике во всех смыслах являются представителями разных миров) в его пользу можно сказать следующее: (а) профессиональная жизнь является основным источником доходов, локусом политических интересов и источников социальных связей для подавляющего большинства индивидов в современных обществах; (б) не составляет большого труда собрать информацию о занятиях самого индивида и тех, с кем этот индивид связан (друзья, супруги, родители). Эта информация, в отличие, например, от информации о доходах, редко скрывается, и соответствующие воспоминания обладают достаточной отчётливостью [Erikson, Goldthorpe 2010].

Таким образом, нашу четырёхчастную кросс-классификацию можно превратить в восьмичастную (см. таблицу 1).

Таблица 1

Классификация основных подходов к построению стратификационных схем*

	Градуальные		Категориальные	
	Атрибутивные	Интерактивные	Атрибутивные	Интерактивные
Профессиональные	ISEI, Трейман	CamSIS	Голдторп	Наш подход
Иные атрибуты	Бурдьё	Уорнер	Райт	—

* В столбцах таблицы указаны фамилии авторов подходов или названия разработанных ими шкал.

В этом исследовании мы буквально следовали традиции Ллойда Уорнера и Эдварда Лауманна [Warner 1963; Laumann, Guttman 1966], предполагая, что наличие и отсутствие дружеских связей между представителями разных профессиональных групп свидетельствует о социальной дистанции между ними, однако вместо попытки создать на основании близости градуальные шкалы статуса мы использовали алгоритмы кластеризации, делящие контактирующие занятия на дискретные группы.

Данные

Мы использовали данные двух опросов (3200 респондентов с квотами по полу, возрасту и образованию⁵), проведённых по мобильным телефонам в Санкт-Петербурге в июне 2019 г. Некоторые вопросы задавались всем респондентам, другие — одной из двух подвыборок по 1600 человек. Для составления профессиональной шкалы нам нужно было получить информацию о занятости респондентов и трёх их ближайших друзей. С этой целью мы использовали следующие вопросы: «Расскажите в нескольких словах, кем Вы работаете в настоящее время. Если работаете в нескольких местах, отвечайте про ту занятость, которую считаете основной»⁶; «Я попрошу сейчас подумать о трёх близких Вам людях, но не

³ В этом тексте понятия «занятие» и «профессия» будут использоваться как взаимозаменяемые. Также мы не проводим различий между «классовой» и «статусной» иерархиями.

⁴ Теоретически интерактивную шкалу можно построить, используя как узлы и отдельных индивидов, однако, по понятным причинам на данный момент эта техника неприменима за пределами локального (или, скажем, профессионального) сравнительного небольшого по размерам сообщества.

⁵ Авторы благодарят компанию Synopsis, проводившую опрос. Благодаря квотам, выборка репрезентировала генеральную совокупность — население Петербурга старше 18 лет — по полу (44,5% мужчин, 54,5% женщин при 44,6 и 55,4%, согласно микропереписи 2015 г.) и возрасту. Однако, несмотря на квотирование, доля лиц с высшим образованием, возможно, оказалась несколько превышенной (50,7% с высшим образованием при 44,5%, согласно микропереписи), надо учесть, однако, что микроперепись проводилась среди лиц старше 15 лет, часть из которых ещё не закончили школу. Перекоз выборки в любом случае вряд ли сказался на составе выделенных нами кластеров, но мог отразиться на их относительной численности.

⁶ Для находящихся в декрете вопрос ставился иначе: «Ваша последняя работа до выхода в декрет»; для пенсионеров — «Ваша последняя работа до выхода на пенсию».

родственников. Скажите, пожалуйста, кем они работают». Во всех случаях нам требовалось получить как можно более подробную информацию про занятость, поэтому интервьюерам были даны указания спрашивать о занимаемой должности или, в качестве уточнения, о сфере деятельности. Например, если индивид говорил, что он рабочий, менеджер или специалист, от интервьюеров требовалось указать конкретную сферу занятости, чтобы можно было получить представление о функционале.

Полученные ответы кодировались в соответствии с классификатором профессий ISCO 88 [International... 1990]. Эта кодировка принимает во внимание два критерия — специализацию (*skill specialization*), то есть область задач, с которыми имеет дело работник, и навыки (*skill level*), то есть требуемую для выполнения работы квалификацию. ISCO 88 предлагает деление профессий на группы, которых всего 10: 0 — занятые в вооружённых силах; 1 — законодатели и менеджеры; 2 — специалисты высшей квалификации; 3 — технические специалисты; 4 — клерки; 5 — работники сферы услуг; 6 — квалифицированные работники сельского хозяйства; 7 — рабочие-ремесленники; 8 — операторы станков; 9 — неквалифицированные рабочие (*elementary occupations*). В случае приписывания индивида к категории военных или руководителей уровень квалификации не принимается во внимание; группа 2 предполагает наличие высшего профессионального образования; группа 3 — среднего профессионального образования; группы 4–8 относятся по ISCO ко второму уровню квалификации (то есть предполагают наличие школьного образования и небольшого периода обучения на рабочем месте); группа 9 требует лишь начальную ступень школьного образования.

Перевод профессий в систему ISCO 88 содержит несколько проблемных моментов. Во-первых, ISCO 88 был создан, как понятно из названия, в 1988 г. и, соответственно, не включает появившиеся позже группы специальностей⁷. В этом случае требуется соотнести информацию о специализации и требуемых навыках с описанием профессиональных групп из ISCO 88. Для кодировки сложных случаев мы использовали информацию из российских профстандартов. Во-вторых, ISCO не содержит отдельного кода для самозанятых. Мы ввели код 10001 для недифференцируемых индивидуальных предпринимателей (ИП), в остальных случаях профессия индивида была классифицирована в соответствии с областью специализации. Например, если респондент отвечал, что является самозанятым водителем такси, мы кодировали его как водителя такси. В-третьих, проблему составляет процесс дифференциации групп в соответствии с требуемой квалификацией в контексте российской системы профессий. В данном случае мы также пользовались российским профстандартом, чтобы получить информацию о требуемом уровне квалификации.

ISCO 88 предполагает, что менеджеры будут кодироваться как руководители, попадая в группу 1, но мы не знаем, сколько человек находятся под руководством респондента и в целом является ли он руководителем, так как в российском контексте позиция «менеджер» может не включать функции управления (например, «менеджер торгового зала»). Для этих случаев мы ввели код 11001, объединяющий занятия нефизическим трудом, которые мы не можем однозначно идентифицировать. Классифицируя профессии, мы также столкнулись со сложными случаями, не указанными в российском профстандарте: например — «вебкам модель» или «муж на час». Эти профессии мы отнесли к группе 514 — работники, оказывающие индивидуальные услуги (*other personal service workers*).

Опираясь на коды ISCO, мы вычислили, используя доступные скрипты, баллы для каждого индивида по шкале Эриксона — Голдторпа — Понтеккеро (EGP), имеющей сегодня самое большое распространение категориальной стратификационной схемы.

⁷ Мы не использовали ISCO 08, созданный в 2008 г., по сугубо технической причине: скрипты, автоматические перекодирующие профессии в позиции в разных стратификационных схемах, до сих пор доступны лишь для ISCO 88. Впрочем, различия между схемами сравнительно незначительны.

Эксперимент с созданием интерактивной шкалы

На первом этапе исследования мы использовали собранные данные, чтобы максимально точно воспроизвести стратегию Лауманна на российском материале, создав интерактивную шкалу на основании данных о занятости респондента и трёх его близких друзей. Мы использовали технику, позволяющую воссоздать дистанции в социальном пространстве — многомерное шкалирование⁸ (использован встроенный алгоритм программы UCINET [Borgatti, Everett, Freeman 2002]). Респонденты, которые на момент опроса обучались и не работали, были исключены из анализа. Также мы исключили из анализа все профессиональные группы с наполнением менее 20 респондентов. В итоге у нас получилась матрица размером 84 на 84, где в ячейках было указано количество связей между представителями данных профессиональных групп.

Однако полученные решения не были удовлетворительны ни с математической (высокое значение стресса для любых решений с числом измерений менее четырёх), ни с содержательной точки зрения. Так, для первого измерения, которое у Кеннета Пранди и Пола Ламберта однозначно коррелировало со статусом⁹, мы не смогли получить сильных корреляций ни с одной из базовых социологических переменных (для первого измерения максимальная корреляция — 0,389 — наблюдалась с полом; второе измерение значимо коррелировало с образованием, однако лишь на уровне 0,228). Мы нашли также только ограниченную корреляцию с адаптированной к российскому случаю шкалой CAMSIS, рассчитанной на браках [Bessudnov 2012]: 0,204 — для первого измерения и 0,413 — для второго.

При более внимательном рассмотрении полученного решения можно было увидеть, однако, что группы родственных занятий соседствовали друг с другом — например, рядом оказались образовательные и творческие профессии (учитель, преподаватель вуза, дизайнер, кинооператор, архитектор, художник). Под влиянием этого наблюдения мы изменили подход и попробовали переориентироваться с выделения латентных измерений на идентификацию групп.

Разработка категориальной интерактивной схемы

С этой целью мы использовали Лувенский алгоритм кластеризации (Louvain community detection algorithm) [Blondel et al. 2008], встроенный в программу Pajek [Batagelj, Mrvar 2004], применив его для сети, где узлами являлись профессии, а связям между ними соответствует зафиксированное количество случаев, когда их представители дружили. Алгоритм кластеризации идентифицировал группы занятий, характеризующиеся большим количеством связей внутри группы, чем между группами.

В данном случае мы не изымали из анализа малочисленные профессиональные группы, оставив даже те из них, наполнение которых было меньше 20. Итоговое решение, на котором мы остановились в силу его наибольшей стабильности, предлагает деление на 7 групп с модулярностью 0,33. Это невысокий показатель модулярности¹⁰, который говорит о том, что в нашем случае деление на группы доволь-

⁸ Метод также использовался в работе: [Chan, Goldthorpe 2004].

⁹ И создатели CamSIS, и Лауманн, и Голдторп, и Так Винг Чан, которые первыми экспериментировали с интерактивными шкалами еще в 1960-х гг., использовали только первое измерение, полученное при анализе матрицы связей с помощью многомерного шкалирования или какого-либо родственного метода. Второе и третье измерения, связанные с гендером и с институциональной экологией (врачи женятся на медсестрах), отбрасывались ими как имеющие мало отношения к стратификации (см. критику: [Flammen, Jarness, Rosenlund 2019]). Действительно, первое измерение обычно хорошо коррелировало с другими статусными шкалами и в этом смысле было недвусмысленно интерпретируемым, однако, как мы попробуем показать дальше, отказавшись выходить за его пределы, исследователи, возможно, делали ошибку.

¹⁰ Модулярность используется в социально-сетевом анализе для интерпретации качества итогового решения и показывает, насколько хорошо выбранный вариант кластеризации производит деление на группы. Значения модулярности лежат в интервале от -1 до +2,1.

но условное. Мы анализировали шесть групп, так как в седьмую группу попали всего две профессии с низким наполнением — диспетчер аэропорта и финансист; и мы убрали их из анализа. В таблице 2 перечислены полученные группы с их основными представителями. Можно заметить некоторую логику в композиции кластеров: кластеры состоят из занятий, которые сходны по уровню и профилю образования, необходимым для того, чтобы посвятить себя им. Кроме того, их представители обычно работают в физическом контакте в общем пространстве (например, в офисе).

Во втором кластере большинство приходится на представителей профессий, предполагающих высшее техническое или естественнонаучное образование — инженеры, программисты и т. д. Третий кластер объединяет прежде всего офисных работников (например, сотрудник отдела кадров), для которых необходимо социально-экономическое образование. В четвёртом кластере большинство составляют педагоги разных уровней и представители творческих профессий. В пятый кластер входят работники сферы услуг — представители занятий, не требующих, как правило, какой-либо специальной квалификации. Шестой кластер состоит преимущественно из квалифицированных рабочих-ремесленников и операторов станков на производстве. Первый кластер наиболее разнороден и, помимо руководителей предприятий и ведущих специалистов (юрист, экономист), в нем представлены также военные и медики.

Таблица 2

Наполнение кластеров

Номер кластера	Название кластера	Состав кластера
1	Менеджеры (23,7%)	Прочие менеджеры (530), руководитель небольшого предприятия (423), бухгалтер (374), военный (229), терапевт (212), юрист (188), экономист (183), генеральный директор (116), старший бухгалтер (110), врачи (63)
2	Инженеры (12,8%)	Инженер (931), прочие компьютерщики (226), архитектор (70), программист (39), вахтёр (37), научный сотрудник (36), техник-биохимик (19), массажист (17), пилот (12), почтальон (11)
3	Офисные специальности (8%)	Агенты по недвижимости и др. (328), прочий нефизический труд (322), официант (96), маркетолог (57), торговый агент (45), кинооператор (38), сотрудник отдела кадров (30), косметологи и иные индивидуальные услуги (26), филолог (17), ветеринар (13)
4	Педагоги (10,5%)	Учитель средней школы (288), офис-менеджеры, (192), преподаватель вуза (167), дизайнер (98), педагог дополнительного образования (97), творческие профессии (75), секретарь (54), специалист (среднее образование) (50), художник (47), учитель начальной школы (45)
5	Сервисные специальности (20,5%)	Продавец (407), кладовщик (280), медсестра (216), агент по путешествиям (177), повар (164), воспитатель (132), тренер (99), парикмахер (90), уборщик (89), кассир (80)
6	Рабочие (24,5%)	Индивидуальный предприниматель (408), строитель (208), механик (184), тракторист (183), водитель грузовика (162), руководитель отдела (154), прочие операторы машин (152), охранник (120), таксист (115)

Внимательное изучение таблицы показывает, что в нашей сети не было ясных границ, и попадание многих, особенно немногочисленных, занятий в конкретный кластер выглядит очевидной случайностью — например, попадание официанта и ветеринара в офисные специальности. Границы кластеров всегда менялись от одного решения, которое предлагал алгоритм, к другому, однако мы могли отметить, что в самих этих трансформациях присутствовала общая логика: кластеры образовывались вокруг блоков родственных занятий, хотя не во всех случаях каждому такому блоку соответствовал свой кластер и иногда алгоритм группировал вместе несколько слабо связанных занятий. Так, во многих решениях присутствовал особый медицинский кластер, в который попадали врачи и медсестры, в данном решении поделённый между кластерами 1 и 5; в других появлялся отдельный «силовой», и т. д.

Кроме того, группы занятий, которые в разных решениях перетягивали на себя такие спорные случаи, оставались одними и теми же — так, индивидуальных предпринимателей, руководителей отделов (в которые попали, в частности, прорабы) и военных перетягивали на себя то руководители, то рабочие. Тем не менее в финальном решении, которым мы пользовались, почти половина дружеских связей имели место внутри кластеров (49% для первого друга, 47% для второго, 46,7% для третьего, при ожидаемом угадывании в 26%).

Категориально-интерактивная группировка и другие стратификационные схемы

Соответствуют ли выделенные нами группы классам? Ламберт и его коллеги утверждают, что их подход отражает теоретические взгляды Бурдьё на организацию социального пространства [Prandy, Lambert 2003: 399]. В схеме Бурдьё основным идентификатором индивида будут объем и композиция капиталов [Savage et al. 2013], но конфигурация капиталов отражается в формировании потребительских паттернов, которые, в свою очередь, задают «чувство собственного места» и влияют на создание новых социальных связей. Отсюда следует, что, получая информацию о связях индивида, мы можем очертить границы групп со сходными капиталами. При этом главным должно быть измерение, противопоставляющее классы с большим объемом капитала классам с малыми объемами, поскольку, по Бурдьё, классовым образованиям свойственна интерактивная замкнутость. В этом свете Кеннет Пранди и Питер Ламберт интерпретировали первое измерение, полученное ими в результате использования многомерного шкалирования.

В нашем случае, как мы видели, измерение, которое можно было бы соотнести со статусом, отсутствовало. Возможно ли, однако, что наши категориальные группы все-таки выстроены в более-менее иерархическом порядке и в этом смысле соответствуют классам? Мы приводим данные (см. таблицу 3) о соответствии между нашей группировкой и шкалой EGP; также мы включили разбивку занятий по Общероссийскому классификатору специальностей по образованию (ОКСО). Этот классификатор разделяет занятия на четыре уровня, примерно совпадающими с уровнями 2, 3, 4–8 и 9 по ISCO: 1 — занятия, которые требуют профильного высшего образования (например, университетские преподаватели); 2 — те занятия, которые допускают профильное среднее специальное образование (например, бухгалтеры); 3 — занятия, которые предполагают среднее специальное, но допускают обучение на рабочем месте (например, слесари); 4 — те, которые не предполагают никакой специализированного образования и поэтому исключены из классификатора. Кроме того, ОКСО разделяет в образовании семь общих профилей — естественнонаучный, технический, медицинский, социально-экономический, педагогический, искусства, военный. На третьем уровне (необязательное среднее специальное образование), однако, представлены только два профиля — технический (например, водители) и социально-экономический, к которому относится сервис (например, парикмахеры). Все занятия, таким образом, можно поделить на 10 групп; семь из них требуют, как минимум, среднего специального образования по каждому из профилей; две группы допускают обучение на рабочем месте (сервисные и рабочие профессии) и одна предназначена для занятий, не требующих образования и находящихся поэтому вне ОКСО.

Таблица 3

**Пересечения интерактивно-средовой схемы (столбцы)
с другими категориальными группировками (строки), % по столбцу**

Название кластера	Менеджеры	Инженеры	Офисные специальности	Педагоги	Сервисные специальности	Рабочие
СХЕМА ГОЛДТОРПА (53,8% корректно предсказанных; V Крамера 0,466)						
Высшие специалисты	56,3	75,5	1,7	15,3	0,2	7,4
Низшие специалисты	20,8	15,9	84,4	56,5	9,8	1,7
Неквалифицированный нефизический труд	14,8	0,0	1,1	23,6	63,1	0,0
Квалифицированный физический труд	7,5	2,2	0,0	3,2	13,4	47,3
Неквалифицированный физический труд	0,6	6,5	12,8	1,3	13,6	41,1
Сельскохозяйственные специальности	0,0	0,0	0,0	0,0	0,0	2,4
КЛАССИФИКАТОР ОКСО (64,3% корректно предсказанных; V Крамера 0,617)						
Вне ОКСО	3,2	4,7	12,8	0,7	13,3	15,7
Естественники	2,1	0,5	0,0	3,5	0,2	0,0
Инженеры	10,1	87,6	0,0	4,2	1,8	5,8
Врачи	13,3	2,5	3,3	1,4	8,9	0,3
Социально-экономические специальности	59,5	0,3	77,8	27,1	33,1	1,4
Педагоги	0,6	0,8	0,6	30,6	5,3	0,0
Работники сферы искусства	0,4	0,0	5,0	27,5	0,4	0,0
Военные	10,8	0,0	0,0	0,4	0,0	0,0
Сервисные работники	0,0	0,0	0,6	0,0	23,8	0,2
Квалифицированные рабочие	0,0	3,6	0,0	4,6	13,3	76,6
Абсолютное число в выборке	703	379	239	313	608	730

Самые значительные пересечения наша схема имеет с ОКСО, позволяющим корректно предсказать (при включении в логистическую регрессию) членство в выделенных нами группах почти $\frac{2}{3}$ индивидов, попавших в нашу выборку. Показатель для Голдторпа существенно ниже, хотя и значительно превосходит уровень слепого угадывания (корректно предсказано 54% при статистическом ожидании в 24,5%)¹¹.

Рассматривая пересечения между группировками, можем заметить, что в одну и ту же классовую категорию, по Голдторпу, может попадать большинство представителей двух разных кластеров, выделенных нами. Скажем, и большинство руководителей, и большинство инженеров попадают в группу высших специалистов, а большинство офисных специальностей и большинство педагогов — в категорию низших специалистов. Напротив, ОКСО однозначно противопоставляет менеджеров (для которых модальным образованием является социально-экономическое) и инженеров (для которых оно техническое).

Наши кластеры, таким образом, оказываются более дробными, чем классы EGP, и помимо горизонтальных границ, разделяющих вертикально упорядоченные категории, мы обнаруживаем верти-

¹¹ Группировка была получена следующим образом: зная, к какой категории в EGP и ОКСО принадлежит каждый из респондентов, мы предсказывали, в какой из категорий в нашей группировке респондент окажется. Надо иметь в виду, однако, два обстоятельства: (а) и EGP, и ОКСО, и наша группировка классифицируют занятия с разной наполненностью, а не индивидов, в то время как расчёты производятся для индивидов; (б) ОКСО содержит больше предсказывающих категорий, чем две другие схемы.

кальные границы, разделяющие группы, которые как будто находятся на одном уровне статусной иерархии (скажем, инженеров и педагогов). Отсутствие однозначных иерархических отношений подтверждается и данными о базовых социодемографических параметрах членов наших кластеров (см. таблицу 4).

Таблица 4

Социодемографические характеристики представителей кластеров

Профессиональная среда	Доля женщин, %	Медианный год рождения	Доля с высшим образованием, %	Доля с доходом ниже медианы, %	Доля с доходом выше медианы, %
Менеджеры	65,10	1970	84,90	19,40	66,80
Инженеры	49,90	1970	80,70	20,70	60,10
Офисные специальности	58,60	1982	75,70	19,20	65,90
Педагоги	80,80	1969	74,80	31,10	44,80
Сервисные специальности	77,80	1973	36,50	39,50	32,20
Рабочие	20,40	1973	31,60	24,40	53,10
Средняя доля	55,90	1972	58,60	26,00	53,20

Менеджеры (напомним, что название этой группы условно) и офисные работники из наших кластеров оказываются выше всего оплачиваемыми группами (учитывались только зарплаты работающих в настоящее время). За ними следуют инженеры и рабочие, а педагоги и сервисные специальности замыкают список. Наши группы очевидно не соответствуют иерархически упорядоченным экономическим стратам, и в этом смысле центральное положение всей уорнеровско-лауманновской традиции — люди предпочитают дружить с равными себе — находит лишь частичное подтверждение. Возможно, люди склонны дружить с равными себе, но эта тенденция проявляется лишь внутри секторов родственных специальностей, не на уровне общества в целом. При этом экономическая вариация внутри секторов специальностей во много раз больше, чем между ними.

Далее, наши группы со всеми их границами — и горизонтальными, и вертикальными — демонстрируют явную тенденцию воспроизводиться в поколениях. Мы вычислили принадлежность к группировкам для родителя того же пола, что и наш респондент (см. таблицу 5).

Таблица 5

Наследование позиций в кластерах

Респондент	Родитель того же пола						Всего
	Руководители	Инженеры	Офисные специальности	Педагоги	Сервисные специальности	Рабочие	
Руководители	32,2%	13,1%	1,0%	11,9%	19,2%	22,7%	100,0%
Инженеры	27,0%	20,3%	1,4%	10,5%	14,5%	26,4%	100,0%
Офисные специальности	27,3%	9,8%	3,8%	13,1%	18,0%	27,9%	100,0%
Педагоги	25,1%	14,7%	2,0%	17,1%	21,1%	19,9%	100,0%
Сервисные специальности	18,6%	7,9%	2,4%	11,4%	31,7%	28,2%	100,0%
Рабочие	17,2%	11,4%	1,2%	6,5%	8,8%	54,9%	100,0%
Количество наблюдений	566	293	40	257	437	755	2348
Средняя доля	24,1%	12,5%	1,7%	10,9%	18,6%	32,2%	100,0%

Связь с занятием родителей существенно слабее, чем с занятием друзей (32% корректно отсортированных по выборке), отчасти вследствие исторических сдвигов в структуре занятости, но тем не менее в некоторых из наших групп есть несомненная тенденция к воспроизводству. Так, 54,9% родителей рабочих были рабочими (при среднем по выборке в 32,2%), а 23% родителей инженеров — инженерами (при 12,5% в среднем по выборке).

Содержательная интерпретация

Что говорят результаты нашего эксперимента о социальной структуре в России? Содержательно выделенные нами группы можно, видимо, трактовать как социальные среды. Эти среды обеспечивают большую плотность контактов, во-первых, за счёт того, что их представители учатся вместе в вузах и ссузах, во-вторых, за счёт контактов на рабочем месте, в-третьих, за счёт общности политических интересов, которые объединяют их во внутриорганизационной или национальной политике. Эта тенденция к изоляции подкрепляется историческими изменениями в структуре занятости, которые ведут к тому, что в разных секторах оказываются сконцентрированы представители разных поколений, а также поддерживается гендерным разделением труда. Действительно, кластеры отличаются своим гендерным профилем: в педагогическом кластере женщины составляют 80,8%, в рабочем — 20,4%. Различия по возрасту менее выражены, но всё равно значительны: в офисном кластере средний возраст на момент опроса составлял 37 лет, в педагогическом — 50 лет. Люди в целом склонны образовывать сильные связи с представителями той же демографической группы, что и они, и это приводит к дальнейшей изоляции сегментов. Институционально оформленные среды, а не классы составляют базовую единицу социальной структуры в России, по крайней мере, постольку, поскольку мы смотрим на организацию социальных сетей.

Этот аргумент в целом аналогичен аргументу из дюркгеймианской социологии профессий Дэвида Граски, приводившему его относительно отдельных занятий [Grusky, Galescu 2005; Weeden, Grusky 2012]. В нашем случае, однако, кажется, что мы имеем дело не столько с отдельными занятиями, сколько с целыми комплексами сопредельных занятий, соседствующих в одном институциональном секторе. Пример несложно найти в любом университете. Преподаватели в нём будут образовывать более-менее однородную среду, не смешивающуюся с административным и тем более с обслуживающим персоналом типа служб охраны. Эти две последние категории, впрочем, также не будут взаимодействовать друг с другом, живя собственной и неведомой для других групп жизнью. Некоторые среды соотносятся с традиционно понятыми классами (например, квалифицированные рабочие специальности), однако большинство сред в той или иной форме пересекают классовые границы. В этом смысле во многих отношениях не классы, а институционально оформленные среды являются базовыми единицами социальной структуры.

Так, замкнутость институционально ограниченных сред по идее должна сделать именно их, а не классы естественной средой для развития общих поведенческих стандартов и вкусов. Эти вкусы, с одной стороны, просто могут быть следствием относительной интерактивной изоляции, способствующей развитию субкультур, а с другой — отражать стремление претензии группы на общесоциальный престиж. Ниже мы показываем это (см. таблицу 6) на примере связи с несколькими элементами стиля жизни, которые часто рассматриваются как маркеры социального статуса, а именно со следующими элементами: (1) участие в высокой культуре (был ли респондент за последние 12 месяцев на опере, балете, концерте классической музыки или в художественном музее); (2) посещение кино за этот же период; (3) отдых за границей за последние три года; (4) посещение зубного врача, только если болят зубы; (5) предпочтение майонеза оливковому маслу; (6) опыт пользования кешбэком.

Таблица 6

Элементы стиля жизни представителей профессиональных сред

Профессиональная среда	Потребление высокой культуры (за 12 месяцев), %	Был(а) в кинотеатре 3 раза и более за 12 месяцев, %	Отдых за границей за последние три года, %	Не посещает зубного врача, если не болят зубы, %	Употребляет майонез чаще, чем оливковое масло, %	Пользуется кешбэком, %
Менеджеры	64,6	44,7	53,6	31,3	17,8	44,9
Инженеры	58,8	39,9	44,7	41,8	25,9	42,9
Офисные работники	61,6	62,4	60,0	33,9	23,1	68,6
Педагоги	71,3	39,3	39,6	38,3	21,7	33,1
Сервисные специалисты	44,2	39,8	32,5	46,7	31,1	32,8
Рабочие	34,3	36,6	30,0	56,3	37,8	33,5
Средняя доля по выборке	52,7	41,9	41,2	42,9	27,4	40,0

В таблице 6 заметен значительный контраст не только между рабочими специальностями и сервисными занятиями, с одной стороны, и всеми остальными — с другой, но и между занятиями, значительное большинство представителей которых имеют высшее образование. Шансы быть культурно неактивным по сравнению с шансами быть активным для представителя инженерных специальностей составляет примерно 7 : 6, а для педагогов (в число которых, напомним, попадают деятели культуры) аналогичные шансы равны 3 : 5, то есть в два раза выше. Инженерные и офисные специальности в этом смысле находятся примерно на полпути — между педагогами и сервисными занятиями. Возможная гипотеза, разумеется, состоит в том, что за различиями в культурном потреблении стоят какие-то иные независимые переменные. Однако при использовании мультиномиальной регрессии с контролем по полу, возрасту, доходам и образованию кластеры остались значимыми предикторами, и даже при полном исключении кластеров 5 и 6 педагоги значимо отличались от прочих (давая отношение шансов порядка 1,5).

Отношение к высокой культуре не было единственным отличием стилей жизни представителей отдельных кластеров, сохраняющихся при контроле различий в доходах и образовании. Офисные специальности давали значимо более высокие значения для разных форм участия в некультурном потреблении (шопинг, кино, отдых за границей), а в тех решениях, в которых медики выделялись в отдельный кластер, мы наблюдали, что они демонстрировали значимо более высокие уровни заботы о здоровье (посещение зубного врача, когда не болят зубы). Модель, делящая индивидов на несколько горизонтальных сред по секторальному признаку, видимо, даёт значимые преимущества в предсказании различий в стилях жизни и потреблении. Мы можем предполагать, что среды будут различаться и по мировоззрению, и по политическим установкам, которые, однако, остались за пределами данного исследования.

Заключительные замечания

В этой статье мы опробовали подход к описанию социальной структуры, который хотя и является во многих отношениях продолжением уже известных способов, тем не менее представляет собой новую комбинацию их элементов. Мы использовали данные о связях между занятиями, чтобы создать их автоматическую классификацию. Результатом стала группировка, которую мы интерпретируем как карту социальных сред, характеризующихся прежде всего профилем образования и связанным с ним институциональным сектором занятости. Мы пробуем показать, что такие среды, помимо относитель-

ной интерактивной замкнутости, характеризуются специфическим стилем жизни и способностью воспроизводиться в поколениях. Группы, относимые в соответствии с традиционными стратификационными схемами к одному и тому же слою или классу, в нашей интерпретации оказываются разделены глубокими вертикальными делениями, по крайней мере, настолько же малопроницаемыми, насколько деления горизонтальные, разграничивающие группы, занятые квалифицированным и неквалифицированным или нефизическим и физическим трудом. Более того, во многих мирах (скажем, в офисном) различия между квалифицированным и неквалифицированным трудом, центральным для классовых схем, видимо, весьма размыты.

В плане теории наши результаты важны, поскольку они ставят под вопрос существование в современных обществах недифференцированных классов, или страт [Weeden, Grisky 2004; Grusky, Galescu 2005]. Само по себе существование горизонтальной стратификации социальных контактов наравне с вертикальной представляет собой известную теоретическую проблему. Социология стратификации традиционно понимала интерактивную замкнутость отдельных групп как результат действия механизмов исключения, следствие усилий элит по апроприации и передаче по наследству привилегий [Bihagen, Lambert 2018]. Воспроизводство интерактивных границ, которым не соответствуют различия в уровнях социального благополучия, представляют собой, с этой точки зрения, сложность: неясно, *зачем* эти границы воспроизводят. Мы предлагаем вместо ответа на вопрос «зачем?» задаться вопросом «почему?» [Hedström, Ylikoski 2010]. Есть целый ряд оснований, по которым такие границы могут быть стабильными. Первым и, возможно, главным является то, что главным источником средств к существованию, престижа и социальных связей сегодня для подавляющего большинства людей является их профессиональная жизнь, а она в значительном большинстве случаев организована в виде карьер, проходящих в высокоинституционализированной среде [Scott, Meyer 1994; Frank, Meyer 2007]. Эти карьеры предполагают последовательность чётко очерченных фаз, прохождение каждой из которых требует успешного завершения предыдущих. Движение, выходящее за пределы этой траектории, обычно является движением вниз.

Визуально мы можем представить себе структуру высокоинституционализированного общества как дворец, монастырь или университет, представляющий собой множество сообщающихся дворов. Из двора во двор легко перейти через подворотни, если находишься в самом низу, или по крышам, если добрался по одной из лестниц до верха. Внизу, в сфере неквалифицированного труда, или наверху, в стратосфере, в которой обитают элиты, видимо, нет границ, но тем, кто не достиг высших этажей, но избежал спуска на нижние, сложно перейти в соседний двор (представьте себе хотя бы сложности, сопряжённые с переходом на соседний факультет). Стратификационные схемы, оперирующие гомогенными слоями, создают иллюзию пустого пространства, в котором горизонтальные переходы ничем не ограничены, но на самом деле существует множество институциональных перегородок, затрудняющих подобные перемещения и делающих их возможными только в весьма специфических обстоятельствах¹².

Жизнь в отдельных дворах, разумеется, не является полной загадкой для обитателей соседних дворов. Возможны сравнения, проведение сечений, проходящих сквозь стены. Однако, поскольку у жителей разных дворов могут иметься собственные основания для сравнения, их оценки друг друга могут не совпадать [Form, Stone 1957]. Так, культурный капитал, возможно, является в России локальной валютой, имеющей хождение преимущественно в одном из дворов, в котором сосредоточены работники образования, науки и культуры [Sokolov, Sokolova 2018]. То, что жители разных дворов расходятся в оценке относительно статуса друг друга, не способствует возникновению стабильных связей между ними (профессора, меряющиеся Хирш-индексами и знакомством с «кино не для всех», и административные сотрудники ректората, меряющиеся загаром и марками автомобилей, тут могут служить хорошим примером).

¹² Отметим попутно, что, кажется, этот образ лучше всего передаёт образ социального пространства, наполненного полями, у Бурдьё [Bourdieu 1998].

Всё сказанное об интерактивной замкнутости может быть применено и к роли образования. В исследованиях стратификации образование обычно рассматривается как источник вертикальных классовых границ [Blau, Duncan 1967; Bourdieu, Passeron 1977; Bourdieu 1984]. До некоторой степени оно, вероятно, является таковым и в России. Однако это не должно заставлять нас забыть о его роли как источника горизонтальных границ. Более того, в России в некоторых отношениях эта роль может быть первична, поскольку статус образования в разных дворах различен. То, в каком ты дворе, определяет, насколько важно иметь образование. В некоторых дворах (например, в медицине) существует чёткая иерархия с господствующими позициями, занятыми обладателями вузовских дипломов. В других дворах эти дипломы являются, похоже, куда меньшим преимуществом¹³.

Разумеется, наша шестичленная классификация является лишь самым грубым описанием реальности. Среды, созданные социально-экономическим образованием, явно гетерогенны. Дворы экономистов отличаются от дворов юристов, и внутри них имеются собственные различия — так, внутри экономического двора есть отдельные парадные менеджеры и бухгалтеры. Поскольку сортировки, полученные при машинной классификации на сравнительно небольшой выборке, условны, нашу кластеризацию нельзя рассматривать в качестве аналога стандартной стратификационной схемы типа схемы Голдторпа. Скорее, она лишь указывает на направление, в котором работы по созданию такой схемы должны бы продвигаться¹⁴.

Это не значит, разумеется, что нет никаких общих принципов в конструкции разных социальных миров. Отчасти эти сходства проистекают из вполне сознательных усилий по унификации и наведению порядка, субъектом которых — в России, по крайней мере, — обычно является государство [Meyer et al. 1997]. Однако подобная унификация часто делает картину ещё более сложной, поскольку создаёт расхождение между интерактивной близостью и структурным сходством. Структурное сходство не подразумевает контакта, и наоборот: университетские факультеты устроены одинаково, и все они отличаются от коммерческих фирм, но при этом переход между химией и юриспруденцией маловероятен, в то время как переход с факультета химии в фармацевтическую фирму возможен, несмотря на различия в устройстве этих учреждений.

В предположении о том, что социальное пространство в действительности заполнено институциональными структурами, да ещё и устроенными по разным принципам, есть нечто, безусловно, тревожное для социолога. Исследования социальной стратификации всегда воодушевлялись надеждой на то, что за многообразием карьерных лестниц может скрываться какая-то невидимая невооружённым глазом, но при этом простая конструкция. Признавая, что социальная структура институционально организована, мы отрицаем и наличие невидимого, и наличие простого [Garfinkel 1967].

Литература

Batagelj V., Mrvar A. 2004. Pajek — Analysis and Visualization of Large Networks. In: Mutzel P., Junger M., Leipert S. (eds) *Graph Drawing Software*. Berlin; Heidelberg: Springer; 77–103.

Bessudnov A. 2012. A Relational Occupational Scale for Russia. In: Blackburn B. et al. (eds) *Social Stratification: Trends and Processes*. Farnham: Ashgate; 53–68.

¹³ Коэффициент ранговой корреляции между образованием и доходами варьируется от 0,272 для инженеров до 0,137 для офисных работников.

¹⁴ Самым практически доступным способом учесть существование институционально оформленных сред в эмпирическом исследовании будет вопрос о профиле полученного образования и открытый вопрос о занятии, ответы на который в дальнейшем будут классифицироваться по ОККО. Мы можем настойчиво рекомендовать этот шаг для исследований, связанных с потреблением и образом жизни.

- Bihagen E., Lambert P. 2018. Can Class and Status Really be Disentangled? *Research in Social Stratification and Mobility*. 58: 1–10.
- Blau P. M., Duncan O. D. 1967. *The American Occupational Structure*. New York: John Wiley and Sons.
- Blondel V. D. et al. 2008. Fast Unfolding of Communities in Large Networks. *Journal of Statistical Mechanics: Theory and Experiment*. 2008 (10): P10008.
- Borgatti S. P., Everett M. G., Freeman L. C. 2002. *Ucinet 6 for Windows: Software for Social Network Analysis*. Harvard, MA: Analytic Technologies.
- Bourdieu P. 1984. *Distinction: The Social Critique of the Judgment of Taste*. London: Routledge/Kegan Paul.
- Bourdieu P. 1998. *The State Nobility: Elite Schools in the Field of Power*. Redwood City, CA: Stanford University Press.
- Bourdieu P., Passeron J. C. 1977. *Reproduction in Education, Society and Culture*. London; Beverley Hills: SAGE.
- Chan T. W., Goldthorpe J. H. 2004. Is There a Status Order in Contemporary British Society? Evidence from the Occupational Structure of Friendship. *European Sociological Review*. 20 (5): 383–401.
- Chan T. W., Goldthorpe J. H. 2007. Class and Status: The Conceptual Distinction and Its Empirical Relevance. *American Sociological Review*. 72 (4): 512–532.
- Erikson R., Goldthorpe J. H. 2010. Has Social Mobility in Britain Decreased? Reconciling Divergent Findings on Income and Class Mobility. *The British Journal of Sociology*. 61 (2): 211–230.
- Flemmen P. M., Jarness V., Rosenlund L. 2019. Class and Status: On the Misconstrual of the Conceptual Distinction and a Neo-Bourdiesian Alternative. *The British Journal of Sociology*. 70 (3): 816–866.
- Frank D. J., Meyer J. 2007. University Expansion and the Knowledge Society. *Theory and Society*. 36 (4): 287–311.
- Form W. H., Stone G. P. 1957. Urbanism, Anonymity, and Status Symbolism. *American Journal of Sociology*. 62 (5): 504–514.
- Ganzeboom H., De Graaf P., Treiman D. 1992. Standard International Socio-Economic Index of Occupational Status. *Social Science Research*. 21 (1): 1–56.
- Ganzeboom H. B., Treiman D. J. 1996. Internationally Comparable Measures of Occupational Status for the 1988 International Standard Classification of Occupations. *Social Science Research*. 25 (3): 201–239.
- Garfinkel H. 1967. *Studies in Ethnomethodology*. Englewood Cliffs, NJ: Prentice Hall.
- Grusky D. B., Galescu G. 2005. Foundations of a Neo-Durkheimian Class Analysis. In: Wright E. O. (ed.) *Approaches to Class Analysis*. Cambridge: Cambridge University Press; 51–81.

- Hedström P., Ylikoski P. 2010. Causal Mechanisms in the Social Sciences. *Annual Review of Sociology*. 36: 49–67.
- International Labour Office. 1990. *International Standard Classification of Occupations. ISCO-88*. Geneva: ILO.
- Laumann E. O., Guttman L. 1966. The Relative Associational Contiguity of Occupations in an Urban Setting. *American Sociological Review*. 31 (1): 169–178.
- Meyer J. W. et al. 1997. World Society and the Nation-State. *American Journal of Sociology*. 103 (1): 144–181.
- Prandy K., Lambert P. 2003. Marriage, Social Distance and the Social Space: An Alternative Derivation and Validation of the Cambridge Scale. *Sociology*. 37 (3): 397–411.
- Savage M. et al. 2013. A New Model of Social Class? Findings from the BBC's Great British Class Survey Experiment. *Sociology*. 47 (2): 219–250.
- Scott R., Meyer J. 1994. *Institutional Environments and Organizations: Structural Complexity and Individualism*. Thousand Oaks, CA: SAGE.
- Sokolov M., Sokolova N. 2018. Class Cultures or Micro-class Cultures? an Analysis of Literary Tastes of Occupational Groups. *SocArXiv*. March 9. doi:10.31235/osf.io/5tvfd
- Warner W. L. 1963. *Yankee City*. New Haven: Yale University Press.
- Weeden K. A., Grusky D. B. 2004. Are There Any Big Classes At All? *Research in Social Stratification and Mobility*. 22 (4): 3–56.
- Weeden K. A., Grusky D. B. 2005. The Case for a New Class Map. *American Journal of Sociology*. 111 (1): 141–212.
- Weeden K. A., Grusky D. B. 2012. The Three Worlds of Inequality. *American Journal of Sociology*. 117 (6): 1723–1785.
- Wright E. O. et al. 1982. The American Class Structure. *American Sociological Review*. 47 (3): 709–726.

NEW TEXTS

Mikhail Sokolov, Nadezhda Sokolova

Milieus, Not Classes: Patterns of Horizontal Stratification in Urban Russia

SOKOLOV, Mikhail — Candidate of Sciences in Sociology, Professor, European University at St. Petersburg. Address: 6/1a Gagarinskaya Str., 191187 St. Petersburg, Russian Federation.

Email: msokolov@eu.spb.ru

SOKOLOVA, Nadezhda — junior researcher at the Center for Institutional Analysis of Science & Education; doctoral student; National Research University “Higher School of Economics”. European University at St. Petersburg. Address: 6/1a Gagarinskaya Str., 191187 St. Petersburg, Russian Federation.

Email: nsokolova@eu.spb.ru

Abstract

The paper describes an experiment aimed at creating a categorical and interactive stratification schema for the population of a major Russian city (St. Petersburg). We used data on the friendship ties of 3,200 adults to create a network of ties among occupations. We then used the Louvain community detection algorithm to identify six clusters. The clusterization obtained distinguished between skilled manual, routine non-manual, and professional occupations, demonstrating that close social ties are more likely to be found within, rather than between, their boundaries. However, in contrast to Goldthorpe’s class schema, the algorithm also identified cleavages between sectors of professional occupations (pedagogical/artistic, clerical, etc.) The boundaries between such groups of occupations are reproduced inter-generationally, even in the absence of considerable economic inequality between them. We demonstrate that clusters of occupations differ in their lifestyles and consumption patterns (e.g. consumption of highbrow culture), even when controlling for age, gender, and education. We interpret the clusterization as evidence of the existence of milieus confined within institutional barriers of social sectors. Such milieus, rather than classes, serve as the building blocks of social structure, defined through intensity of interaction or lifestyles.

Keywords: social stratification; social structure in Russia; stratification scales; social network analysis; occupations; community detection algorithms; horizontal stratification.

Acknowledgements

The authors are grateful to Yulia Chursina and Pavel Stepantsov (“Synopsis Group”) who conducted the survey. We are also grateful to Eduard Ponarin and to other participants of the discussion of an earlier draft of this paper taking place on December, 5, 2019 during the annual conference of Saint Petersburg Association of Sociologists.

References

- Batagelj V., Mrvar A. (2004) Pajek — Analysis and Visualization of Large Networks. *Graph Drawing Software* (eds. P. Mutzel, M. Junger, S. Leipert), Berlin; Heidelberg: Springer, pp. 77–103.
- Bessudnov A. (2012) A Relational Occupational Scale for Russia. *Social Stratification: Trends and Processes* (eds. B. Blackburn, R. Connelly, V. Gayle, P. Lambert), Farnham: Ashgate, pp. 53–68.
- Bihagen E., Lambert P. (2018) Can Class and Status Really be Disentangled? *Research in Social Stratification and Mobility*, vol. 58, pp. 1–10.

- Blau P. M., Duncan O. D. (1967) *The American Occupational Structure*, New York: John Wiley and Sons.
- Blondel V. D., Guillaume J. L., Lambiotte R., Lefebvre E. (2008) Fast Unfolding of Communities in Large Networks. *Journal of Statistical Mechanics: Theory and Experiment*, vol. 2008, no 10, pp. 1–12.
- Borgatti S. P., Everett M. G., Freeman L. C. (2002) *Ucinet 6 for Windows: Software for Social Network Analysis*, Harvard, MA: Analytic Technologies.
- Bourdieu P. (1984) *Distinction: The Social Critique of the Judgment of Taste*, London: Routledge/Kegan Paul.
- Bourdieu P. (1998) *The State Nobility: Elite Schools in the Field of Power*, Redwood City, CA: Stanford University Press.
- Bourdieu P., Passeron J. C. (1977) *Reproduction in Education, Society and Culture*, London; Beverley Hills: SAGE.
- Chan T. W., Goldthorpe J. H. (2004) Is There a Status Order in Contemporary British Society? Evidence from the Occupational Structure of Friendship. *European Sociological Review*, vol. 20, no 5, pp. 383–401.
- Chan T. W., Goldthorpe J. H. (2007) Class and Status: The Conceptual Distinction and Its Empirical Relevance. *American Sociological Review*, vol. 72, no 4, pp. 512–532.
- Erikson R., Goldthorpe J. H. (2010) Has Social Mobility in Britain Decreased? Reconciling Divergent Findings on Income and Class Mobility. *The British Journal of Sociology*, vol. 61, no 2, pp. 211–230.
- Flemmen P. M., Jarness V., Rosenlund, L. (2019) Class and Status: On the Misconstrual of the Conceptual Distinction and a Neo-Bourdiesian Alternative. *The British Journal of Sociology*, vol. 70, no 3, pp. 816–866.
- Form W. H., Stone G. P. (1957) Urbanism, Anonymity, and Status Symbolism. *American Journal of Sociology*, vol. 62, no 5, pp. 504–514.
- Frank D. J., Meyer J. (2007) University Expansion and the Knowledge Society. *Theory and Society*, vol. 36, no 2, pp. 287–311.
- Ganzeboom H., De Graaf P., Treiman D. (1992) Standard International Socio-Economic Index of Occupational Status. *Social Science Research*, vol. 21, iss. 1, pp. 1–56.
- Ganzeboom H. B., Treiman D. J. (1996) Internationally Comparable Measures of Occupational Status for the 1988 International Standard Classification of Occupations. *Social Science Research*, vol. 25, no 3, pp. 201–239.
- Garfinkel H. (1967) *Studies in Ethnomethodology*, Englewood Cliffs, NJ: Prentice Hall.
- Grusky D. B., Galescu G. (2005) Foundations of a Neo-Durkheimian Class Analysis. *Approaches to Class Analysis* (ed. E. O. Wright), Cambridge: Cambridge University Press, pp. 51–81.
- Hedström P., Ylikoski P. (2010) Causal Mechanisms in the Social Sciences. *Annual Review of Sociology*, vol. 36, pp. 49–67.

- International Labour Office. (1990) *International Standard Classification of Occupations. ISCO-88*, Geneva: ILO.
- Laumann E. O., Guttman L. (1966) The Relative Associational Contiguity of Occupations in an Urban Setting. *American Sociological Review*, vol. 31, no 1, pp. 169–178.
- Meyer J. W., Boli J., Thomas G. M., Ramirez F. O. (1997) World Society and the Nation-State. *American Journal of Sociology*, vol. 103, no 1, pp. 144–181.
- Prandy K., Lambert P. (2003) Marriage, Social Distance and the Social Space: An Alternative Derivation and Validation of the Cambridge Scale. *Sociology*, vol. 37, no 3, pp. 397–411.
- Savage M., Devine F., Cunningham N., Taylor M., Li Y., Hjellbrekke J., Le Roux B., Friedman S., Miles A. (2013) A new Model of Social Class? Findings from the BBC's Great British Class Survey Experiment. *Sociology*, vol. 47, no 2, pp. 219–250.
- Scott R., Meyer J. (1994) *Institutional Environments and Organizations: Structural Complexity and Individualism*, Thousand Oaks, CA: SAGE.
- Sokolov M., Sokolova N. (2018) Class Cultures or Micro-class Cultures? An Analysis of Literary Tastes of Occupational Groups. *SocArXiv*. March 9. doi: 10.31235/osf.io/5tvfd
- Warner W. L. (1963) *Yankee City*, New Haven: Yale University Press
- Weeden K. A., Grusky D. B. (2004) Are There Any Big Classes At All? *Research in Social Stratification and Mobility*, vol. 22, no 4, pp. 3–56.
- Weeden K. A., Grusky D. B. (2005) The Case for a New Class Map. *American Journal of Sociology*, vol. 111, no 1, pp. 141–212.
- Weeden K. A., Grusky D. B. (2012) The Three Worlds of Inequality. *American Journal of Sociology*, vol. 117, no 6, pp. 1723–1785.
- Wright E. O., Costello C., Hachen D., Sprague J. (1982) The American Class Structure. *American Sociological Review*, vol. 47, no 3, pp. 709–726.

Received: April 20, 2020

Citation: Sokolov M., Sokolova N. (2020) Milieus, Not Classes: Patterns of Horizontal Stratification in Urban Russia [Sredy, a ne klassy: patterny gorizontaly'noy stratifikatsii v sovremennoy gorodskoy Rossii], *Journal of Economic Sociology = Ekonomicheskaya sostiologiya*, vol. 21, no 4, pp. 12–29. doi: [10.17323/1726-3247-2020-4-12-29](https://doi.org/10.17323/1726-3247-2020-4-12-29) (in Russian).

Е. Е. Сидорова

Насколько дифференцировано судебное оспаривание решений административных органов власти в регионах России?

На примере антимонопольных дел

СИДОРОВА Елена Евгеньевна — аспирант аспирантской школы по экономике НИУ ВШЭ, младший научный сотрудник Института анализа предприятий и рынков НИУ ВШЭ. Адрес: 101000, Россия, Москва, ул. Мясницкая, д. 20.

Email: esidorova@hse.ru

Российская практика исполнения решений административных органов власти, включая их пересмотр в судебной системе, предоставляет уникальную возможность для изучения влияния институциональных изменений на эффективность правовых норм. Данная статья нацелена на описание основных особенностей российской системы оспаривания решений административных органов (в данном случае мы рассматриваем дела об оспаривании обвинительных решений антимонопольного органа); также рассматриваются ключевые параметры, которые характерны для России как для страны, находящейся в условиях переходного этапа институционального развития. Анализ основан на данных о решениях российских арбитражных судов первой инстанции в отношении оспаривания решений антимонопольного органа по всем типам обвинений за 2012–2018 гг. Данные получены из Картоотеки арбитражных дел Федеральных арбитражных судов Российской Федерации. Сформирована выборка из 14 790 решений арбитражных судов первой инстанции, которые охватывают разные субъекты Российской Федерации. Рассмотренная статистика оспаривания антимонопольных решений арбитражных судов первой инстанции за указанный период демонстрирует высокий уровень дифференциации института судебного регулирования споров, вытекающих из взаимоотношений антимонопольного органа и компаний. Впоследствии такие особенности становятся одним из существенных параметров, определяющих различия в процессах правоприменения и качества институциональной среды. При этом существенные различия в уровнях загруженности судей относительно средних величин позволяют определить как недостаточный, так и избыточный состав судей как в целом по судам субъектов РФ, так и по группам судей, рассматривающих споры, вытекающие из административных правоотношений.

Ключевые слова: экономический анализ права; судебное оспаривание; антимонопольные процессы; региональная дифференциация; административные органы власти; Россия.

Введение

Экономическое развитие во многом определяется эффективностью существующих институтов и нормативно-правовой базой. Регулирование становится эффективным, когда правовые институты, обеспечивающие реализацию законов, так же эффективно реализуются на практике. Влияние

судебной системы на правоприменение огромно; при этом крайне важно, чтобы решения, принимаемые судьями, удовлетворяли принципам независимости, справедливости и качества. Именно качество судебных решений — ключевой фактор для обеспечения надлежащего функционирования рынков и экономики в целом. Эффективность организации судебной системы и принимаемых решений напрямую связана с доверием экономических агентов к системе правосудия как к механизму разрешения споров [Palumbo et al. 2013], доступность судебных услуг и предсказуемость судебных решений в терминах независимости и качества для бизнеса создают благоприятную среду для развития конкуренции и положительно влияют на механизмы поддержки деловой активности.

Административные органы власти (антимонопольная, налоговая и таможенная службы) имеют ключевое влияние на бизнес в контексте контрольно-надзорного взаимодействия. При этом особенностью споров, связанных с оспариванием решений административных органов власти, является необходимость качественного и глубокого понимания не только законодательных и процессуальных норм соответствующей отрасли права, но и правильное применение экономического анализа. Зона контроля административных органов власти определена достаточно широко, и их возрастающая ответственность за сохранение независимости и объективности выносимых решений, а также за сохранение баланса интересов всех участников возникающих судебных процессов об оспаривании решений регулирующих органов создаёт своего рода вызов для эффективного выполнения функций государственного органа, стабилизации делового климата и увеличения инвестиционной привлекательности экономики в целом.

Специфика проведения экономической и правовой оценок в судебных процессах, связанных с оспариванием решений административных органов власти, приводит к необходимости тщательного анализа дел о нарушении с позиции установленных законодательных норм и теорий институциональной экономики, обуславливая актуальность изучения вопросов о факторах, определяющих результаты судебных разбирательств в административных процессах в контексте совместного взаимодействия таких групп экономических агентов, как государство, представленное двумя ветвями власти — исполнительной и судебной, и обвиняемые компании.

Результат прохождения процесса оспаривания решения административных органов власти через судебную систему зависит как от текущего этапа развития соответствующего законодательства и степени его эффективности с позиции регулирования конкуренции на рынках, так и от сторон судебного разбирательства — судей, компаний и государственных органов. Итоговое решение принимает судья как ключевая сторона разрешения экономического спора. Впоследствии решение может быть пересмотрено другим представителем судебной системы более высокой инстанции. Таким образом, судья является тем агентом процесса экономического разбирательства, решение которого отражает и стимулы сторон спора — компаний и государства, и формат толкования и применения законодательных норм на практике, представляя собой результат взаимодействия всех сторон юридического спора в контексте текущего толкования норм права и отражения степени эффективности применения административного законодательства.

Комплексная модернизация административного законодательства естественным образом отражается в функционировании национальной судебной системы, а именно — в части толкования и практического применения законодательных норм со стороны судебной системы. В данном исследовании мы сосредоточимся на примере одного вида административного правоприменения — антимонопольного.

В системе российского арбитражного судебного регулирования работают около 4000 судей, менее 10% всего судейского корпуса, которые рассматривают около 1,5 млн дел в год [Дмитриева, Титаев, Четверикова 2012]. Особый интерес при этом представляют региональные различия арбитражных судебных процессов.

На практике реализация антимонопольной политики и последующее судебное рассмотрение дел об оспаривании решений регулирующего органа в регионах России достаточно дифференцированы и отличаются разной степенью эффективности института правоприменения, в том числе антимонопольного.

С целью качественного анализа институциональных различий судебного рассмотрения дел об оспаривании решений административных органов власти на примере антимонопольных процессов необходим количественный анализ реальных практик.

Цель дальнейшего исследования — проанализировать различия в уровне нагрузки судов и судей в региональном разрезе, в контексте всех типов дел и антимонопольных процессов в частности. Основная гипотеза исследования — существование характерных институциональных особенностей и различий антимонопольного правоприменения в российской системе арбитражных судов в разрезе субъектов Российской Федерации.

В первой части статьи рассмотрен корпус существующей литературы по интересующей автора проблеме; далее проанализированы актуальные модели административного оспаривания, затем — специфика организации российской системы судебного рассмотрения споров, вытекающих из административных правоотношений, в завершающей части приведен статистический анализ дифференциации арбитражных процессов по субъектам РФ.

Обзор литературы

С начала развития экономической мысли исполнение договоров и защита прав собственности рассматривались как значимые элементы экономической системы, обеспечивающие стимулирование инвестиций, торговли и экономического роста.

Долгое время предпосылкой экономических исследований была эффективность работы судов. Предполагалось, что агенты вступают в договорные отношения без споров, а суды обеспечивают идеальное исполнение этих контрактов [Williamson 1985]. Такие предпосылки стали оспариваться в конце XX — начале XXI века с помощью эмпирических методов, при использовании которых исследователи подчёркивают, что на экономический рост и экономическую активность в целом влияет не только правовая система [La Porta et al. 1998; Acemoglu, Johnson 2005], но и совершенствование эффективности правоприменения [Chemin 2009; Ippoliti, Melcarne, Ramello 2015].

Учитывая значимое влияние судебной системы на экономические процессы, исследователи занимаются изучением того, что описывает механизм работы судов, каковы детерминанты (не)эффективности этого механизма. В основе продукта, производимого судебной системой, — практики судебных решений лежит способ принятия решений каждым судьёй. Теоретические исследования в области экономики и права накопили достаточно большой опыт в анализе факторов, определяющих качество решения судьи (*judicial decision-making*), которое напрямую оказывает влияние на эффективность судебной системы. Принципиально новое видение подхода к анализу способа принятия решений судьёй показал Ричард Познер, внёсший значимый вклад в исследование способа принятия решений судьёй, в статье «What Do Judges and Justices Maximize? (The Same Thing Everybody Else Does)» («Что максимизируют судьи? (То же самое, что и остальные)») [Posner 1993]. С данной статьи фактически начинается современный этап анализа факторов, влияющих на процесс принятия решений судьёй. В основе такого анализа лежит вполне очевидный принцип представления судьи как рационального агента, максимизирующего свою полезность в зависимости от имеющихся у него стимулов и ограничений. Ранее судья рассматривался более упрощённо — как агент, который всегда принимает эффективные решения, сле-

дую букве закона (*rule of law*). В статье Познера проведена параллель между судьёй и экономическим агентом, что в дальнейшем стало основой современных подходов анализа. С тех пор судебная система представляется как трудоёмкая производственная функция, объем произведённого продукта которой зависит от качества трудовых ресурсов — судей и принимаемых ими решений.

Последующие исследования в области экономики и права анализируют детерминанты решений судьи. Учёные рассматривают различные индивидуальные характеристики, такие, например, как возраст [Schneider 2005; Epstein, Landes, Posner 2013], уровень профессиональной специализации [Baye, Wright 2011] и образования судьи [Landes, Lessig, Solimine 1998; Drobak, North 2008; Garoupa, Ginsburg 2009; Choi, Gulati, Posner 2012; Ramseyer 2012; Basabe-Serrano 2019], параметры мотивации в продвижении в карьере [Baum 2006; 2009] и другие характеристики, влияющие на производительность судьи и качество судебных решений. Кроме характеристик судьи, важно также учитывать качество институциональной среды в целом и стимулы других участников процесса — административного органа власти и обвиняемой стороны (компании). Фактически судья — тот институциональный агент, чьё решение зависит от результата взаимодействия всех сторон юридического спора, то есть обвиняемой компании, административного органа власти и структуры организации судебной системы.

При этом сам параметр эффективности или качества решения судьи не имеет однозначного индикатора среди исследователей. Во многом переменные, используемые в исследованиях для оценки качества судебных решений, основаны на принципах, которым данные решения в терминах эффективности судебной системы должны удовлетворять (то есть независимость, доступность, измеримость, производительность) [Staats, Bowler, Hiskey 2005]. Наиболее часто принимаемые параметры при оценке моделей — доля оспариваемых и (или) отменяемых решений [Baye, Wright 2011], число рассмотренных решений судебной системы и различные относительные величины, связанные с этим параметром (доля рассмотренных решений в общем числе исков, в общем числе поступивших исков за последний год и т. д.) [Dakolias 1999; Posner 1993; Schneider 2005; Voigt, El-Bialy 2016], а также длительность рассмотрения дела в суде [Dakolias 1999; Vereeck, Mühl 2000].

Таким образом, эффективность организации судебной системы в каждом отдельном случае зависит от множества факторов, находящихся за пределами исключительно правовых норм, среди которых — карьерные стимулы судьи, политические предпочтения и различные параметры индивидуальных характеристик сторон судебного разбирательства, формируемые в том числе региональными особенностями институциональной среды.

Модели организации процесса судебного оспаривания административных решений

Разрешение споров в системе арбитражных судов обусловлено процессом распределения выигрышей и издержек между сторонами разбирательства — государственными органами и компаниями. В соответствии с принципами института правового регулирования судебная система должна обеспечивать точный, справедливый и эффективный способ разрешения споров. М. Азимов предлагает методологию классификации систем вынесения судебных решений по характерным для всех стран мира административным спорам [Asimow 2015]. Пять выделяемых моделей включают три основные фазы: (1) первоначальное решение; (2) административный пересмотр и (3) судебное рассмотрение дела. Примечательно, что, хотя все системы, принятые в любой стране мира, уникальны и имеют ряд особенностей, каждое государство склонно к инвестированию большего объёма ресурсов только в одну из указанных фаз. В результате это значительным образом влияет на стратегии сторон, поскольку в отношении определённой фазы стороны способны формировать ожидания относительно исхода рассмотрения дела с большей степенью точности.

Система классификации рассмотрения и оспаривания решений административных органов, предложенная Азимовым, является основополагающей для целей текущего исследования и описания специфики национальных моделей [Asimow 2015]. Далее остановимся подробнее на подходе, предлагаемом в этой статье.

Сам принцип разделения моделей может быть обозначен формулой «3, 4, 5», которая содержит три фазы, четыре переменные и пять моделей вынесения административных решений. Фактически пять результирующих моделей представляют собой комбинацию переменных, соотносимых с обозначенными фазами.

Три фазы реализации административных решений таковы:

- *первоначальное решение административного органа* предопределяется так называемой нулевой фазой расследования административным органом власти действий потенциального участника административного процесса, то есть компании, и вынесения предварительного решения о том, должно ли юридическое лицо (или группа юридических лиц) быть подвергнуто санкциям (например, в виде наложения штрафа или поведенческих предписаний). Первоначальное решение административного органа власти обязательно к исполнению по закону, за исключением тех случаев, когда оно пересмотрено уполномоченным органом власти;
- *административный пересмотр*. Дальнейший процесс государственного регулирования основан на праве сторон запросить пересмотр административного решения. Это может быть обеспечено либо той же инстанцией, принимающей первоначальное решение, но более высокого уровня, либо другой государственной организацией;
- *судебное рассмотрение дела* наиболее важно для целей текущего исследования. Данная стадия основана на возможности стороны разбирательства пересмотреть первоначальное решение административного органа в судебной системе.

Каждая страна склонна к сосредоточению ресурсов главным образом на одной из указанных трёх стадий для обеспечения справедливой системы. Это обусловлено невозможностью государства инвестировать во все три фазы в равном объёме из-за ограниченности ресурсов. В результате та фаза, на которой сосредоточено большее внимание системы государственного управления, характеризуется наиболее сильными стимулами компаний–участников спора из-за интерпретации ими этого этапа как самого вероятного для выигрыша дела периода. Данный эффект влияет на стратегии участников дела при предоставлении стандартов доказательства на всех стадиях его рассмотрения.

Любая из четырёх переменных (тип административного органа, вид досудебного рассмотрения дела, тип судебного рассмотрения дела и вид судебной системы) административного контроля предполагает выбор методов, применяемых в общем процессе.

Рассмотрим описанную структуру подробнее.

Фазы административного контроля 1, 2: первоначальное решение и административный пересмотр

Переменная 1 — функциональная специфика административного органа власти двух типов: (1) объединяющий несколько функций (*combined-function*) или (2) административный орган «отдельного трибунала» (*separate tribunal*).

Описание первого типа переменной 1: административный орган, объединяющий несколько функций, при вынесении решений контролирует сразу несколько уровней — расследование, обвинение, вынесение предварительного решения и пересмотр дела.

Описание второго типа переменной 1: «отдельный трибунал» как орган административного контроля ответственен только за вынесение предварительного решения и в некоторых случаях за пересмотр дела, но в его зону ответственности не входят первые две части (расследование и обвинение).

Переменная 2 — разбирательство состязательное (adversarial) или обвинительное (inquisitorial).

Описание первого типа переменной 2 (разбирательство состязательное): типичная особенность такого разбирательства заключается в том, что стадии судебного рассмотрения дела и расследования существенно различаются. Процесс вынесения решения после расследования в большей степени контролируется адвокатом, в то время как судья относительно пассивен и независим.

Описание второго типа переменной 2 (разбирательство обвинительное): в обвинительной системе начальная фаза расследования контролируется соответствующим уполномоченным органом. После проведения расследования административный орган власти выносит заключение о нарушении, которое впоследствии может быть оспорено стороной разбирательства.

Фаза административного контроля 3: судебное рассмотрение дела

Переменная 3 — система судебного рассмотрения (judicial review): (1) открытая (*open*) или (2) закрытая (*closed*).

Описание первого типа переменной 3: открытый формат судебного рассмотрения дела предполагает наличие возможности для всех сторон разбирательства (как для компаний, так и для государственных органов) приобщать к делу дополнительные материалы, которые не были рассмотрены на прежних стадиях. Новая информация в материалах дела может привести к иной интерпретации действий участника административного процесса, что в значительной мере влияет на исход разбирательства.

Описание второго типа переменной 3: в условиях закрытого формата все материалы дела фиксируются в том объёме, в котором поступают в судебную систему на начальном этапе, они не могут быть дополнены.

Переменная 4 — тип организации судебной системы: (1) общая и (2) специализированная.

Описание первого типа переменной 4: в «общей» системе суды рассматривают административные дела в отношении разных областей права, и судьи обычно не имеют узкой специализации в определённой области, например, только в антимонопольном или налоговом праве, чаще всего они рассматривают разные типы административных дел.

Описание второго типа переменной 4: для специализированных судов типичным является наличие узкой специализации судьи в отношении дел определённого типа, из определённой сферы административного правоприменения.

В результате проведённого анализа выделены пять основных моделей административного правоприменения в разных странах мира на основании комбинаций описанных ранее переменных и фаз [Asimow 2015] (см. таблицу 1).

Таблица 1

Модели административного обжалования

№ модели	Описание (комбинация переменных)	Страны (примеры)
1	1. Объединяющий несколько функций административный орган 2. Состязательное разбирательство 3. Закрытое судебное рассмотрение 4. «Общая» судебная система	США
2	1. Объединяющий несколько функций административный орган 2. Обвинительное разбирательство 3. Закрытое судебное рассмотрение 4. «Общая» судебная система	Европейский союз
3	1. Административный орган «отдельного трибунала» 2. Состязательное разбирательство 3. Закрытое судебное рассмотрение 4. «Общая» судебная система	Великобритания Австралия
4	1. Объединяющий несколько функций административный орган 2. Обвинительное разбирательство 3. Открытое судебное рассмотрение 4. «Общая» судебная система	Китай Аргентина Япония Россия
5	1. Объединяющий несколько функций административный орган 2. Обвинительное разбирательство 3. Открытое судебное рассмотрение 4. Специализированная судебная система	Франция Германия

**Комментарий к переменной 2:
разбирательство состязательное или обвинительное**

Различные процедурные правила организации разбирательства определяют стимулы компаний к предоставлению стандартов доказательств, что принципиально важно для точности выносимого решения [Karlow 1994] и, как следствие, оказывает определённый эффект на общественное благосостояние [Karlow 2015]. В статье С. Авдашевой и А. Шаститко объясняется влияние различных процедурных правил административного правоприменения в обвинительной системе в сравнении с состязательной на стимулы сторон процесса [Avdasheva, Shastitko 2018]. Авторами статьи показано, что неопределённость в отношении окончательного решения о нарушении, присущая обвинительной системе, приводит к увеличению вероятности неправомерного осуждения и снижает сдерживающее воздействие (*deterrence effect*) со стороны регулирующих органов.

**Комментарий к переменной 3: система судебного рассмотрения —
открытая или закрытая**

Фактически вопрос организации судебного рассмотрения дела в открытом (*open judicial review*) или закрытом (*closed judicial review*) формате централен для распределения уровней ответственности между двумя главными частями административного правоприменения — регулирующими административными органами и судебной системой. В системе открытого судебного рассмотрения гораздо больший объём ресурсов регулирования сконцентрирован на фазе *судебного пересмотра*, что имеет решающее значение для сторон административного процесса с позиции создания стимулов к приложению большего объёма усилий для выигрыша дела. Напротив, закрытое судебное рассмотрение предполагает рассмотрение всех аргументов сторон и стандартов доказательств на начальной стадии рассмотрения дела — административного расследования и вынесения решения уполномоченным органом, для таких систем харак-

терны большая степень развитости и структурированности на этапе административного контроля, чем на этапе рассмотрения дела в суде. Asimow, Dotan [2016] сравнивают системы двух стран: США (закрытое судебное рассмотрение) и Израиля (открытое судебное рассмотрение) [Asimow, Dotan 2016]. В статье показано, что институциональное предпочтение определённой системе судебного рассмотрения дел не является исключительно техническим вопросом, а фактически отражает самую важную стадию процесса принятия судебных решений.

Комментарий к переменной 4: тип организации судебной системы — общая и специализированная

Baye, Wright [2011] эмпирически доказывают, что специализированные навыки судей в общих судах повышает качество судебных решений [Baye, Wright 2011]. Повышение экономической квалификации судей, направленное на увеличение их специализации в рассмотрении стандартов доказательств в отношении дел определённого типа, также приводит к повышению качества судебного анализа при анализе материалов дела, связанных с экономическим анализом [Ash, Chen, Naidu 2018].

Важно отметить, что не существует абсолютно чётко специфицированной модели административного правоприменения, которая точно соответствует той или иной описанной характеристике (переменной), иногда в системе присутствуют признаки смежных типов переменных, но в большинстве национальных систем административного контроля вполне возможно выделить доминирующие черты в соответствии с описанными параметрами.

Пять моделей административного обжалования, описанные выше, характеризуют возможные комбинации параметров, обеспечивающих справедливый, эффективный и точный механизм правоприменения и разрешения административных споров.

Способ организации системы административного обжалования в значительной степени влияет на стимулы сторон с позиции их ожиданий относительно шансов выиграть дело на определённой стадии. Чем выше уровень административных ресурсов, сконцентрированных на определённой стадии, тем выше уровень усилий, которые стороны готовы затратить для того, чтобы выиграть процесс.

Стимулы сторон к предоставлению стандартов доказательств на любом этапе и механизм их приобщения к делу имеют важное значение для института административного правоприменения и для точности выносимого судебного решения [Karlow 2015]. Основная цель регулирующего органа — минимизация общественных потерь, в то время как компании нацелены на защиту своей бизнес-практики от санкций, налагаемых в результате обвинительного решения (штрафы, поведенческие предписания). Основная задача государства — сбалансировать различные цели расследующих дело агентств и компаний.

Данное исследование сконцентрировано на третьей фазе административного обжалования, а именно на *судебном рассмотрении* дела. Этот вопрос особенно важен для стран, в которых реализованы модели 4 и 5, поскольку в них судебная система играет важную роль во всей системе административного контроля.

Фактически в этих моделях судебная система концентрирует наибольший уровень ответственности за финальное решение, в то время как процессы расследования и административного пересмотра не играют столь значительной роли. Результат прохождения такого процесса через судебную систему зависит от уровня эффективности интерпретации правовых норм и оценки стандартов доказательств,

приобщаемых к делу сторонами процесса. Судебная система в целом и судья в частности — те агенты процесса административного обжалования, которые отражают результат взаимодействия всех сторон спора.

Вопрос пересмотра административных решений в арбитражных судах актуален, поскольку работа судебной системы влияет на:

- стандарты применения административного законодательства;
- издержки применения законодательства;
- издержки разрешения споров по поводу применения законодательства;
- поведение административных органов и компаний.

В настоящее время процесс принятия решений судами является одним из основных вопросов в области экономики и права. Исследования показывают, что принятие решения судьёй в каждом отдельном случае зависит от множества факторов, находящихся за пределами исключительно правовых норм, в том числе от карьерных стимулов судьи и различных параметров индивидуальных характеристик сторон судебного разбирательства. Эти результаты отражают сущность правоприменения в определённой отрасли права.

Дальнейшее исследование направлено на институциональный анализ региональной дифференциации российских арбитражных судебных процессов, касающейся измерения качества судебных решений в отношении оспаривания решений такого административного органа власти, как Федеральная антимонопольная служба.

Региональные различия эффективности судебных процессов: российский контекст

В соответствии с моделями административного обжалования, предложенными М. Азимовым (см.: [Asimow 2015]), Россия в большей степени относится к модели 4, ключевыми характеристиками которой являются объединяющий несколько функций административный орган, обвинительная модель организации разбирательства, открытое судебное рассмотрение, «общие», неспециализированные суды.

Во-первых, российские административные органы власти являются регуляторами, объединяющими несколько функций. Это означает, что они одновременно контролируют процесс расследования, принятия первоначального решения и исполнения наложенных санкций. Существует несколько типов решений, принимаемых административными органами власти, среди которых: решение о нарушении и (или) штрафе и (или) о поведенческих предписаниях. Решение, вынесенное административным органом власти, обязательно к исполнению, за исключением тех случаев, когда оно пересмотрено в системе арбитражных судов. Сам процесс принятия решений описан далее. В целом российская система имеет в большей степени обвинительный, чем состязательный, характер.

На первом этапе регулирующий административный орган осуществляет проверку практики компании (причиной такой проверки могут быть либо внешняя жалоба, либо (вне)плановые проверки) и выдаёт предварительное заключение о потенциальном факте нарушения законодательства. На следующем этапе у предполагаемого нарушителя существует возможность оспорить это решение и предоставить аргументы и материалы, доказывающие отсутствие нарушения, во время устных слушаний. Третий этап, который подразумевает пересмотр предварительного решения вышестоящим персоналом административного органа, также возможен по инициативе обвиняемой стороны.

Финальная часть административного обжалования — судебный пересмотр дела в случае, если обвиняемая компания оспаривает решение административного органа власти. Все описанные ранее типы решений могут быть потенциально пересмотрены в судах.

Как было отмечено, российская система близка к модели 4 административного оспаривания, описанной Азимовым [Asimow 2015]. Эта модель также характерна для Китая, Аргентины и Японии. Как показано в статье С. Авдашевой и А. Шаститко, основное отличие российской системы в сравнении с европейской континентальной модели права состоит в том, что арбитражные суды рассматривают не только процессуальные условия вынесения решения административным органом, но и пересматривают юридические факты и стандарты доказывания [Avdasheva, Shastitko 2018]. Кроме того, учитывая, что система подразумевает открытое судебное рассмотрение дела, наборы таких фактов могут отличаться для периода рассмотрения практики компании административным органом власти и судебного пересмотра. Это связано с тем, что стороны могут представить новые материалы дела, стандарты доказывания и дополнительные аргументы на любом из этапов разбирательства. Стороны (как административный орган, так и обвиняемая компания) могут представлять к рассмотрению новые экспертные заключения, данные и анализ, которые ранее не входили в число стандартов доказывания по конкретному делу на предыдущих стадиях разбирательства. При рассмотрении судья в инстанции любого уровня может принять решение о том, чтобы приобщить эти новые факты к материалам дела, включая экспертные заключения, предоставляемые сторонами, или провести свой независимый анализ (в том числе с целью сторонней оценки уже существующего экспертного заключения), наняв внешних экспертов [Avdasheva, Golovanova, Katsoulacos 2019]. Это может привести к другому подходу к интерпретации рассматриваемой практики компании, который ранее не был применён в ходе судебной процедуры. В ситуации, когда набор стандартов доказывания не фиксируется в начале всей процедуры, для судьи остаётся возможность отмены решения административного органа власти вследствие оценки юридических, процедурных и фактических параметров.

В результате такой организации системы фаза *судебного рассмотрения* дела концентрирует наибольшее количество административных ресурсов, оказывая наиболее существенное влияние на процесс рассмотрения дела, отвечая также за справедливую и точную процедуру принятия решений в целом. Также важно отметить, что в такой модели стороны направляют большую часть своих усилий и стимулов к участию в процессе именно на этапе судебного рассмотрения [Asimow 2015].

Решения административных органов власти пересматриваются в системе арбитражных судов. Существует несколько уровней (инстанций) этой системы: арбитражные суды субъектов РФ первой инстанции; арбитражные апелляционные и кассационные инстанции; суды высшего уровня — арбитражные суды административных округов и Верховный суд РФ. На первой стадии судебное рассмотрение дела осуществляется в одном из 85 региональных арбитражных судов первой инстанции. После этого проигравшая в первой инстанции сторона может обжаловать решение в одном из 21 апелляционного суда в соответствии с их региональной принадлежностью. Основное отличие между судами первой и апелляционной инстанций состоит в том, что на второй стадии дело рассматривается тремя судьями, в то время как в суде первой инстанции — одним. Затем судебные процедуры на предшествующих этапах могут быть пересмотрены в кассационной инстанции (10 региональных подразделений), которая может принять решение, отменить его или отправить на повторный пересмотр в суды более низких инстанций. Суды высших инстанций выполняют надзорную функцию и имеют возможность отказаться от рассмотрения дела, также это единственная стадия, на которой не может быть принято окончательное решение. Если дело отменяется Верховным судом, оно вновь направляется на пересмотр в суд первой инстанции, а процесс его рассмотрения повторяется [Avdasheva, Golovanova, Katsoulacos 2019].

Ещё одна особенность российской системы судебного рассмотрения дел в отношении оспаривания решений административных органов власти — низкий уровень специализации судей. В зависимости от размера регионального подразделения в суде может быть разделение судей на Судебную коллегия по рассмотрению споров, возникающих из гражданских и иных правоотношений, и Судебную коллегия по рассмотрению споров, возникающих из административных правоотношений. Однако у судей отсутствует узкая специализация по рассмотрению (например, только антимонопольных или налоговых процессов), они рассматривают все процессы по оспариванию решений административных органов власти. Также стоит отметить, что распределение дел между судьями происходит случайным образом. В некоторых случаях председатель суда может перераспределить дела между судьями, но это, скорее, исключение, чем правило.

Издержки доступа к судебному рассмотрению дела в арбитражных судах низкие. Размер государственной пошлины при подаче заявления в суд первой инстанции на 2019 г. составляет 3000 рублей, при апелляции — 1500 рублей, что несущественно в отношении бизнес-единицы и не влияет значительным образом на принятие решения компанией о подаче заявления об оспаривании решения. Однако при оспаривании решений и подаче апелляции заявитель учитывает расходы для защиты своей позиции в суде (это может быть, например, юридическая компания или отдельно нанятый юрист — физическое лицо) и для привлечения дополнительных экспертных заключений в составе материалов дела, что может оказаться существенно для финансового состояния компании, в особенности, если судебный процесс длится продолжительное время. И хотя такие дополнительные издержки, которые не являются прямыми затратами на подачу заявления или апелляцию, могут быть значительными, величина, по мнению экспертов, этих расходов ограничивается сверху фактом отсутствия каких-либо ограничений на представительство в суде (представителем может быть в том числе лицо без юридического образования) и системой мотивации судей, направленной на принятие решения за относительно короткий период времени (менее года) [Trochev 2016; Avdasheva, Golovanova, Katsoulacos 2019].

В условиях, когда процесс судебного рассмотрения достаточно быстрый, а издержки подачи заявления и апелляции близки к нулю, количество дел об отмене решений административных органов, рассматриваемых арбитражными судами ежегодно, огромно, они представляют собой репрезентативную выборку данных для целей дальнейшего эмпирического анализа. Например, в 2018 г. арбитражные суды рассмотрели более 2 млн дел, что почти аналогично числу дел, рассмотренных годом ранее. Хотя эти цифры также охватывают и дела в отношении государственных закупок, рекламы, тарифного регулирования, закупок регулируемых компаний и законодательства о банкротстве; дела, затрагивающие антимонопольное правоприменение, составляют существенную часть этих данных.

Для российской практики рассмотрения дел об оспаривании решений административных органов власти, в том числе антимонопольного, характерны существенные институциональные различия в различных регионах.

Причинами такого различия в отношении антимонопольного законодательства являются несколько факторов. Во-первых, отмечается, что для российской практики существует проблема различного толкования законодательства о конкуренции со стороны антимонопольного органа и региональных судов [Волков 2012]. Примером этого выступает оценка факта неявного сговора, несмотря на то что оба института имеют единый подход к основам ограничения конкуренции; отмечается, что в определённых случаях арбитражный суд приравнивает неявный сговор двух или трёх лиц к конкурентному поведению, что расходится с интерпретацией антимонопольного органа, раскрывая существующие неточности в методологии доказательства существования сговора на рынке. Во-вторых, недостаточная специализация судей в экономических вопросах наряду с высоким уровнем различий в применении административных норм среди антимонопольных территориальных управлений приводит

к увеличению сроков рассмотрения дела, издержек на ведение судебного процесса и на проведение самостоятельных экономических экспертиз с привлечением специалистов самими компаниями. В-третьих, в ряде случаев решения, принятые на первом этапе (антимонопольным органом), отменяются впоследствии судом ввиду несоответствия предмета обвинения реальным фактам ограничения конкуренции на рынке, что представляет собой естественное следствие существующих трудностей антимонопольного правоприменения и недостаточно чёткой системы законодательных требований, отсутствия разработанных и унифицированных стандартов доказательств и относительно широкого объёма полномочий антимонопольного органа. В дополнение к этому выдача предписаний антимонопольным органом, содержащих требования по определённым поведенческим ограничениям компании на рынке, приводит к серьёзному вмешательству государственных органов в деловую практику компаний и ограничению рыночной свободы хозяйствующих субъектов в процессе предпринимательской активности, создавая эффект неопределённости компаний в отношении их действий в будущем в системе антимонопольного правоприменения, что впоследствии несёт риск замедления экономического развития рынков.

В результате в отсутствие такой структуры выявления нарушений регулирующим органом создаётся массив правоприменительной практики, что позволяет проанализировать особенности правоприменения с точки зрения реализации решений антимонопольного органа власти в системе арбитражных судов субъектов России.

Анализ региональной дифференциации арбитражных судебных процессов на примере дел об оспаривании решений антимонопольного органа

Описание данных

Дальнейший анализ совокупного количества решений, рассматриваемых арбитражными судами, основан на статистике, находящейся в открытом доступе в Картотеке арбитражных дел (kad.arbitr.ru).

Анализ антимонопольных решений, представленный далее, основан на данных о решениях российских арбитражных судов первой инстанции в отношении оспаривания решений антимонопольного органа по всем типам обвинений за 2012–2018 гг. с помощью веб-скрейпинга. Данные получены из Картотеки арбитражных дел Федеральных арбитражных судов Российской Федерации. В анализе использованы метаданные о судебных процессах в отношении оспаривания решений антимонопольного органа. Рассматриваемые кейсы включают те арбитражные дела, в которых антимонопольный орган был ответчиком, истцом — компания, обвиняемая в нарушении антимонопольного законодательства и оспаривающая решение антимонопольного органа.

В результате за указанный период сформирована выборка из 14 790 решений арбитражных судов первой инстанции, которые охватывают разные виды отраслей и субъектов Российской Федерации.

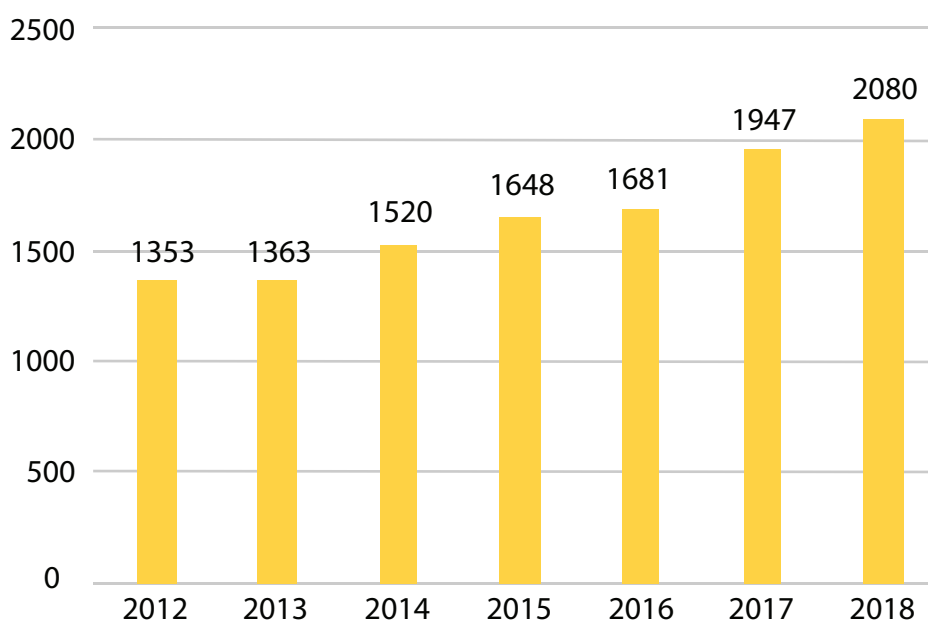
Статистический анализ

К особенностям государственного развития России относится достаточно высокая степень неоднородности субъектов страны по уровню доходов населения, валового регионального продукта, уровню инвестиционной привлекательности, различий исторического и национального развития и т. д. Всё это также обуславливает высокую степень дифференциации институциональной среды субъектов страны, что впоследствии определяет и качество применения антимонопольного законодательства. Инвестиционная привлекательность региона также представляет собой индикатор качества институтов [Nye, Vasilyeva 2015; Baranov et al. 2015].

На рисунке 1 представлена статистика рассмотрения решений всех типов арбитражными судами первой инстанции за 2012–2018 гг. Нагрузка на систему арбитражных судов заметно растёт, увеличившись почти в полтора раза за рассматриваемые семь лет. Это вызвано, с одной стороны, увеличившимся числом обвинительных решений, выносимых административными органами власти (антимонопольная, таможенная и налоговая службы), наращивающими свою активность в абсолютном количестве принимаемых решений, и, с другой стороны, сравнительно низкими издержками оспаривания, что приводит к тому, что при неблагоприятном для себя исходе компания, скорее всего, обеспечит доступ к арбитражному процессу, в том числе повторному, путём подачи последующих судебных исков вплоть до высшей инстанции [Авдашева, Цыцулина, Сидорова 2015].

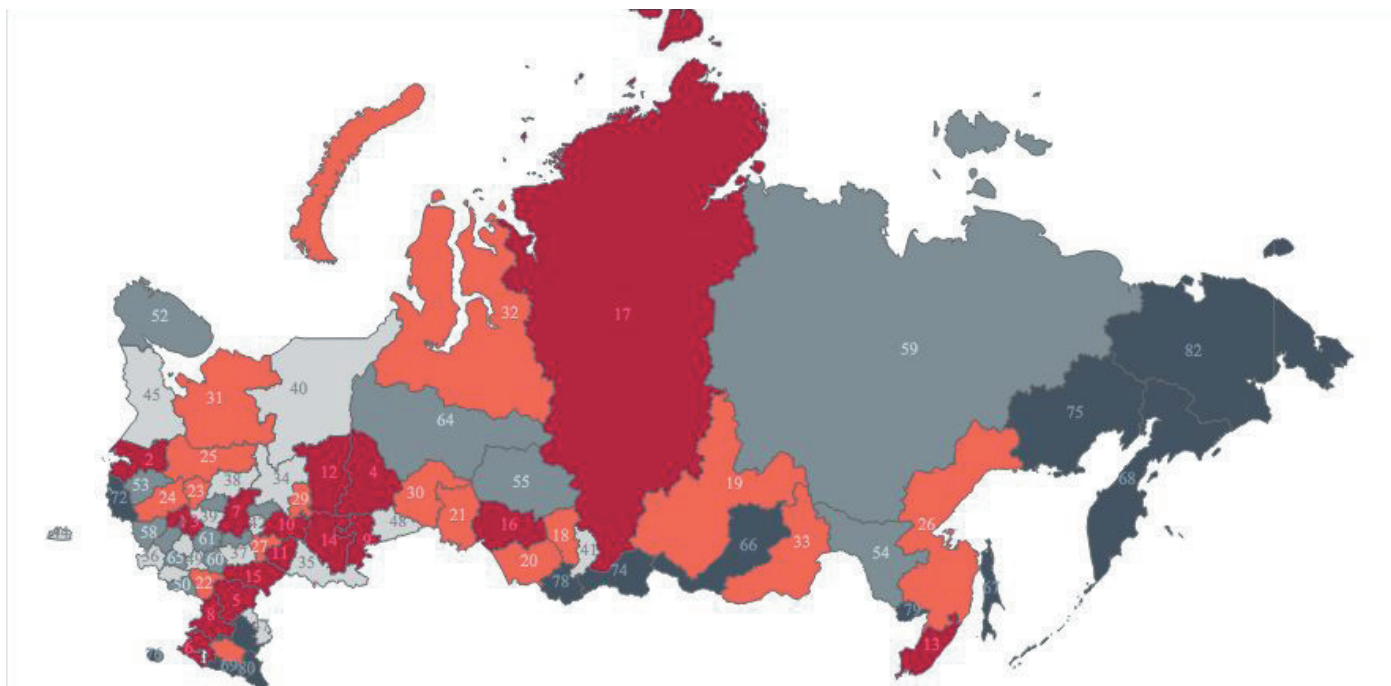
Наибольшей степенью интенсивности, выраженной в количестве рассмотренных судебных процессов за рассматриваемый период, отличаются арбитражные суды таких субъектов, как Москва, Санкт-Петербург, Ленинградская, Московская и Свердловская области, на которые приходится около трети совокупного объёма рассмотренных дел в России (см. рис. 2 и таблицу П.1). При этом суммарное количество рассмотренных дел в судах Карачаево-Черкесской Республики, Республики Алтай, Еврейской автономной области, Чеченской Республики, Республики Ингушетия и Чукотского автономного округа составляет всего около 1% общего объёма рассмотренных решений в системе арбитражных судов.

Уровень загруженности арбитражного суда субъекта, выраженный в количестве рассмотренных дел, приходящемся на одного судью, заметно коррелирует с общим числом рассмотренных дел, однако в ряде регионов наблюдаются существенные разрывы этих показателей в рейтингах (см. рис.3 и таблицу П.2). Так, например, отрицательный разрыв в рейтингах «уровень загруженности — общее число рассмотренных дел» характеризует недостаточное количество судей в арбитражном суде субъекта РФ относительно средних показателей по стране, что создаёт риск снижения эффективности принимаемых решений из-за относительно избыточной загруженности судей. Такая ситуация характерна, например, для Орловской (разрыв: – 58 позиций) и Липецкой областей (разрыв: – 43 позиции), входящих в топ-10 субъектов по уровню загруженности судей и находящихся на 65-й и 49-й позициях по совокупному числу рассмотренных решений соответственно.

Источник: Картоотека арбитражных дел (kad.arbitr.ru); сайты арбитражных судов субъектов РФ.

Рис. 1. Число дел, рассмотренных арбитражными судами субъектов РФ по годам (тыс), по всем типам дел)

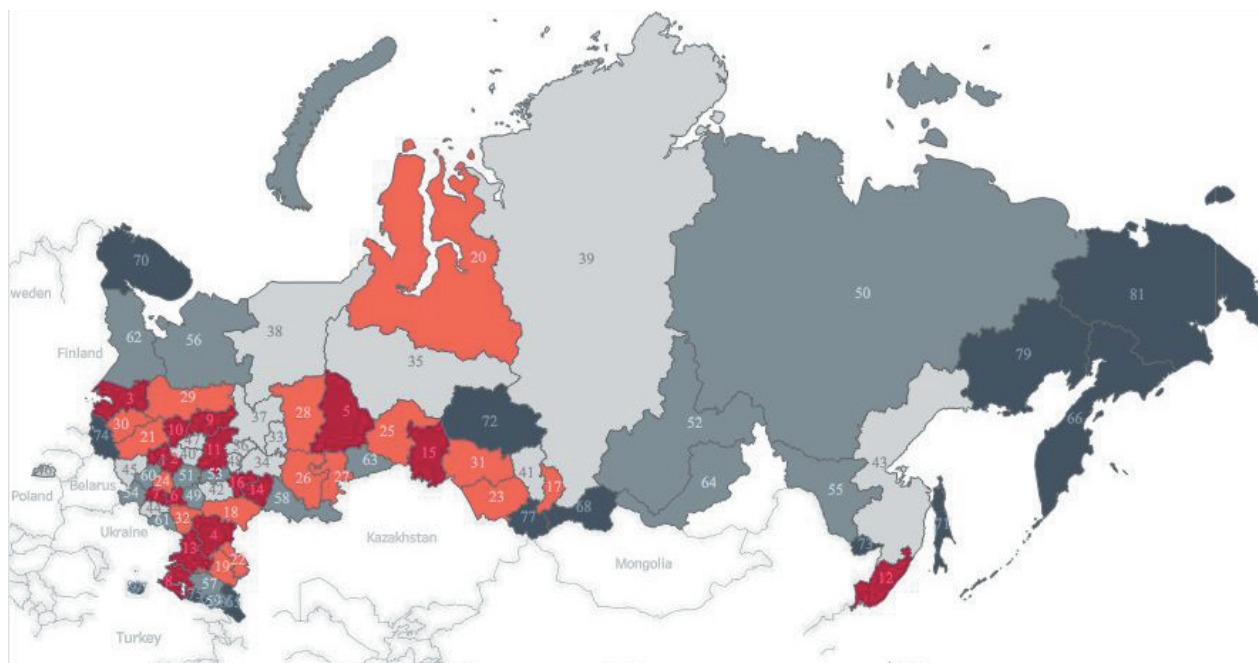
Источник: Картотека арбитражных дел (kad.arbitr.ru); сайты арбитражных судов субъектов РФ.

Примечания:

См. подробнее таблицу П.1

Ранг 1 — наибольшее число дел; ранг 82 — наименьшее число дел.

Рис. 2. Ранжирование регионов по числу дел всех типов, рассмотренных арбитражными судами субъектов РФ в 2012–2018 гг.

Источник: Картотека арбитражных дел (kad.arbitr.ru); сайты арбитражных судов субъектов РФ.

Примечания

См. подробнее таблицу П.2.

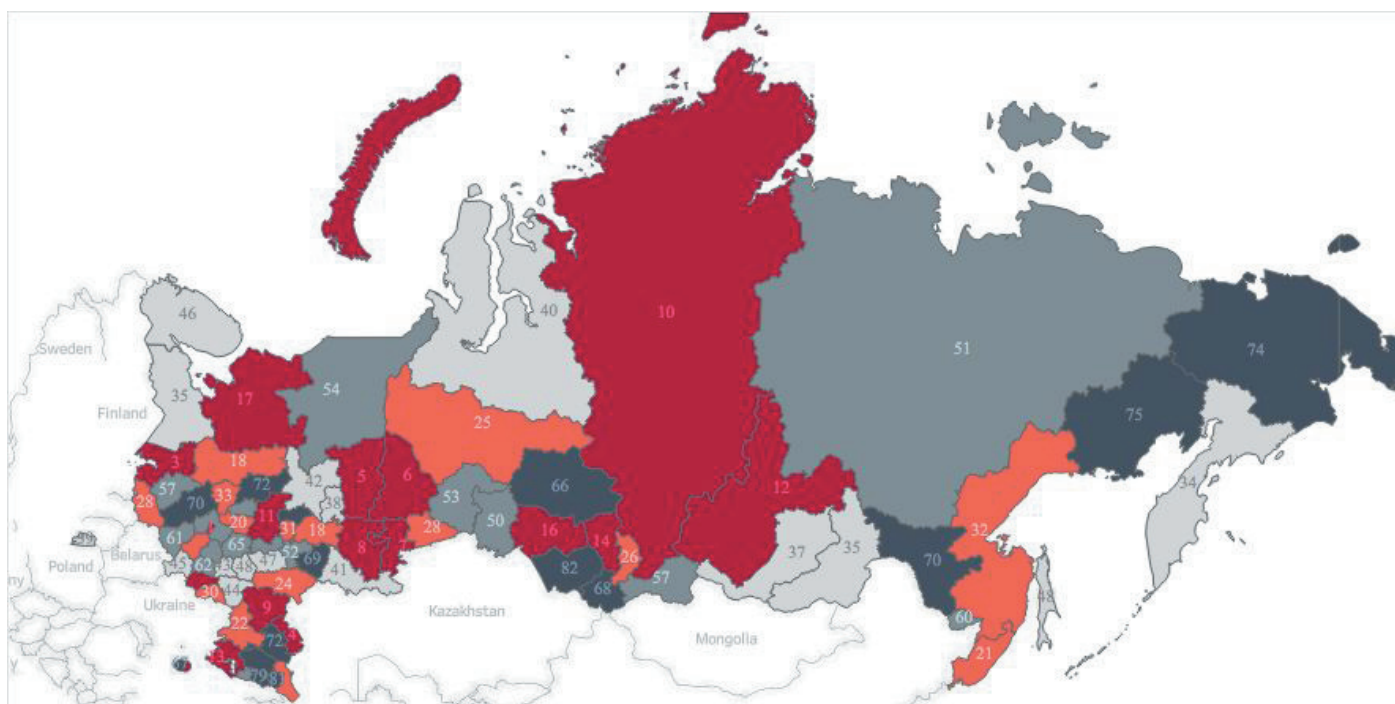
Уровень загруженности судей = общее число рассмотренных дел / число судей в арбитражном суде субъекта РФ.

Ранг 1 — наибольшая загруженность; ранг 81 — наименьшая загруженность.

Рис. 3. Ранжирование регионов по уровню загруженности судей в арбитражных судах субъектов РФ по годам, по числу дел всех типов. 2012–2018 гг.

В среднем за год арбитражными судами субъектов РФ рассматривается около 3300 дел (см. таблицу П.3). В отношении антимонопольных процессов по показателю интенсивности рассмотрения оспариваний решения регулирующего органа (количество рассмотренных решений) в арбитражных судах лидерами остаются суды таких субъектов, как Москва, Санкт-Петербург и Ленинградская область (см. рис. 4 и таблицу П.3). При этом для таких регионов, как Республика Крым, Астраханская область, Калужская область, Республика Дагестан, Псковская область и Камчатский край характерно более интенсивное рассмотрение антимонопольных дел в арбитражных процессах относительно общей картины, показанной ранее, поскольку разрыв данных регионов в ранжировании по числу рассмотренных антимонопольных дел более чем на 30 позиций опережает ранжирование по общему количеству рассмотренных судебных процессов.

В зависимости от размера регионального подразделения в арбитражном суде может быть разделение судей на группы по специализации — на тех, кто рассматривает процессы, связанные со спорами, вытекающими из административных правоотношений. Дела об оспаривании решений антимонопольного органа власти случайным образом распределяются между судьями таких групп. В соответствии с этой информацией, наиболее загруженным регионом остаётся Москва, однако в числе лидеров — Астраханская область, Пермский край, Санкт-Петербург и Ленинградская область, Калужская и Курская области, где ежегодно на одного судью приходится более 10 антимонопольных дел, не считая других процессов, связанных с решениями административных органов власти (например, таможенной и налоговой служб) (см. рис. 5 и таблицу П.4). Важно отметить, что существенный уровень загруженности судей создаёт дополнительный риск эффективности принятия судебного решения (которая также зависит от профессиональных компетенций и опыта отдельно взятого судьи) в связи с необходимостью затрачивания высокого уровня усилий со стороны судьи на проведение комплексной оценки приводимого в стандартах доказывания экономического анализа, необходимого для принятия решения по антимонопольным процессам.

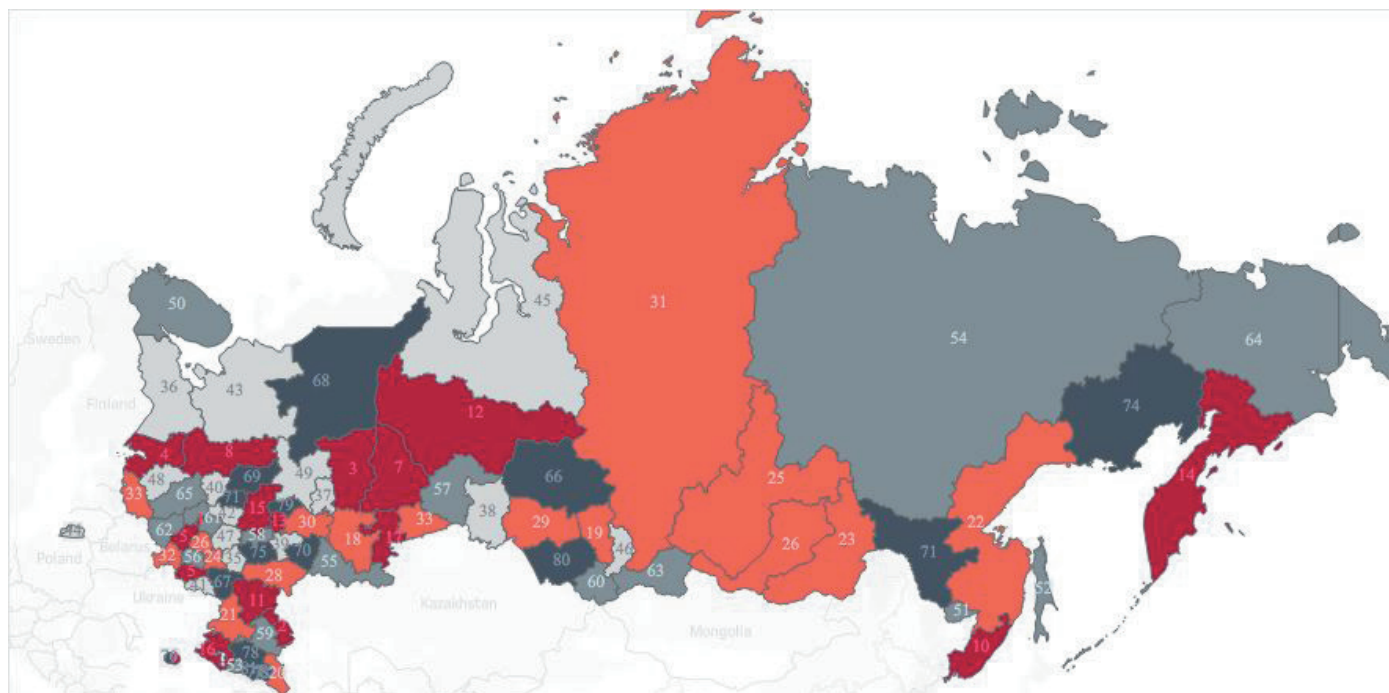
Источник: Картотека арбитражных дел (kad.arbitr.ru); сайты арбитражных судов субъектов РФ.

Примечания

См. подробнее таблицу П.3.

Ранг 1 — наибольшее число дел; ранг 82 — наименьшее число дел.

Рис. 4. Ранжирование регионов по среднегодовому числу рассмотренных дел об оспаривании решений антимонопольного органа в арбитражных судах субъектов РФ

Источник: Картотека арбитражных дел (kad.arbitr.ru); сайты арбитражных судов субъектов РФ.

Примечания

См. подробнее таблицу П.4.

Уровень загруженности судей = общее число рассмотренных дел / число судей в арбитражном суде субъекта РФ.

Ранг 1 — наибольшая загруженность; ранг 82 — наименьшая загруженность.

Рис. 5. Ранжирование регионов по уровню загруженности судей в арбитражных судах субъектов РФ. Антимонопольные дела. 2012–2018 гг.

Период рассмотрения дел о нарушении антимонопольного законодательства в России довольно непродолжителен, в особенности — по сравнению с мировой практикой, где случаи рассмотрения дел несколькими судебными инстанциями крайне редки. Средний цикл рассмотрения антимонопольного дела в суде не превышает четырёх инстанций, то есть рассмотрение дела происходит не более чем в четырёх арбитражных судах разного уровня, что обусловлено низкими издержками обжалования и коротким периодом рассмотрения дел (см. рис. 7). В общем случае длительность рассмотрения антимонопольного дела в арбитражном процессе составляет 206 дней, 128 из которых в среднем приходятся на суд первой инстанции (см. рис. 8, 9).

Около половины всех антимонопольных дел, рассматриваемых в арбитражных судах, оспариваются в дальнейшем (см. рис. 11). При этом в более позднем периоде вероятность удовлетворения требований компании в суде первой инстанции ниже. Это может быть обусловлено существованием «эффекта обучения» сторон государственного регулирования, что соответственно ведёт к увеличению эффективности судебных процессов и росту качества выносимых решений, все более трудных для обжалования впоследствии.

Для проверки взаимосвязи между решениями арбитражных судов первой инстанции и судов более высоких инстанций рассмотрим корреляцию переменных решения арбитражного суда первой инстанции и финальное решение арбитражных судов более высоких инстанций, фактически вступившее в силу впоследствии в случае, если имело место обжалование решения суда первой инстанции в судах более высоких инстанций. В среднем около трети решений антимонопольного органа, оспариваемых в арбитражных судах первой инстанции, в результате отменяются (см. рис. 10,12). В таблице 2 показано, что решения судов разных инстанций становятся более согласованными, достигая показателя корреляции 0,8 к концу рассматриваемого периода, обозначая два возможных варианта: (1) увеличение качества

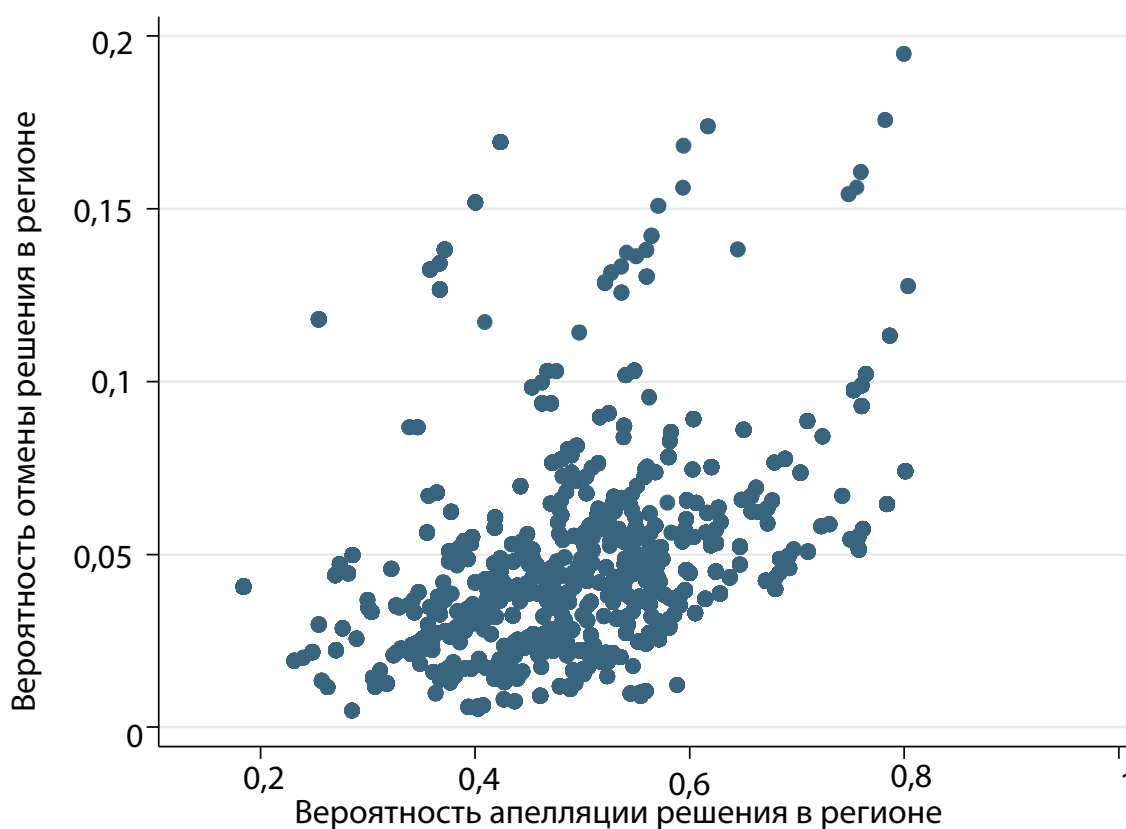
выносимых решений судами первых инстанций; (2) появление предвзятости вынесения судебных решений, а именно — смещения решений судов более высокой инстанции в пользу ранее принятых решений судами первой инстанции. Предсказанные вероятности апелляции и итоговой отмены решения антимонопольного органа на основе простой пробит-модели, учитывающей параметры региональной дифференциации и изменения правовых норм во времени, показывают, что параметр апелляции можно рассматривать как показатель качества выносимых судебных решений, иллюстрируя потенциальные ошибки правоприменения в отдельно взятом регионе (см. рис. 6).

Таблица 2

Корреляция решений арбитражных судов первой инстанции и судов более высоких инстанций

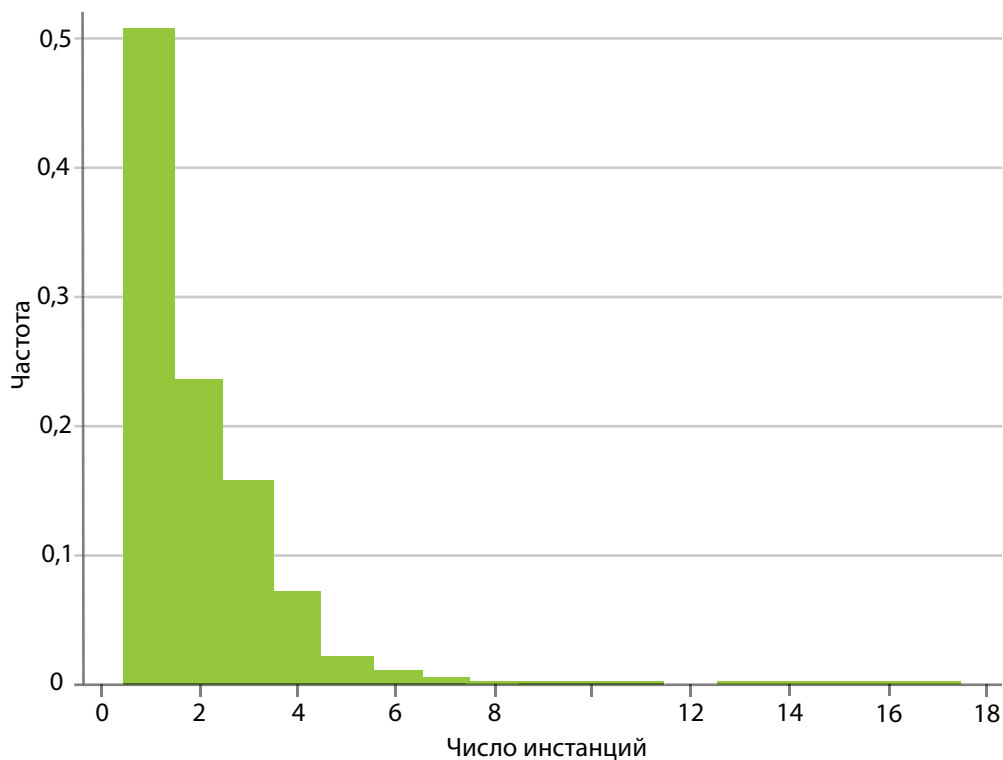
Исход судебного процесса	Годы							В целом
	2012	2013	2014	2015	2016	2017	2018	
Итоговое решение арбитражных судов (последняя инстанция рассмотрения): отмена решения антимонопольного органа								
Обвинительное решение антимонопольного органа отменено в арбитражном суде первой инстанции	0,87***	0,89***	0,91***	0,90***	0,91***	0,90***	0,90***	0,90***

Примечание: Уровень значимости: ***– 1%, **– 5%, *– 10%

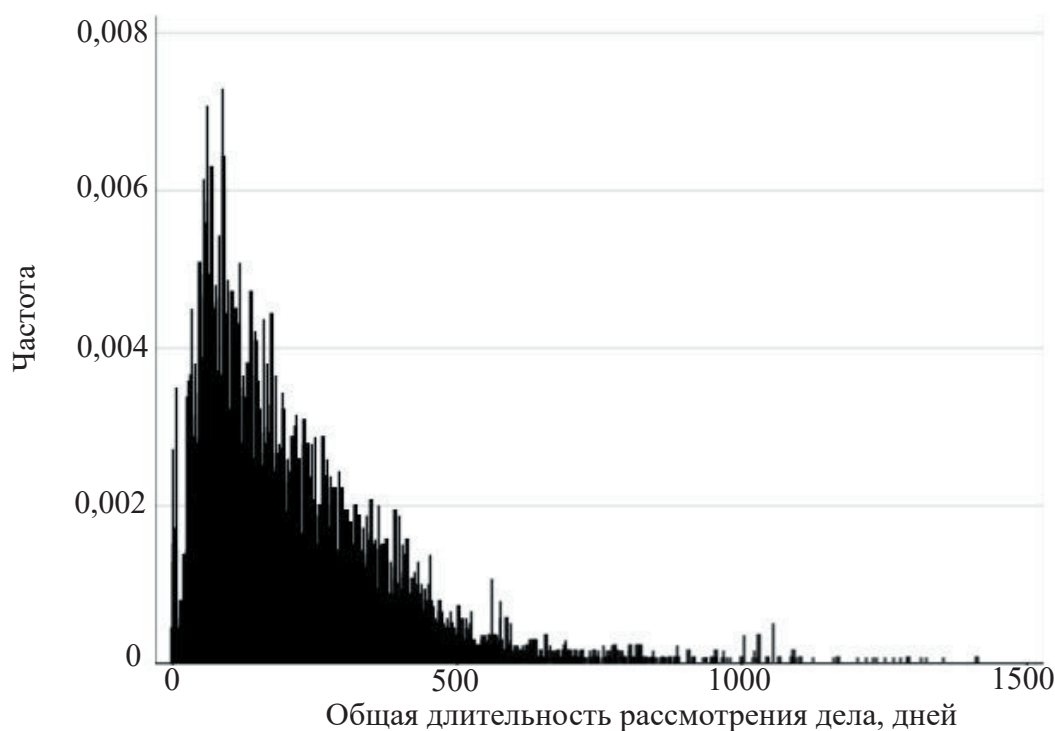
Источник: Картотека арбитражных дел (kad.arbitr.ru); сайты арбитражных судов субъектов РФ.

Рис. 6. Корреляция зависимости вероятности апелляции и итоговой отмены решения антимонопольного органа в арбитражных судах субъектов РФ. 2012–2018 гг.

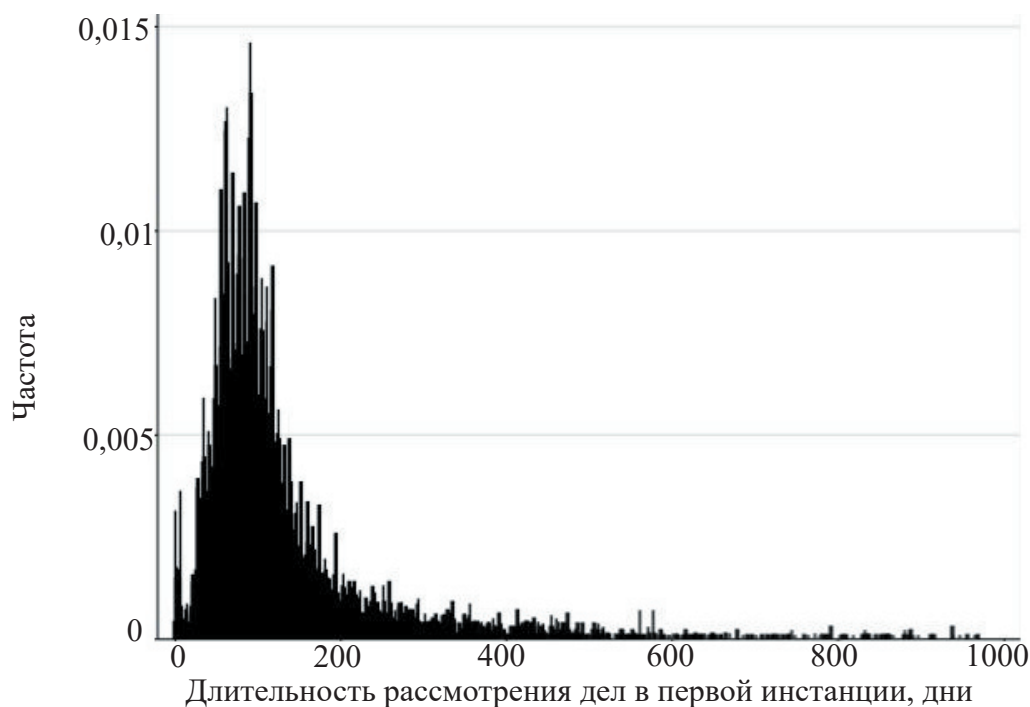
Источник: Картоотека арбитражных дел (kad.arbitr.ru); сайты арбитражных судов субъектов РФ.

Рис. 7. Распределение числа инстанций рассмотрения антимонопольных дел в арбитражных судах субъектов РФ. 2012–2018 гг.

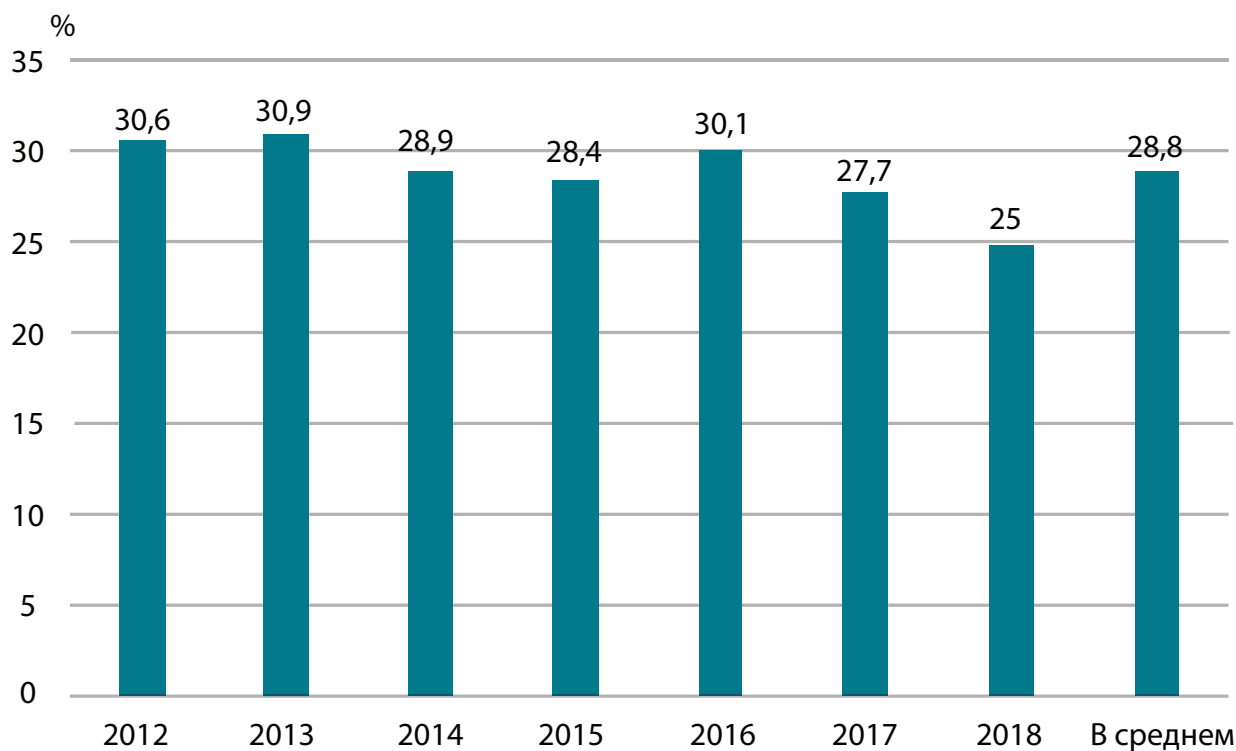
Источник: Картоотека арбитражных дел (kad.arbitr.ru); сайты арбитражных судов субъектов РФ.

Рис. 8. Распределение совокупной длительности рассмотрения антимонопольных дел в арбитражных судах РФ

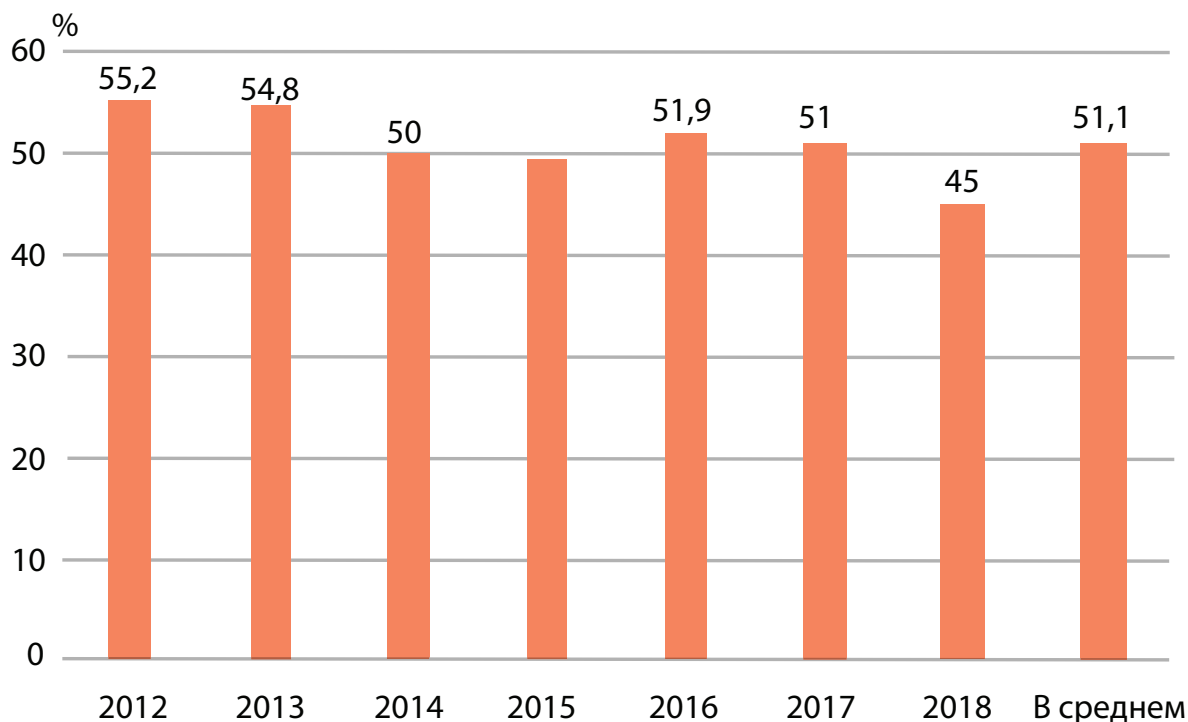
Источник: Картоотека арбитражных дел (kad.arbitr.ru); сайты арбитражных судов субъектов РФ.

Рис. 9. Распределение длительности рассмотрения антимонопольных дел в арбитражных судах субъектов РФ (первая инстанция)

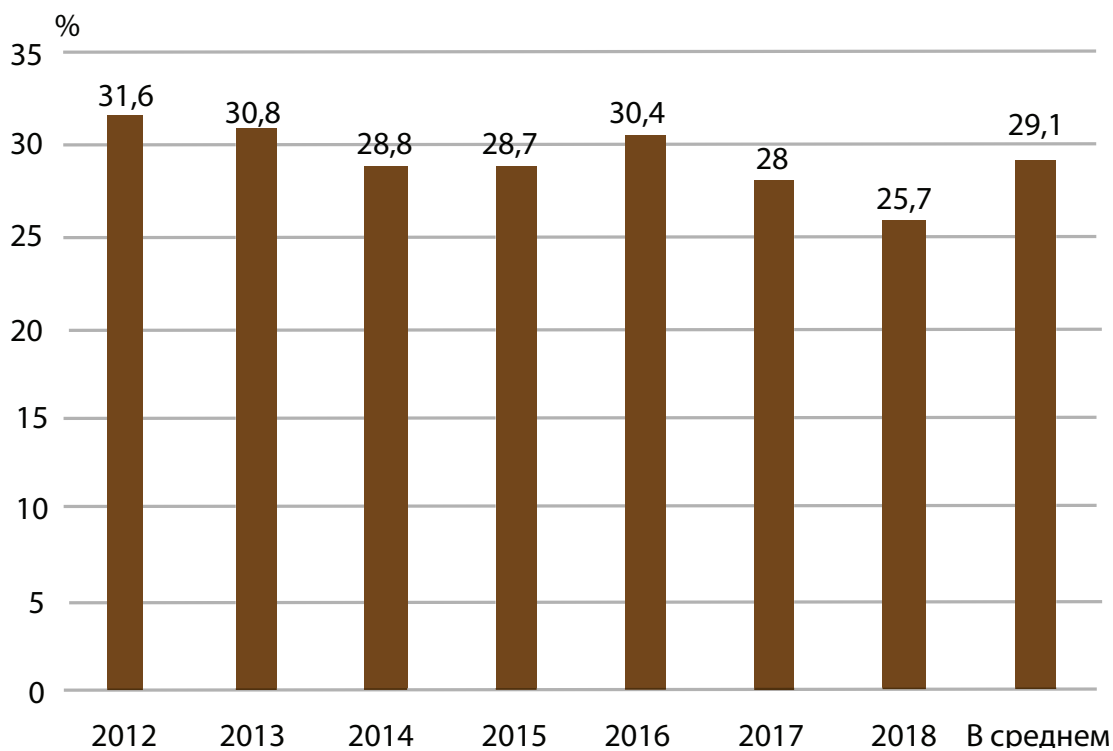
Источник: Картоотека арбитражных дел (kad.arbitr.ru); сайты арбитражных судов субъектов РФ.

Рис. 10. Доля отмененных решений антимонопольного органа в арбитражном суде первой инстанции. 2012–2018 гг.

Источник: Картоотека арбитражных дел (kad.arbitr.ru); сайты арбитражных судов субъектов РФ.

Рис. 11. Доля решений суда первой инстанции, оспариваемых в судах более высоких инстанций, по антимонопольным делам. 2012–2018 гг.

Источник: Картоотека арбитражных дел (kad.arbitr.ru); сайты арбитражных судов субъектов РФ.

Рис. 12. Доля отменённых решений антимонопольного органа в арбитражных судах по результатам итоговых рассмотрений дел. 2012–2018 гг.

Заключение

Рассмотренная статистика оспаривания антимонопольных решений арбитражных судов первой инстанции, основанная на данных Высшего арбитражного суда РФ и Федеральной антимонопольной службы, отражает существующую дифференциацию института судебного регулирования споров, вытекающих из взаимоотношений антимонопольного органа и компаний, выражающуюся, в первую очередь, в различиях в уровне загруженности и специализации судей в рассмотрении дел определённого типа. Такие особенности могут стать параметрами, определяющими различия в процессах правоприменения и качества институциональной среды.

Однако, учитывая разнородности территориальных подразделений судов и антимонопольной службы за пределами государственного регулирования продолжают оставаться такие вопросы, как внедрение и реализация соответствующих стандартов антимонопольной политики в регионах, то есть обеспечение согласованности механизмов регулирования и улучшения качества стандартов доказательств обвинения в нарушении законодательства. Также антимонопольная политика в России всё ещё нуждается в разработке формализованных алгоритмов применения инструментов конкурентной политики.

Необходимо отметить следующие результаты, полученные в ходе статистического анализа:

- в среднем, как отмечалось выше, величина рассмотрения антимонопольного дела в арбитражном процессе составляет 206 дней, 128 из которых приходятся на суд первой инстанции;
- около половины всех антимонопольных дел, рассматриваемых в арбитражных судах, оспариваются в дальнейшем;
- решения судов разных инстанций становятся более согласованными в течение рассматриваемого периода, достигая показателя корреляции 0,8.

В дальнейшем результаты данного анализа будут использованы для эконометрической оценки эффективности арбитражных процессов в России. Важно понимать, что, как было показано, наблюдения, на которые опирается статистика арбитражных судов, довольно неоднородны, поэтому при эконометрическом анализе индикаторов эффективности судебной системы стоит также контролировать фиксированные эффекты, связанные с отраслевой спецификой обвиняемых компаний, поскольку отраслевая структура определяет значимую ось различий участников антимонопольного процесса, концентрируя в первую очередь институциональные особенности отраслевого развития. Каждая из индустрий различается по степени монополизации, государственного участия, по количеству участников на рынке, по уровню её конкурентоспособности и частоте антимонопольных дел против компаний определённой отрасли. Всё это аналогично с периодом рассмотрения дела и регионом арбитражного суда первой инстанции, начавшем судебное разбирательство, требует учёта как отдельного параметра эффектов особенностей сторон арбитражного судебного процесса.

Приложение

Таблица П.1

Ранжирование регионов по числу дел всех типов, рассмотренных арбитражными судами субъектов РФ. 2012–2018 гг.

Регион арбитражного суда	Годы							Итого	Ранг
	2012	2013	2014	2015	2016	2017	2018		
Число дел									
Москва (А40)	158 743	188 225	217 889	251 566	255 077	253 550	316 331	1 641 381	1
Санкт-Петербург и Ленинградская область (А56)	77 666	78 934	82 590	92 652	88 610	115 254	162 473	698 179	2
Московская область (А41)	55 622	69 953	84 032	108 237	91 021	108 417	106 827	624 109	3
Свердловская область (А60)	52 022	51 070	57 144	62 123	62 237	71 613	73 664	429 873	4
Волгоградская область (А12)	29 977	32 738	46 785	60 875	73 638	48 795	46 567	339 375	5
Краснодарский край (А32)	40 330	43 941	47 623	47 465	45 779	56 650	53 517	335 305	6
Нижегородская область (А43)	33 805	28 721	32 075	34 156	35 832	46 165	50 539	261 293	7
Ростовская область (А53)	36 416	28 233	32 234	34 370	35 678	39 490	41 864	248 285	8
Челябинская область (А76)	25 366	29 076	31 983	31 904	31 616	40 304	42 911	233 160	9
Республика Татарстан (А65)	33 165	30 398	29 811	29 532	29 342	41 315	39 270	232 833	10
Самарская область (А55)	34 902	28 939	30 245	31 506	32 446	34 796	38 512	231 346	11
Пермский край (А50)	25 821	26 495	27 083	31 030	31 072	46 439	40 008	227 948	12
Приморский край (А51)	34 226	41 856	36 011	27 769	31 311	29 893	26 109	227 175	13
Республика Башкортостан (А07)	23 352	23 444	27 666	30 521	29 539	40 752	39 491	214 765	14
Саратовская область (А57)	23 417	23 323	28 728	30 355	32 554	31 624	28 631	198 632	15
Новосибирская область (А45)	24 715	22 380	23 490	24 418	23 868	39 078	40 250	198 199	16
Красноярский край (А33)	20 049	22 503	24 972	27 609	27 814	33 241	35 357	191 545	17
Кемеровская область (А27)	19 728	19 077	23 911	25 924	26 701	28 255	29 441	173 037	18
Иркутская область (А19)	21 656	19 078	21 527	21 075	21 956	28 719	31 115	165 126	19
Алтайский край (А03)	20 363	24 333	24 866	25 138	22 908	22 380	22 922	162 910	20
Омская область (А46)	32 825	15 037	15 847	15 052	17 001	24 182	21 356	141 300	21
Воронежская область (А14)	19 916	14 664	17 128	18 357	18 843	24 298	27 335	140 541	22

Таблица П.1. Продолжение

Регион арбитражного суда	Годы							Итого	Ранг
	2012	2013	2014	2015	2016	2017	2018		
Число дел									
Ярославская область (А82)	16 027	17 216	18 612	17 108	17 117	24 639	25 271	135 990	23
Тверская область (А66)	15 552	16 827	19 710	17 490	15 043	22 696	21 183	128 501	24
Вологодская область (А13)	15 345	16 244	18 463	18 535	16 937	20 762	21 745	128 031	25
Хабаровский край (А73)	16 747	15 371	16 723	18 048	17 469	20 498	22 238	127 094	26
Ульяновская область (А72)	13 236	16 947	18 095	18 909	19 589	19 155	20 962	126 893	27
Ставропольский край (А63)	18 166	13 752	14 172	15 265	16 514	22 904	25 893	126 666	28
Удмуртская Республика (А71)	15 439	14 466	15 271	15 627	17 137	23 025	24 756	125 721	29
Тюменская область (А70)	13 041	14 258	15 469	16 748	15 986	18 463	21 012	114 977	30
Архангельская область (А05)	16 972	15 881	15 744	15 491	14 194	17 812	17 336	113 430	31
Ханты-Мансийский автономный округ — Югра (А75)	10 608	12 294	14 066	16 067	17 075	21 475	21 081	112 666	32
Забайкальский край (А78)	11 142	11 591	15 129	17 459	17 920	20 378	19 011	112 630	33
Кировская область (А28)	13 461	16 115	15 161	15 882	15 769	17 285	18 126	111 799	34
Оренбургская область (А47)	17 342	13 732	13 821	13 719	13 042	16 174	16 681	104 511	35
Брянская область (А09)	11 114	11 014	14 294	15 667	18 826	16 287	12 739	99 941	36
Пензенская область (А49)	10 152	10 947	14 590	14 985	16 151	17 333	15 399	99 557	37
Костромская область (А31)	13 320	13 976	13 540	12 492	13 774	15 071	16 415	98 588	38
Владимирская область (А11)	10 797	12 467	12 679	13 327	12 292	15 635	17 584	94 781	39
Республика Коми (А29)	10 195	9 601	11 023	13 626	14 165	17 744	17 866	94 220	40
Республика Хакасия (А74)	5 623	7 211	9 092	11 751	16 923	19 893	21 408	91 901	41
Чувашская Республика — Чувашия (А79)	14 552	10 957	10 996	12 133	12 286	15 643	14 909	91 476	42
Тульская область (А68)	11 759	12 287	13 258	12 081	11 227	14 318	15 029	89 959	43
Калининградская область (А21)	11 485	10 899	11 034	10 368	9 753	13 182	16 524	83 245	44

Таблица П.1. Продолжение

Регион арбитражного суда	Годы							Итого	Ранг
	2012	2013	2014	2015	2016	2017	2018		
Число дел									
Республика Карелия (А26)	11 468	9 395	10 464	11 634	11 470	13 475	13 818	81 724	45
Курская область (А35)	13 242	10 952	11 124	11 226	12 121	12 309	10 703	81 677	46
Астраханская область (А06)	9 230	10 063	12 319	12 140	12 716	10 322	13 416	80 206	47
Курганская область (А34)	6 615	7 480	8 144	8 686	15 931	15 357	14 923	77 136	48
Липецкая область (А36)	7 908	6 618	7 165	10 229	13 230	15 938	14 018	75 106	49
Белгородская область (А08)	8 832	8 453	10 822	9 256	9 317	15 578	12 217	74 475	50
Республика Марий Эл (А38)	8 671	6 289	7 184	8 373	13 162	15 038	13 099	71 816	51
Мурманская область (А42)	8 689	9 245	10 059	10 816	9 130	10 713	12 090	70 742	52
Новгородская область (А44)	8 796	6 501	9 208	10 765	9 843	12 075	12 246	69 434	53
Амурская область (А04)	9 269	8 688	8 755	11 329	10 632	10 815	9 808	69 296	54
Томская область (А67)	7 695	7 723	8 630	8 962	9 339	10 663	14 356	67 368	55
Ивановская область (А17)	8 089	8 006	8 530	8 779	9 729	10 953	10 968	65 054	56
Республика Крым (А83)	97	100	2 907	7 262	10 178	22 376	20 201	63 121	57
Смоленская область (А62)	8 161	7 028	8 302	9 270	8 550	10 367	11 338	63 016	58
Республика Саха (Якутия) (А58)	7 153	7 908	8 547	7 399	7 101	10 759	13 655	62 522	59
Тамбовская область (А64)	9 336	8 243	8 147	8 037	7 823	9 374	10 552	61 512	60
Рязанская область (А54)	9 004	6 375	6 755	7 324	7 156	9 532	10 245	56 391	61
Республика Мордовия (А39)	5 441	6 465	7 115	7 322	7 908	10 124	11 316	55 691	62
Калужская область (А23)	5 790	5 986	7 102	7 885	8 431	9 902	9 345	54 441	63
Ямало-Ненецкий автономный округ (А81)	5 450	6 310	6 894	6 629	6 776	10 305	10 655	53 019	64
Орловская область (А48)	4 773	4 561	5 809	8 213	8 401	9 757	11 269	52 783	65
Республика Бурятия (А10)	4 949	5 074	6 130	7 821	7 554	7 966	7 207	46 701	66
Сахалинская область (А59)	5 808	5 743	6 129	6 135	6 405	6 674	8 559	45 453	67

Таблица П.1. Окончание

Регион арбитражного суда	Годы							Итого	Ранг
	2012	2013	2014	2015	2016	2017	2018		
Число дел									
Камчатский край (А24)	5 468	5 516	6 207	5 197	5 506	7 193	8 607	43 694	68
Кабардино-Балкарская Республика (А20)	5 736	6 061	6 975	4 689	4 119	5 552	6 197	39 329	69
Республика Дагестан (А15)	2 901	4 134	4 966	5 037	6 241	7 105	6 376	36 760	70
Республика Северная Осетия–Алания (А61)	3 813	4 721	4 706	4 414	4 814	6 175	7 685	36 328	71
Псковская область (А52)	5 073	4 016	4 413	4 595	4 492	5 452	5 815	33 856	72
Республика Калмыкия (А22)	3 082	3 412	5 014	4 751	4 469	6 749	5 170	32 647	73
Республика Тыва (А69)	3 026	3 935	4 434	4 277	5 486	4 000	3 634	28 792	74
Магаданская область (А37)	4 208	2 449	2 441	2 419	2 844	2 844	3 237	20 442	75
Севастополь (А84)	4	5	540	3 221	5 362	4 899	4 890	18 921	76
Карачаево-Черкесская Республика (А25)	2 574	2 244	2 340	2 199	2 749	2 982	3 218	18 306	77
Республика Алтай (А02)	2 333	2 332	2 547	2 447	2 200	2 397	2 234	16 490	78
Еврейская автономная область (А16)	1 424	1 625	1 711	2 053	2 376	2 840	3 781	15 810	79
Чеченская Республика (А77)	1 665	1 856	1 884	1 237	1 117	1 101	1 750	10 610	80
Республика Ингушетия (А18)	906	838	834	1 119	1 359	1 281	3 421	9 758	81
Чукотский автономный округ (А80)	429	491	435	516	611	592	626	3 700	82
Итого	1 353 265	1 363 312	1 520 270	1 648 075	1 680 680	1 947 116	2 080 303	11 593 021	

Источник: Картоотека арбитражных дел РФ (kad.arbitr.ru).

Таблица П.2

Ранжирование регионов по уровню загруженности судей в арбитражных судах субъектов РФ по годам и по числу дел всех типов

Регион арбитражного суда	Годы							Средняя загрузка	Ранг
	2012	2013	2014	2015	2016	2017	2018		
Число дел на судью в год									
Москва (А40)	934	1 107	1 282	1 480	1 500	1 491	1 861	1 379	1
Московская область (А41)	713	897	1 077	1 388	1 167	1 390	1 370	1 143	2
Санкт-Петербург и Ленинградская область (А56)	719	731	765	858	820	1 067	1 504	924	3
Волгоградская область (А12)	500	546	780	1 015	1 227	813	776	808	4
Свердловская область (А60)	627	615	688	748	750	863	888	740	5
Липецкая область (А36)	527	441	478	682	882	1 063	935	715	6
Орловская область (А48)	434	415	528	747	764	887	1 024	685	7
Краснодарский край (А32)	576	628	680	678	654	809	765	684	8
Костромская область (А31)	634	666	645	595	656	718	782	671	9
Ярославская область (А82)	553	594	642	590	590	850	871	670	10
Нижегородская область (А43)	604	513	573	610	640	824	902	667	11
Приморский край (А51)	685	837	720	555	626	598	522	649	12
Ростовская область (А53)	662	513	586	625	649	718	761	645	13
Самарская область (А55)	646	536	560	583	601	644	713	612	14
Омская область (А46)	995	456	480	456	515	733	647	612	15
Ульяновская область (А72)	441	565	603	630	653	639	699	604	16
Республика Хакасия (А74)	256	328	413	534	769	904	973	597	17
Саратовская область (А57)	488	486	599	632	678	659	596	591	18
Республика Калмыкия (А22)	385	427	627	594	559	844	646	583	19
Ханты-Мансийский автономный округ — Югра (А75)	379	439	502	574	610	767	753	575	20
Тверская область (А66)	486	526	616	547	470	709	662	574	21
Астраханская область (А06)	462	503	616	607	636	516	671	573	22
Алтайский край (А03)	497	593	606	613	559	546	559	568	23
Тульская область (А68)	490	512	552	503	468	597	626	535	24
Тюменская область (А70)	421	460	499	540	516	596	678	530	25
Республика Башкортостан (А07)	403	404	477	526	509	703	681	529	26
Челябинская область (А76)	403	462	508	506	502	640	681	529	27
Пермский край (А50)	416	427	437	500	501	749	645	525	28
Вологодская область (А13)	438	464	528	530	484	593	621	523	29
Новгородская область (А44)	463	342	485	567	518	636	645	522	30
Новосибирская область (А45)	449	407	427	444	434	711	732	515	31
Воронежская область (А14)	511	376	439	471	483	623	701	515	32
Удмуртская Республика (А71)	441	413	436	446	490	658	707	513	33
Республика Татарстан (А65)	510	468	459	454	451	636	604	512	34
Ямало-Ненецкий автономный округ (А81)	363	421	460	442	452	687	710	505	35
Республика Марий Эл (А38)	413	299	342	399	627	716	624	489	36

Таблица П.2. Продолжение

Регион арбитражного суда	Годы							Средняя загру- женность	Ранг
	2012	2013	2014	2015	2016	2017	2018		
Число дел на судью в год									
Кировская область (А28)	408	488	459	481	478	524	549	484	37
Республика Коми (А29)	364	343	394	487	506	634	638	481	38
Красноярский край (А33)	346	388	431	476	480	573	610	472	40
Владимирская область (А11)	372	430	437	460	424	539	606	467	41
Кемеровская область (А27)	359	347	435	471	485	514	535	449	42
Пензенская область (А49)	317	342	456	468	505	542	481	444	43
Хабаровский край (А73)	408	375	408	440	426	500	542	443	44
Курская область (А35)	490	406	412	416	449	456	396	432	45
Смоленская область (А62)	389	335	395	441	407	494	540	429	46
Калининградская область (А21)	410	389	394	370	348	471	590	425	47
Ивановская область (А17)	368	364	388	399	442	498	499	422	48
Чувашская Республика — Чува- шия (А79)	469	353	355	391	396	505	481	422	49
Тамбовская область (А64)	445	393	388	383	373	446	502	418	50
Республика Саха (Якутия) (А58)	325	359	389	336	323	489	621	406	51
Рязанская область (А54)	450	319	338	366	358	477	512	403	52
Иркутская область (А19)	367	323	365	357	372	487	527	400	53
Республика Мордовия (А39)	272	323	356	366	395	506	566	398	54
Брянская область (А09)	309	306	397	435	523	452	354	397	55
Амурская область (А04)	371	348	350	453	425	433	392	396	56
Архангельская область (А05)	414	387	384	378	346	434	423	395	57
Ставропольский край (А63)	395	299	308	332	359	498	563	393	58
Оренбургская область (А47)	434	343	346	343	326	404	417	373	59
Республика Северная Осетия- Алания (А61)	272	337	336	315	344	441	549	371	60
Калужская область (А23)	276	285	338	375	401	472	445	370	61
Белгородская область (А08)	305	291	373	319	321	537	421	367	62
Республика Карелия (А26)	358	294	327	364	358	421	432	365	63
Курганская область (А34)	213	241	263	280	514	495	481	355	64
Республика Бурятия (А10)	260	267	323	412	398	419	379	351	65
Республика Дагестан (А15)	193	276	331	336	416	474	425	350	66
Камчатский край (А24)	304	306	345	289	306	400	478	347	67
Республика Крым (А83)	4	4	108	269	377	829	748	334	68
Республика Тыва (А69)	233	303	341	329	422	308	280	316	69
Кабардино-Балкарская Респу- блика (А20)	319	337	388	261	229	308	344	312	70
Мурманская область (А42)	263	280	305	328	277	325	366	306	71
Сахалинская область (А59)	253	250	266	267	278	290	372	282	72
Томская область (А67)	208	209	233	242	252	288	388	260	73
Еврейская автономная область (А16)	158	181	190	228	264	316	420	251	74

Таблица П.2. Окончание

Регион арбитражного суда	Годы							Средняя загру- женность	Ранг
	2012	2013	2014	2015	2016	2017	2018		
	Число дел на судью в год								
Исковская область (А52)	254	201	221	230	225	273	291	242	75
Карачаево-Черкесская Респуб- лика (А25)	215	187	195	183	229	249	268	218	76
Чеченская Республика (А77)	238	265	269	177	160	157	250	217	77
Республика Алтай (А02)	212	212	232	222	200	218	203	214	39
Республика Ингушетия (А18)	129	120	119	160	194	183	489	199	78
Магаданская область (А37)	263	153	153	151	178	178	202	183	79
Севастополь (А84)	0	0	36	215	357	327	326	180	80
Чукотский автономный округ (А80)	107	123	109	129	153	148	157	132	81
Забайкальский край (А78)	–	–	–	–	–	–	–	–	–
Средняя загруженность	482	485	541	587	598	693	740	589	

Источник: рассчитано автором на основе данных с сайтов арбитражных судов субъектов РФ и Картотеки арбитражных дел РФ (kad.arbitr.ru).

Примечание: Уровень загруженности судей = общее число рассмотренных дел / число судей в арбитражном суде субъекта РФ.

Таблица П.3

Ранжирование регионов по числу рассмотренных дел об оспаривании решений антимонопольного органа в арбитражных судах субъектов РФ по годам, 2012–2018 гг.

Регион арбитражного суда	Годы							Итого	В среднем за год	Ранг
	2012	2013	2014	2015	2016	2017	2018			
	Число дел									
Москва (А40)	133	75	156	238	227	225	199	1253	179,0	1
Республика Крым (А83)	–	–	–	–	–	68	240	308	154,0	2
Санкт-Петербург и Ленинградская область (А56)	21	110	127	176	117	66	105	722	103,1	3
Астраханская область (А06)	29	61	60	99	77	35	78	439	62,7	4
Пермский край (А50)	106	41	74	43	65	76	22	427	61,0	5
Свердловская область (А60)	106	70	52	64	36	34	49	411	58,7	6
Челябинская область (А76)	75	69	60	40	36	58	28	366	52,3	7
Республика Башкортостан (А07)	4	16	54	97	86	63	41	361	51,6	8
Волгоградская область (А12)	79	74	69	50	51	19	9	351	50,1	9
Красноярский край (А33)	63	3	23	72	57	66	65	349	49,9	10
Нижегородская область (А43)	33	27	51	58	64	52	46	331	47,3	11
Иркутская область (А19)	49	64	47	42	21	61	41	325	46,4	12
Краснодарский край (А32)	29	47	51	34	34	106	18	319	45,6	13
Кемеровская область (А27)	36	57	65	39	54	39	27	317	45,3	14
Курская область (А35)	87	39	60	42	30	23	7	288	41,1	15
Новосибирская область (А45)	62	57	19	85	17	32	9	281	40,1	16
Архангельская область (А05)	60	21	35	39	43	42	32	272	38,9	17
Вологодская область (А13)	57	38	47	23	45	39	12	261	37,3	18
Республика Татарстан (А65)	100	2	22	15	48	54	20	261	37,3	19
Владимирская область (А11)	24	38	52	34	36	37	28	249	35,6	20
Приморский край (А51)	7	25	18	51	32	49	61	243	34,7	21
Ростовская область (А53)	2	19	12	90	38	28	35	224	32,0	22
Калужская область (А23)	34	35	30	27	28	52	10	216	30,9	23
Саратовская область (А57)	42	31	43	41	12	14	19	202	28,9	24
Ямало-Ненецкий автономный округ (А81)	27	17	32	48		24	23	171	28,5	25
Республика Хакасия (А74)	22	37	7	28	18	50	20	182	26,0	26
Республика Дагестан (А15)	27	36	6	22	44	16	30	181	25,9	27
Курганская область (А34)	47	25	33	30	12	12	14	173	24,7	28
Псковская область (А52)	15	28	25	44	4	16	41	173	24,7	29
Белгородская область (А08)	50	23	28	19	32	4	16	172	24,6	30
Чувашская Республика — Чувашия (А79)	47	15	29	24	11	24	19	169	24,1	31
Хабаровский край (А73)	20	36	40	23	27	12	10	168	24,0	32
Ярославская область (А82)	29		31	19		16	24	119	23,8	33
Камчатский край (А24)	22	2	13	27	27	41	34	166	23,7	34
Республика Карелия (А26)	13	1	31	26	39	17	36	163	23,3	35

Таблица П.3. Продолжение

Регион арбитражного суда	Годы							Итого	В среднем за год	Ранг
	2012	2013	2014	2015	2016	2017	2018			
Число дел										
Забайкальский край (А78)	26	31	29	9	26	20	22	163	23,3	36
Республика Бурятия (А10)	21	17	24	21	25	29	25	162	23,1	37
Удмуртская Республика (А71)	28	19	46	22	15	20	10	160	22,9	38
Калининградская область (А21)	28	25	31	13	4	30	28	159	22,7	39
Ханты-Мансийский автономный округ — Югра (А75)	13	24	22	36	18	28	16	157	22,4	40
Оренбургская область (А47)	12		26	27	9	21	31	126	21,0	41
Кировская область (А28)	32	1	38	23	15	29	5	143	20,4	42
Липецкая область (А36)	27	27	23	19	9		17	122	20,3	43
Воронежская область (А14)	14	15	32	21	37	4	19	142	20,3	44
Брянская область (А09)	19	32	17	20	14	8	29	139	19,9	45
Мурманская область (А42)	15	13	22	42	20	10	15	137	19,6	46
Пензенская область (А49)	12	11	18	24	28	26	17	136	19,4	47
Сахалинская область (А59)	19	19	21	42	14	15	1	131	18,7	48
Тамбовская область (А64)	13	31	12	26	18	13	18	131	18,7	49
Омская область (А46)	7	29	31	20	22	13	3	125	17,9	50
Республика Саха (Якутия) (А58)	10	24		8	19	21	24	106	17,7	51
Ульяновская область (А72)	19	30	12	22	19	14	5	121	17,3	52
Тюменская область (А70)	–	7	28	13	25	15	14	102	17,0	53
Республика Коми (А29)	10	20	16	16	24	18	9	113	16,1	54
Карачаево-Черкесская Республика (А25)	20	18	12	26	13	14	5	108	15,4	55
Московская область (А41)	20	10	12	26	9	18	6	101	14,4	56
Новгородская область (А44)	18	19	14	17	13	13	6	100	14,3	57
Республика Тыва (А69)	6	9	34	25	3	18	5	100	14,3	58
Ивановская область (А17)	27	3	11	6	15	19	18	99	14,1	59
Еврейская автономная область (А16)	12	24	12	11	15	10	4	88	12,6	60
Смоленская область (А62)	16	14	10	20	10	3	13	86	12,3	61
Орловская область (А48)	4	6	16	18	9	13	17	83	11,9	62
Тульская область (А68)	5	12	2	24	14	15	9	81	11,6	63
Республика Мордовия (А39)	15	2	22	17	11	6	3	76	10,9	64
Рязанская область (А54)	11	9	2	11	17	14	11	75	10,7	65
Томская область (А67)	13	4	2	17	18	12	6	72	10,3	66
Севастополь (А84)	–	–	–	–	–	9	11	20	10,0	67
Республика Алтай (А02)	11	2	6	18	16	12	4	69	9,9	68
Самарская область (А55)	29	20	2	1	5	3	5	65	9,3	69
Амурская область (А04)	31	4	4	5	1	–		45	9,0	70
Тверская область (А66)	7	7	18	5	14	1	11	63	9,0	71

Таблица П.3. Окончание

Регион арбитражного суда	Годы							Итого	В среднем за год	Ранг
	2012	2013	2014	2015	2016	2017	2018			
	Число дел									
Республика Калмыкия (А22)	2	9	6	9	7	13	10	56	8,0	72
Костромская область (А31)	–	14	10	1	12	10	1	48	8,0	73
Чукотский автономный округ (А80)	3	11	3	4	13	9	9	52	7,4	74
Магаданская область (А37)	11	3	1	6	10	3	7	41	5,9	75
Республика Ингушетия (А18)	3	2	3	2	3	8		21	3,5	76
Ставропольский край (А63)	1	2	2	5	1	3	1	15	2,1	77
Республика Северная Осетия–Алания (А61)	2	2	1	2	3	–	2	12	2,0	78
Кабардино-Балкарская Республика (А20)	–	4	–	–	1	1	1	7	1,8	79
Республики Марий Эл (А38)	2	1	–	1	3	1		8	1,6	80
Чеченская Республика (А77)	2	1	1	–	1	–	–	5	1,3	81
Алтайский край (А03)	1	1	1	1	2	–	–	6	1,2	82
Итого	3277	3049	3273	3562	3270	3379	3242	8947	55,7	–

Источник: Картотека арбитражных дел РФ (kad.arbitr.ru).

Таблица П.4

Ранжирование регионов по уровню загруженности судей в арбитражных судах субъектов РФ по годам и по числу антимонопольных дел. 2012–2018 гг.

Регион арбитражного суда	Годы							Среднегодовая загруженность суда	Ранг
	2012	2013	2014	2015	2016	2017	2018		
Москва (А40)	22,2	12,5	26,0	39,7	37,8	37,5	33,2	29,8	1
Астраханская область (А06)	7,3	15,3	15,0	24,8	19,3	8,8	19,5	15,7	2
Пермский край (А50)	26,5	10,3	18,5	10,8	16,3	19,0	5,5	15,3	3
Санкт-Петербург и Ленинградская область (А56)	2,6	13,8	15,9	22,0	14,6	8,3	13,1	12,9	4
Калужская область (А23)	11,3	11,7	10,0	9,0	9,3	17,3	3,3	10,3	5
Курская область (А35)	21,8	9,8	15,0	10,5	7,5	5,8	1,8	10,3	6
Свердловская область (А60)	17,7	11,7	8,7	10,7	6,0	5,7	8,2	9,8	7
Вологодская область (А13)	14,3	9,5	11,8	5,8	11,3	9,8	3,0	9,3	8
Республика Крым (А83)	—	—	—	—	—	13,6	48,0	8,8	9
Приморский край (А51)	1,8	6,3	4,5	12,8	8,0	12,3	15,3	8,7	10
Волгоградская область (А12)	13,2	12,3	11,5	8,3	8,5	3,2	1,5	8,4	11
Ямало-Ненецкий автономный округ (А81)	9,0	5,7	10,7	16,0	—	8,0	7,7	8,1	12
Чувашская Республика — Чувашия (А79)	15,7	5,0	9,7	8,0	3,7	8,0	6,3	8,0	13
Камчатский край (А24)	7,3	0,7	4,3	9,0	9,0	13,7	11,3	7,9	14
Нижегородская область (А43)	5,5	4,5	8,5	9,7	10,7	8,7	7,7	7,9	15
Краснодарский край (А32)	4,8	7,8	8,5	5,7	5,7	17,7	3,0	7,6	16
Челябинская область (А76)	10,7	9,9	8,6	5,7	5,1	8,3	4,0	7,5	17
Республика Башкортостан (А07)	0,6	2,3	7,7	13,9	12,3	9,0	5,9	7,4	18
Кемеровская область (А27)	5,1	8,1	9,3	5,6	7,7	5,6	3,9	6,5	19
Республика Дагестан (А15)	6,8	9,0	1,5	5,5	11,0	4,0	7,5	6,5	20
Ростовская область (А53)	0,4	3,8	2,4	18,0	7,6	5,6	7,0	6,4	21
Хабаровский край (А73)	5,0	9,0	10,0	5,8	6,8	3,0	2,5	6,0	22
Забайкальский край (А78)	6,5	7,8	7,3	2,3	6,5	5,0	5,5	5,8	23
Липецкая область (А36)	9,0	9,0	7,7	6,3	3,0	-	5,7	5,8	24
Иркутская область (А19)	6,1	8,0	5,9	5,3	2,6	7,6	5,1	5,8	25
Республика Бурятия (А10)	5,3	4,3	6,0	5,3	6,3	7,3	6,3	5,8	26
Тульская область (А68)	2,5	6,0	1,0	12,0	7,0	7,5	4,5	5,8	27
Саратовская область (А57)	8,4	6,2	8,6	8,2	2,4	2,8	3,8	5,8	28
Новосибирская область (А45)	8,9	8,1	2,7	12,1	2,4	4,6	1,3	5,7	29
Республика Татарстан (А65)	14,3	0,3	3,1	2,1	6,9	7,7	2,9	5,3	30
Красноярский край (А33)	6,3	0,3	2,3	7,2	5,7	6,6	6,5	5,0	31
Брянская область (А09)	4,8	8,0	4,3	5,0	3,5	2,0	7,3	5,0	32
Курганская область (А34)	9,4	5,0	6,6	6,0	2,4	2,4	2,8	4,9	33
Псковская область (А52)	3,0	5,6	5,0	8,8	0,8	3,2	8,2	4,9	34
Тамбовская область (А64)	3,3	7,8	3,0	6,5	4,5	3,3	4,5	4,7	35
Республика Карелия (А26)	2,6	0,2	6,2	5,2	7,8	3,4	7,2	4,7	36

Регион арбитражного суда	Годы							Среднегодовая загруженность суда	Ранг
	2012	2013	2014	2015	2016	2017	2018		
Удмуртская Республика (A71)	5,6	3,8	9,2	4,4	3,0	4,0	2,0	4,6	37
Омская область (A46)	1,8	7,3	7,8	5,0	5,5	3,3	0,8	4,5	38
Ульяновская область (A72)	4,8	7,5	3,0	5,5	4,8	3,5	1,3	4,3	39
Ярославская область (A82)	7,3	—	7,8	4,8	—	4,0	6,0	4,3	40
Белгородская область (A08)	8,3	3,8	4,7	3,2	5,3	0,7	2,7	4,1	41
Владимирская область (A11)	2,7	4,2	5,8	3,8	4,0	4,1	3,1	4,0	42
Архангельская область (A05)	6,0	2,1	3,5	3,9	4,3	4,2	3,2	3,9	43
Калининградская область (A21)	4,7	4,2	5,2	2,2	0,7	5,0	4,7	3,8	44
Ханты-Мансийский автономный округ — Югры (A75)	2,2	4,0	3,7	6,0	3,0	4,7	2,7	3,7	45
Республика Хакасия (A74)	3,1	5,3	1,0	4,0	2,6	7,1	2,9	3,7	46
Рязанская область (A54)	3,7	3,0	0,7	3,7	5,7	4,7	3,7	3,6	47
Новгородская область (A44)	4,5	4,8	3,5	4,3	3,3	3,3	1,5	3,6	48
Кировская область (A28)	5,3	0,2	6,3	3,8	2,5	4,8	0,8	3,4	49
Мурманская область (A42)	2,5	2,2	3,7	7,0	3,3	1,7	2,5	3,3	50
Еврейская автономная область (A16)	3,0	6,0	3,0	2,8	3,8	2,5	1,0	3,1	51
Сахалинская область (A59)	3,2	3,2	3,5	7,0	2,3	2,5	0,2	3,1	52
Карачаево-Черкесская Республика (A25)	4,0	3,6	2,4	5,2	2,6	2,8	1,0	3,1	53
Республика Саха (Якутия) (A58)	2,0	4,8	—	1,6	3,8	4,2	4,8	3,0	54
Оренбургская область (A47)	2,0	—	4,3	4,5	1,5	3,5	5,2	3,0	55
Орловская область (A48)	1,0	1,5	4,0	4,5	2,3	3,3	4,3	3,0	56
Тюменская область (A70)	—	1,4	5,6	2,6	5,0	3,0	2,8	2,9	57
Республика Мордовия (A39)	3,8	0,5	5,5	4,3	2,8	1,5	0,8	2,7	58
Республика Калмыкия (A22)	0,7	3,0	2,0	3,0	2,3	4,3	3,3	2,7	59
Республика Алтай (A02)	2,8	0,5	1,5	4,5	4,0	3,0	1,0	2,5	60
Московская область (A41)	2,9	1,4	1,7	3,7	1,3	2,6	0,9	2,1	61
Смоленская область (A62)	2,7	2,3	1,7	3,3	1,7	0,5	2,2	2,0	62
Республика Тыва (A69)	0,9	1,3	4,9	3,6	0,4	2,6	0,7	2,0	63
Чукотский автономный округ (A80)	0,8	2,8	0,8	1,0	3,3	2,3	2,3	1,9	64
Тверская область (A66)	1,4	1,4	3,6	1,0	2,8	0,2	2,2	1,8	65
Томская область (A67)	2,2	0,7	0,3	2,8	3,0	2,0	1,0	1,7	66
Воронежская область (A14)	1,2	1,3	2,7	1,8	3,1	0,3	1,6	1,7	67
Республика Коми (A29)	1,0	2,0	1,6	1,6	2,4	1,8	0,9	1,6	68
Костромская область (A31)	—	2,8	2,0	0,2	2,4	2,0	0,2	1,4	69
Самарская область (A55)	4,1	2,9	0,3	0,1	0,7	0,4	0,7	1,3	70
Амурская область (A04)	6,2	0,8	0,8	1,0	0,2	—	—	1,3	71
Ивановская область (A17)	2,5	0,3	1,0	0,5	1,4	1,7	1,6	1,3	72
Республика Ингушетия (A18)	1,0	0,7	1,0	0,7	1,0	2,7	—	1,0	73

Регион арбитражного суда	Годы							Среднегодовая загруженность суда	Ранг
	2012	2013	2014	2015	2016	2017	2018		
Магаданская область (А37)	1,6	0,4	0,1	0,9	1,4	0,4	1,0	0,8	74
Пензенская область (А49)	0,5	0,4	0,7	1,0	1,1	1,0	0,7	0,8	75
Севастополь (А84)	—	—	—	—	—	1,8	2,2	0,6	76
Республика Северная Осетия-Алания (А61)	0,3	0,3	0,1	0,3	0,4	-	0,3	0,2	77
Ставропольский край (А63)	0,1	0,2	0,2	0,6	0,1	0,3	0,1	0,2	78
Республика Марий Эл (А38)	0,3	0,2	—	0,2	0,5	0,2	—	0,2	79
Алтайский край (А03)	0,2	0,2	0,2	0,2	0,4	—	—	0,2	80
Кабардино-Балкарская Республика (А20)	—	0,4	—	—	0,1	0,1	0,1	0,1	81
Чеченская Республика (А77)	0,3	0,1	0,1	—	—	—	—	0,1	82
Средняя загруженность судов	4,5	3,8	4,5	5,3	4,3	4,5	4,1	4,4	

Источник: рассчитано автором на основе данных с сайтов арбитражных судов субъектов РФ и Картотеки арбитражных дел РФ (kad.arbitr.ru).

Примечание: Уровень загруженности судей = общее число рассмотренных дел / число судей в арбитражном суде субъекта РФ.

Литература

- Авдашева С. Б., Цыцулина Д. В., Сидорова Е. Е. 2015. Применение ключевых показателей эффективности для ФАС России: анализ на основе статистики судебных решений. *Вопросы государственного и муниципального управления*. 3: 7–34.
- Волков В. В. 2012. *Как судьи принимают решения: эмпирические исследования права*. М.: Статут.
- Дмитриева А. В., Титаев К., Четверикова И. 2012. *Исследование работы российских арбитражных судов методами статистического анализа*. Под ред. К. Титаева. СПб.: Институт проблем правоприменения при Европейском университете в Санкт-Петербурге.
- Acemoglu D., Johnson S. 2005. Unbundling Institutions. *Journal of Political Economy*. 113 (5): 949–995.
- Ash E., Chen D. L., Naidu S. 2018. Ideas Have Consequences: The Impact of Law and Economics on American Justice. *Unpublished paper*. October, 22. URL: <http://elliottash.com/wp-content/uploads/2019/03/ash-chen-naidu-2019-03-20.pdf>
- Asimow M. 2015. Five Models of Administrative Adjudication. *The American Journal of Comparative Law*. 63 (1): 3–32.
- Asimow M., Dotan Y. 2016. Open and Closed Judicial Review of Agency Action: The Conflicting US and Israeli Approaches. *The American Journal of Comparative Law*. 64 (3): 521–553.
- Avdasheva S., Golovanova S., Katsoulacos Y. 2019. The Role of Judicial Review in Developing Evidentiary Standards: The Example of Market Analysis in Russian Competition Law Enforcement. *International Review of Law and Economics*. 58: 101–114.

- Avdasheva S. B., Shastitko A. E. 2018. Depreciating Evidence in Administrative Adjudication: Rules on the Sequence to Present Evidences. *Вестник Санкт-Петербургского университета. Экономика*. 34 (4): 496–510.
- Baranov A. et al. 2015. How (Not) to Measure Russian Regional Institutions. *Russian Journal of Economics*. 2 (1): 154–181.
- Basabe-Serrano S. 2019. The Judges' Academic Background as Determinant of the Quality of Judicial Decisions in Latin American Supreme Courts. *Justice System Journal*. 40 (2): 110–125.
- Baum L. 2006. *Judges and Their Audiences: A Perspective on Judicial Behavior*. Princeton, NJ: Princeton University Press.
- Baum L. 2009. *The Puzzle of Judicial Behavior*. Michigan: University of Michigan Press.
- Baye M. R., Wright J. D. 2011. Is Antitrust too Complicated for Generalist Judges? The Impact of Economic Complexity and Judicial Training on Appeals. *The Journal of Law and Economics*. 54 (1): 1–24.
- Breen M., Gillanders R. 2017. Does Corruption Ease the Burden of Regulation? National and Subnational Evidence. *Munich Personal RePEc Archive*. URL: <https://ideas.repec.org/p/pram/prapa/82088.html>
- Chemin M. 2009. Do Judiciaries Matter for Development? Evidence From India. *Journal of Comparative Economics*. 37 (2): 230–250.
- Choi S. J., Gulati M., Posner E. A. 2012. What Do Federal District Judges Want? An Analysis of Publications, Citations, and Reversals. *The Journal of Law, Economics, and Organization*. 28 (3): 518–549.
- Dakolias M. 1999. *Court Performance Around the World: A Comparative Perspective*. The World Bank. URL: <https://elibrary.worldbank.org/doi/abs/10.1596/0-8213-4436-6>
- Drobak J. N., North D. C. 2008. Understanding Judicial Decision-Making: The Importance of Constraints on Non-Rational Deliberations. *Journal of Law & Policy*. 26: 131–152.
- Epstein L., Landes W., Posner R. 2013. *The Behavior of Federal Judges*. Cambridge, MA: Harvard University Press
- Garoupa N., Ginsburg T. 2009. Reputation, Information and the Organization of the Judiciary. *Journal of Competition Law & Economics*. 4 (2): 226–254.
- Ippoliti R., Melcarne A., Ramello G. B. 2015. Judicial Efficiency and Entrepreneurs' Expectations on the Reliability of European Legal Systems. *European Journal of Law and Economics*. 40 (1): 75–94.
- Kaplow L. 1994. The Value of Accuracy in Adjudication: An Economic Analysis. *The Journal of Legal Studies*. 23 (S1): 307–401.
- Kaplow L. 2015. Information and the Aim of Adjudication: Truth or Consequences? *Stanford Law Review*. 67 (6): 1303–1371.
- La Porta R. et al. 1998. Law and Finance. *The Journal of Political Economy*. 106 (6): 1113–1155.

- Landes W. M., Lessig L., Solimine M. E. 1998. Judicial Influence: A Citation Analysis of Federal Courts of Appeals Judges. *Journal of Legal Studies*. 27 (2): 271–332.
- Nye J. V., Vasilyeva O. 2015. When Does Local Political Competition Lead to More Public Goods? Evidence from Russian Regions. *Journal of Comparative Economics*. 34 (3): 650–676.
- Palumbo G., Giupponi G., Nunziata L., Sanguinetti J. S. M. 2013. The Economics of Civil Justice: New Cross-country Data and Empirics. *OECD Economics Department Working Papers*. 1060.
- Posner R. A. 1993. What Do Judges and Justices Maximize? (The Same Thing Everybody Else Does). *Supreme Court Economic Review*. 3: 1–41.
- Ramseyer J. 2012. Talent Matters: Judicial Productivity and Speed in Japan. *International Review of Law and Economics*. 32: 38–48.
- Schneider M. R. 2005. Judicial Career Incentives and Court Performance: An Empirical Study of the German Labour Courts of Appeal. *European Journal of Law and Economics*. 20 (2): 127–144.
- Staats J., Bowler S., Hiskey J. 2005. Measuring Judicial Performance in Latin America. *Latin American Politics and Societies*. 47 (4): 77–106.
- Trochev A. 2016. Legitimacy, Accountability and Discretion of the Russian Courts. In: Brusis M., Ahrens J., Schulze Wessel M. *Politics and Legitimacy in Post-Soviet Eurasia*. London: Palgrave Macmillan; 121–147.
- Vereck L., Mühl M. 2000. An Economic Theory of Court Delay. *European Journal of Law and Economics*. 10 (3): 243–268.
- Voigt S., El-Bialy N. 2016. Identifying the Determinants of Aggregate Judicial Performance: Taxpayers' Money Well Spent? *European Journal of Law and Economics*. 41 (2): 283–319.
- Williamson O. 1985. *The Economic Institutions of Capitalism: Firms, Markets and Relational Contracting*. New York: The Free Press.

Elena Sidorova

How Different are the Models of Administrative Adjudication Across the Russian Regions?

On the Example of Antitrust Cases

SIDOROVA Elena E. —

PhD student, Junior

Research Fellow of Institute for Industrial and Market Studies, National Research University Higher School of Economics. Address: 101000, 20 Myasnitskaya Str., Moscow, Russian Federation.

Email: esidorova@hse.ru

Abstract

The Russian practice of implementing the decisions of administrative authorities, including challenging them in the judicial system, provides a unique opportunity to study the impact of institutional changes on the effectiveness of legal norms. This article is aimed at describing the main features of the Russian system of contesting the decisions of administrative authorities (in this case, we consider cases of contesting indictments of an antimonopoly body); it also considers key parameters that are characteristic of Russia as a country in a transitional stage of institutional development. The analysis is based on data obtained from the Arbitration Card File of the Federal Arbitration Courts of the Russian Federation on decisions of the Russian arbitration courts of first instance with respect to contesting the decisions of the antimonopoly body on all types of charges for the period 2012–2018.

For the indicated period, a sample of 14,790 decisions of arbitration courts of the first instance was formed, which covered different subjects of the Russian Federation. The considered statistics of contesting antitrust decisions of arbitration courts of the first instance demonstrate a high level of differentiation of the institution of judicial regulation regarding disputes arising from the relationship between the antimonopoly body and companies. Subsequently, such features become some of the essential parameters that determine the differences in the processes of law enforcement and the quality of the institutional environment. At the same time, significant differences in the levels of judges' workload relative to average values make it possible to determine both the insufficient and excessive composition of judges, both in general for the courts of the constituent entities of the Russian Federation, and for groups of judges considering disputes arising from administrative legal relations.

Keywords: economic analysis of law; adjudication; court antitrust processes; regional institutional differences; administrative authorities; Russia.

References

- Acemoglu D., Johnson S. (2005) Unbundling Institutions. *Journal of Political Economy*, vol. 113, no 5, pp. 949–995.
- Ash E., Chen D. L., Naidu S. (2018) Ideas Have Consequences: The Impact of Law and Economics on American Justice. *Unpublished paper*, October, 22. Available at: <http://elliottash.com/wp-content/uploads/2019/03/ash-chen-naidu-2019-03-20.pdf> (accessed 31 August 2019).
- Asimow M. (2015) Five Models of Administrative Adjudication. *The American Journal of Comparative Law*, vol. 63, no 1, pp. 3–32.

- Asimow M., Dotan Y. (2016) Open and Closed Judicial Review of Agency Action: The Conflicting US and Israeli Approaches. *The American Journal of Comparative Law*, vol. 64, no 3, pp. 521–553.
- Avdasheva S. B., Shastitko A. E. (2018) Depreciating Evidence in Administrative Adjudication: Rules on the Sequence to Present Evidences. *St. Petersburg University Journal of Economic Studies, SUJES*, vol. 34, no 4, pp. 496–510.
- Avdasheva S., Golovanova S., Katsoulacos Y. (2019) The Role of Judicial Review in Developing Evidentiary Standards: The Example of Market Analysis in Russian Competition Law Enforcement. *International Review of Law and Economics*, vol. 58, pp. 101–114.
- Avdasheva S., Tsitsulina D., Sidorova E. (2015) Primenenie klyuchevykh pokazateley effektivnosti dlya FAS Rossii: analiz na osnove statistiki sudebnykh resheniy [The Use of Key Performance Indicators for the FAS: Analysis Based on the Statistics of Adjudications]. *Public Administration Issues*, no 3, pp. 7–34 (in Russian).
- Baranov A., Malkov E., Polishchuk L., Rochlitz M., Syunyaev G. (2015) How (Not) to Measure Russian Regional Institutions. *Russian Journal of Economics*, vol. 2, no 1, pp. 154–181.
- Basabe-Serrano S. (2019) The Judges' Academic Background as Determinant of the Quality of Judicial Decisions in Latin American Supreme Courts. *Justice System Journal*, vol. 40, no 2, pp. 110–125.
- Baum L. (2006) *Judges and Their Audiences: A Perspective on Judicial Behavior*, Princeton, NJ: Princeton University Press.
- Baum L. (2009) *The Puzzle of Judicial Behavior*, Michigan: University of Michigan Press.
- Baye M. R., Wright J. D. (2011) Is Antitrust Too Complicated for Generalist Judges? The Impact of Economic Complexity and Judicial Training on Appeals. *The Journal of Law and Economics*, vol. 54, no 1, pp. 1–24.
- Breen M., Gillanders R. (2017) Does Corruption Ease the Burden of Regulation? National and Subnational Evidence. *Munich Personal RePEc Archive*. Available at: <https://ideas.repec.org/p/pramprapa/82088.html> (accessed 31 August 2019).
- Chemin M. (2009) Do Judiciaries Matter for Development? Evidence From India. *Journal of Comparative Economics*, vol. 37, no 2, pp. 230–250.
- Choi S. J., Gulati M., Posner E. A. (2012) What Do Federal District Judges Want? An Analysis of Publications, Citations, and Reversals. *The Journal of Law, Economics, & Organization*, vol. 28, no 3, pp. 518–549.
- Dakolias M. (1999) *Court Performance Around the World: A Comparative Perspective*. The World Bank. Available at: <https://elibrary.worldbank.org/doi/abs/10.1596/0-8213-4436-6> (accessed 31 September 2019).
- Dmitrieva A., Titaev K., Chetverikova I. (2012) *Issledovanie raboty rossiyskikh arbitrazhnykh sudov metodami statisticheskogo analiza* [Statistical Analysis of the Work of Russian Commercial Courts], St. Petersburg: The Institute for the Rule of Law (in Russian).

- Drobak J. N., North D. C. (2008) Understanding Judicial Decision-Making: The Importance of Constraints on Non-Rational Deliberations. *Journal of Law & Policy*, vol. 26, pp. 131–152.
- Epstein L., Landes W., Posner R. (2013) *The Behavior of Federal Judges*, Cambridge, MA: Harvard University Press.
- Garoupa N., Ginsburg T. (2009) Reputation, Information and the Organization of the Judiciary. *Journal of Competition Law & Economics*, vol. 4, no 2, pp. 226–254.
- Ippoliti R., Melcarne A., Ramello G. B. (2015) Judicial Efficiency and Entrepreneurs' Expectations on the Reliability of European Legal Systems. *European Journal of Law and Economics*, vol. 40, no 1, pp. 75–94.
- Kaplow L. (1994) The Value of Accuracy in Adjudication: An Economic Analysis. *The Journal of Legal Studies*, vol. 23, no S1, pp. 307–401.
- Kaplow L. (2015) Information and the Aim of Adjudication: Truth or Consequences? *Stanford Law Review*, vol. 67, no 6, pp. 1303–1371.
- La Porta R., Lopez-De-Silanes F., Shleifer A., Vishny R. (1998) Law and Finance. *The Journal of Political Economy*, vol. 106, no 6, pp. 1113–1155.
- Landes W. M., Lessig L., Solimine M. E. (1998) Judicial Influence: A Citation Analysis of Federal Courts of Appeals Judges. *Journal of Legal Studies*, vol. 27, no 2, pp. 271–332.
- Nye J. V., Vasilyeva O. (2015) When Does Local Political Competition Lead to More Public Goods? Evidence from Russian Regions. *Journal of Comparative Economics*, vol. 43, no 3, pp. 650–676.
- Palumbo G., Giupponi G., Nunziata L., Sanguinetti J. S. M. (2013) The Economics of Civil Justice: New Cross-country Data and Empirics. *OECD Economics Department Working Papers*, vol. 1060.
- Posner R. A. (1993) What Do Judges and Justices Maximize?(The Same Thing Everybody Else Does). *Supreme Court Economic Review*, vol. 3, pp. 1–41.
- Ramseyer J. (2012) Talent Matters: Judicial Productivity and Speed in Japan. *International Review of Law and Economics*, vol. 32, pp. 38–48.
- Schneider M. R. (2005) Judicial Career Incentives and Court Performance: An Empirical Study of the German Labour Courts of Appeal. *European Journal of Law and Economics*, vol. 20, no 2, pp. 127–144.
- Staats J., Bowler S., Hiskey J. (2005) Measuring Judicial Performance in Latin America. *Latin American Politics and Societies*, vol. 47, no 4, pp. 77–106.
- Trochev A. (2016) Legitimacy, Accountability and Discretion of the Russian Courts. *Politics and Legitimacy in Post-Soviet Eurasia* (Brusis M., Ahrens J., Schulze Wessel M.), London: Palgrave Macmillan, pp. 121–147.
- Vereeck L., Mühl M. (2000) An Economic Theory of Court Delay. *European Journal of Law and Economics*, vol. 10, no 3, pp. 243–268.

Voigt S., El-Bialy N. (2016) Identifying the Determinants of Aggregate Judicial Performance: Taxpayers' Money Well Spent? *European Journal of Law and Economics*, vol. 41, no 2, pp. 283–319.

Volkov V. (2012) *Kak sud'i prinyimayut resheniya: empiricheskie issledovaniya prava* [How Judges Make Decisions: Empirical Studies of Law], Moscow: Statut (in Russian).

Williamson O. (1985) *The Economic Institutions of Capitalism: Firms, Markets and Relational Contracting*, New York: The Free Press.

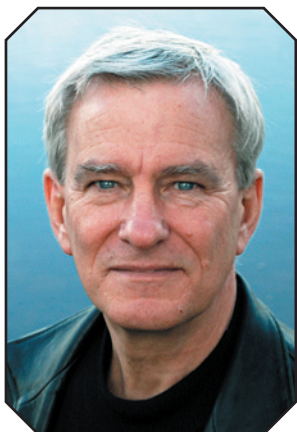
Received: August 31, 2019

Citation: Sidorova E. (2020) Naskol'ko differentsirovano sudebnoe osparivanie resheniy administrativnykh organov vlasti v regionakh Rossii? Na primere antimonopol'nykh del [How Different are the Models of Administrative Adjudication Across the Russian Regions? On the Example of Antitrust Cases]. *Journal of Economic Sociology = Ekonomicheskaya sotsiologiya*, vol. 21, no 4, pp. 30–69. doi: 10.17323/1726-3247-2020-4-30-69 (in Russian).

НОВЫЕ ПЕРЕВОДЫ

Д. Старк

Тесты и тестирование в период пандемии¹

СТАРК Дэвид — профессор в области социальных наук в Университете Уорика; профессор социологии им. Артура Лемана в Колумбийском университете. Адрес: 10027, США, г. Нью-Йорк, на пересечении 116-й улицы и Бродвея. Email: dcs36@columbia.edu

Перевод с англ. и научн. ред. Н. В. Конрой

Источник: Stark D. 2020. Testing and Being Tested in Pandemic Times. *Sociologica. International Journal for Sociological Debate*. 14 (1). URL: <https://sociologica.unibo.it/article/view/10931>

Пандемия коронавируса свидетельствует о широком распространении двух типов тестов. Первый тип — это тестирование: новые медицинские диагностические тесты, а также эпидемиологические модели, которые симулируют и прогнозируют течение вируса. Во втором типе акторы, организации и институты тестируются (подвергаются испытанию) в момент социального и политического кризиса. В данном эссе мы анализируем сходства и различия между этими двумя основными типами тестов, чтобы понять, как они связаны с кризисом. При этом мы обнаруживаем большое разнообразие тестов, работающих в нескольких регистрах, которые сами по себе не разграничены чётко, часто объединяя, а иногда и смешивая, например, научный и общественный дискурс. Исследование начинается с определения трёх аспектов тестирования, заимствованных из социологии тестирования. Первый: тесты часто представляют собой прокси (или прогнозы), которые что-то обозначают. Второй: испытание — это критический момент, выделяемый либо намеренно, либо потому, что он представляет собой озадачивающую или тревожную ситуацию, которая нарушает обычное течение социальной жизни. Третий аспект: когда кого-то или что-то подвергают испытанию, интересно, выдержат ли этот кто-то или это что-то предложенный вызов. Эти идеи служат строительными блоками для решения трёх основных проблем — представительства, отбора и подотчётности — в отношении тестирования во время кризиса, вызванного коронавирусом. В этот момент мы видим новую модель тестирования, переход от статистического расчёта риска в популяции к алгоритмическому прогнозированию рискованности конкретных людей.

Ключевые слова: тестирование; подотчётность; социология тестирования; COVID-19; пандемия; алгоритмический отбор; модели; демонстрации.

¹ Эта работа была поддержана Европейским исследовательским советом в рамках грантового договора № 695256 для проекта BLINDSPOT. Я признателен Паоле Анджелини, Джонатану Баху, Елене Эспозито, Джеффу Фужеру, Герноту Грабхеру, Джулиану Юргенмейеру и Джеймсу МакНелли за их комментарии, критику и предложения. Я благодарен участникам серии коллоквиумов «Размышляя о вирусе» в Wissenschaftskolleg (Институт перспективных исследований в Берлине), где я представил первую версию данной статьи 2 апреля 2020 г., а также Кансу Канка и Хольгеру Спаману за стимулирующие беседы на тему.

Всю свою жизнь я проходил испытания. Моя воля была проверена, моя храбрость была проверена, моя сила была проверена. Теперь испытания проходят мои терпение и выносливость.

Мухаммед Али [Ali, Ali 2015]

Введение

Более 25 лет назад в конститутивной статье по социологии тестирования Тревор Пинч заметил: «Мы живём в эпоху тестирования» [Pinch 1993: 27]. Если это утверждение было обоснованным тогда, то сегодня оно ещё более верно. Я пишу это эссе в разгар кризиса, вызванного COVID-19, когда почти невозможно найти газету, в которой нет хотя бы одного заголовка о тестировании. Многие из таких заголовков касаются диагностических тестов на коронавирус и их результатов или недостатков. Премьер-министры, министры здравоохранения и министры экономики заявляют о важности тестирования. Экономисты Пол Ромер и Раджив Шах пишут о том, что тестирование и есть наш выход [Romer, Shah 2020] (см. также: [Romer, Garber 2020]). В то время как одни призывают увеличить количество тестов в 10 или 25 раз², другие выступают за увеличение тестирования в 100 раз (в контексте США это означает — до миллионов или даже десятков миллионов тестов в день [Siddharth, Weyl 2020] (техническую информацию см.: [Hart et al. 2020])). Многие другие заголовки посвящены второму типу испытаний: как данное лицо или учреждение проходит проверку в условиях кризиса? На момент написания этой статьи, если бы вы набрали в поиске фразу «подвергнуть испытанию» (*put to the test*) и имя известного политика или важного учреждения (будь то парламент, университеты или даже абстракции, такие как наука, опыт или религия), Google, скорее всего, порекомендовал бы сотни, если не тысячи, результатов³.

Неудивительно, что в это кризисное время пандемии проводится такое обилие проверок. В условиях медицинского кризиса тестирование жизненно важно для здравоохранения на индивидуальном уровне и для общественного здравоохранения на социальном уровне. И совершенно понятно, что отдельные лица, организации и учреждения будут подвергнуты испытанию в момент политического и социального кризиса. На основе конъюнктуры этих двух основных типов тестов в этом эссе анализируются их сходства и различия, чтобы понять, как они связаны с кризисом. Мы увидим большое разнообразие тестов, работающих в нескольких регистрах, которые сами по себе не разграничены чётко, часто объединяя, а иногда и смешивая, например, научный и общественный дискурс.

Начну с определения *трёх аспектов тестирования*, взятых из социологии тестирования. Первый: тесты часто представляют собой прокси (или прогнозы), которые что-то обозначают. Второй: испытание — это критический момент, выделяемый либо намеренно, либо потому, что он представляет собой озадачивающую или тревожную ситуацию, которая нарушает обычное течение социальной жизни. Третий аспект: когда кого-то или что-то подвергают испытанию, интересно, выдержат ли этот кто-то или это что-то предложенный вызов.

² «Тестирование является ключевым элементом нашей стратегии по защите Национальной службы здравоохранения (National Health Service, NHS) и спасению жизней», — пишет, например, Мэтт Хэнкок, Государственный секретарь Великобритании по вопросам здравоохранения и социального обеспечения, в программном документе, где содержится призыв к немедленному увеличению уровней тестирования до 10 000–100 000, а затем — до 250 000 тестов в день; см. электронный ресурс: URL: <https://www.gov.uk/government/publications/coronavirus-covid-19-scaling-up-testing-programmes> (дата обращения: 12 августа 2020 г.).

³ Недостаточно того, что кризис «проверяет доверие» к правительствам и экспертам (см., например, статью в газете «Washington Post», URL: <https://www.washingtonpost.com/opinions/2020/01/22/governments-need-peoples-trust-stop-an-outbreak-where-the-that-leave-us/>); Джон Ауторс, старший редактор агентства Bloomberg News, пишет в этой статье, что пандемия подвергает испытанию глубокие философские вопросы.

Эти положения из первого раздела служат строительными блоками для решения трёх основных проблем — представительства, отбора и подотчётности — в отношении тестирования во время коронавирусного кризиса. Хотя три аспекта тестирования аналитически различимы, они не соответствуют трём проблемам. Во втором разделе эссе исследуется роль тестов, моделей и других прогнозов в презентации коронавируса. При изучении того, что выделяется по результатам испытаний, в третьем разделе эссе различаются индивидуальный, статистический и алгоритмический способы отбора в ходе пандемии. В четвёртом разделе анализируются сходства и различия между стресс-тестами и тестами в условиях стресса для изучения сложностей публичной подотчётности.

В данном эссе не будет рассматриваться развитие социологии тестирования с момента публикации Тренора Пинча, сделанной в 1993 г.⁴, и до наших дней⁵. Вместо этого оно предлагает мои непосредственные впечатления о проблемах, процессах и практиках, связанных с тестированиями, которые возникают по мере того, как разворачиваются события. В такой оперативности есть недостатки, но есть и возможности. Опасность, конечно, заключается в том, что эти наблюдения и размышления скоро окажутся устаревшими. Пройдут ли мои идеи проверку временем? Но это уже сфера социологии тестирования — в соответствии с каким тестом и каким временем? Таких испытаний и времён много.

I. Означать, выделять и выдерживать

Тесты бывают разных форм, видов и размеров⁶. Они могут быть, например, отборочными, проверочными или пробными [Formilan, Stark 2020]. Есть анализы крови и дыхания; тесты личности и тесты на отцовство; есть аудиты, но есть и аудирования; военные игры для подготовки к сражению, тесты SAT⁷, чтобы проверить свои академические способности, и тесты Роршаха, чтобы оценить, параноик ли вы. Существуют тесты Тьюринга, чтобы узнать, являетесь ли вы компьютером, и тесты CAPTCHA⁸, чтобы узнать, человек ли вы. Испытания веры, по крайней мере, так же стары, как Авраам и Иов. Моей отправной точкой для анализа тестирования и прохождения тестов во время пандемии будут три основные идеи из социологии тестирования.

1.1. Тест часто является посредником (прокси), который что-то означает

Тест — это критический момент, имеющий смысл потому, что утверждает, что он чего-то стоит [Marres, Stark 2020: 437]. Академический оценочный тест (SAT) призван служить полезным руководством для прогнозирования успеваемости конкретного студента в колледже или университете. Вместо того чтобы принимать студентов и смотреть, как они на самом деле справятся со своими первыми курсами в колледже (что в качестве испытательного срока тоже было бы своего рода проверкой, хотя и довольно дорогостоящей), колледж требует от студентов за пару часов пройти тест с несколькими вариантами ответов. Эти ответы и являются спорными, и, по сути, оспариваются [Cooper 2018] (превосходное общее обсуждение см: [Carson 2007]). Равным образом прогнозирует ли экзамен по вождению безопасную практику за рулём? Могут ли экзамен с несколькими вариантами ответов и 20–30-минутный дорожный тест соответствовать или означать хорошее вождение в реальных условиях? Едва человек начинает за-

⁴ Работа Пинча была не первым словом в социологии тестирования: см., например, важные предшествующие ей статьи: [Callon 1986a; MacKenzie 1989; Nelkin, Tancredi 1989].

⁵ См. неполный обзор социологии тестирования и предложения по развитию этого направления: [Marres, Stark 2020].

⁶ Для наглядного знакомства с широким спектром тестов см. моё пятиминутное видео, доступное по ссылке: <http://blogs.cim.warwick.ac.uk/diversityandperformance/special-testing/>

⁷ Scholastic Aptitude Test — академический оценочный тест для поступления в колледж в США. — *Примеч. перев.*

⁸ Completely Automated Public Turing test to tell Computers and Humans Apart — автоматизированный тест для различения компьютера и людей. — *Примеч. перев.*

думываться о том, как протестировать тест, он попадает на территорию социологии тестирования. Для верности возьмите случайную выборку (часть, обозначающую целое) людей, которые подают заявление на получение водительских прав. Протестируйте их всех, а затем выдайте всем права на вождение независимо от того, выдержали они экзамен или нет. Подождите три года и посмотрите, соответствуют ли сдача или провал записи об авариях. «Ни в коем случае!» — говорят страховые компании, родители и маленькие старушки на пешеходных переходах.

Социологи тестирования ссылаются на этот репрезентативный аспект, когда указывают на тест как на посредника. В канонической статье по этому поводу Тревор Пинч пишет: «Тестирование всегда происходит в процессе проектирования. Если масштабная модель крыла Boeing 747 удовлетворительно работает в аэродинамической трубе, мы можем предположить, что крыло будет удовлетворительно работать в реальном полёте. Если микрофон работает сейчас, можно предположить, что он заработает и позже, когда его будет держать Мик Джаггер» [Pinch 1993: 28–29]. Пинч подчёркивает, что этот акт проектирования во многом зависит от установления отношений сходства. В ходе тщательного и исключительно талантливого исследования того, что означает репрезентативность испытания для реального мира, Джон Даунер предлагает подробный, хотя и иногда ужасающий, отчёт о том, как Федеральное управление гражданской авиации (ФУГА) США испытывало новый турбореактивный двигатель, запуская кур в прототипы двигателей, надёжно закреплённые на уличных стендах [Downer 2007]. Изучая трудности достижения сходства, Даунер документирует, как ФУГА опробовало всевозможные варианты «птичьих ударов», наносимых неоципантыми, замороженными или резиновыми курами, различающимися по размеру и весу, запуская залпами меньшее количество крупных птиц или большее количество мелких птиц и делая это с разными скоростью, углом вылета и так далее. Даунер особенно внимательно относится к тому, как ФУГА пыталось уравновесить реализм и воспроизводимость. От испытаний в условиях, приближённых к реальным, отказались в пользу испытаний в более контролируемых условиях. Эти последние приобрели большее значение, поскольку объект тестирования стал определяться в большей степени с точки зрения сопоставимости. Хотя оставалось важным, чтобы тесты были «реалистичными», проверялись характеристики новых двигателей по сравнению со старыми: «При оценке новой конструкции, вместо того чтобы подходить к ней *ad novum* и спрашивать: “Насколько надёжным будет этот двигатель?” — они спрашивают: “Чем этот двигатель отличается от своих предшественников?” Затем они спрашивают: “Сделают ли эти различия его более или менее надёжным, чем его предшественники?”» [Downer 2007: 20].

В той мере, в какой тесты являются прогностическими, все они (даже так называемые тесты реального мира) оказываются прокси — частью, которая *утверждает, что что-то значит*. Вопрос не в том, как избежать проблемы репрезентации, а в том, как с ней справиться. Если не вдаваться в подробности, то речь о двух подходах, которые в прошлом более или менее отображали различия полевого и лабораторного тестов [Gieryn 2006], а сегодня в большей степени сопоставимы с различиями полевого испытания и модели. Полевые испытания, приобретая в подлинности, теряют в точности. В то же время контролируемые лабораторные условия (или модели) делают возможной воспроизводимость, но в силу абстрактного характера им сложнее быть убедительными и релевантными насущной проблеме [Gieryn 2006; Downer 2007]. Итак, если совсем схематично: тогда как полевые испытания притязают на *аутентичность, убедительность и актуальность*, лабораторные модели претендуют на *точность, управляемость и воспроизводимость*.

1.2. Тест — это выделенный критический момент

Тест как согласованное усилие по выявлению свойств или возможностей некоторой сущности [Marres, Stark 2020] обычно проводится в специально предназначенной для этого обстановке. Иногда тестирование происходит в месте, которое физически отделено от повседневной жизни. Судебное разби-

рательство в зале суда с его подробными правилами о том, кто может быть допущен в зал, кому где сидеть и когда выступать — один из таких примеров [Dodier, Barbot 2016: 308–313]. Другие типы тестов могут быть распределены (и даже широко!) в пространственном отношении, но проходят в относительно дискретные моменты времени. Тесты, основанные на выборке, используют физические или временные срезы, а также их комбинации. Аудит проводится в определенный момент времени; но важно то, что он отбирает информацию и данные для более подробного изучения, относящиеся к предшествующему периоду [Power 1997].

Тесты *выделяются*. На них можно указать, потому что это не просто обычные моменты. У них особый статус. И всё же во многих тестах (хотя и не во всех) материалы, отобранные для экспертизы, приобретают совершенно специфический и особый статус именно потому, что они должны быть абсолютно обычными. Будучи отобранными, эти материалы выделяются для анализа и оценки. Однако они не должны быть выбраны потому, что они чем-то выделяются⁹. Это не относится ко всем типам тестов. Испытания силы, принципов, смелости или характера могут происходить в критические моменты, которые являются особенными именно потому, что они воспринимаются как необычные. Каждый тест ситуативен. Это определённые типы критических моментов, когда кто-то может подумать или даже сказать: «О, у нас тут такая ситуация...» (о таких ситуациях см., в частности: [Boltanski, Thévenot 1999; Stark 2011; 2017]). Вы наверняка в них бывали. Они могут сопровождаться смутным или, не исключено, даже острым чувством неловкости, которое вызвано тем, что всё опасно вышло из-под контроля, потому что неясно, как теперь оценивать ситуацию. Или всё может благоприятно выйти из-под контроля — по той же самой причине [Stark 2011].

1.3. Когда кого-то или что-то подвергают испытанию, интересно, выдержит ли его этот кто-то или это что-то

На пресс-конференции 11 марта 2020 г. канцлер Германии Ангела Меркель (это было её первое публичное выступление о вспышке коронавируса) предупредила, что до 70% населения могут заразиться вирусом. При этом Меркель оказалась первым лидером крупной демократической страны, представившим шокирующие оценки масштабов проблемы. Рядом с ней был Лотар Вилер, президент Института общественного здравоохранения Роберта Коха, старающийся подчеркнуть, что информация, которой она делилась, исходит от экспертов, и Меркель разумно сказала немецкому народу: «Наши солидарность, здравый смысл и открытость друг другу подвергаются испытанию. Я надеюсь, что мы его пройдем» [Bennhold, Eddy 2020].

Неделю спустя, 18 марта, Меркель обратилась к нации с беспрецедентным вечерним посланием. На этот раз, как будто для того, чтобы никто не пропустил этого, в её первых же словах прозвучала мысль об испытании, или тестировании: «Коронавирус в настоящее время кардинально меняет повседневную жизнь в нашей стране. Наше представление о нормальности, общественной жизни, социальной сплочённости — все это подвергается испытанию, как никогда раньше <...> Я твёрдо верю, что мы пройдем это испытание, если все граждане искренне увидят в этом СВОЮ задачу»¹⁰.

Отдельные слагаемые слегка менялись: солидарность, чувство общей цели, забота друг о друге, нормальность, общественная жизнь, социальное единство, но в каждом случае они *подвергались проверке*. В каждом случае выделялся момент в истории: «С момента воссоединения Германии, нет, со времён

⁹ Элемент выделенности существует в напряжении с элементом значимости, например — являются ли образец, момент, протокол репрезентативными? Как может почувствовать читатель, мои три основных организующих принципа трудно собрать вместе.

¹⁰ Акцент в оригинале. Официальная стенограмма Правительства Германии. Доступно по адресу: <https://www.bundesregierung.de/breg-de/themen/coronavirus/statement-chancellor-1732296> (дата обращения 12 августа 2020 г.).

Второй мировой войны, не было проблем <...> столь важных». Кроме того, в каждом случае проблема *преподносилась как испытание*. И в каждом случае выражалась надежда, вера: «Мы пройдем испытание».

Как более подробно описано ниже, стресс-тест — это особый тип диагностического теста. В инженерии, например, до фактического строительства стойки моста могут испытываться в экстремальных условиях, чтобы проверить, выдерживают ли они температуру, влажность, крутящие моменты и нагрузки. Банки проходят стресс-тестирование¹¹. А если у вас сердечное заболевание, вероятно, за вами внимательно наблюдали на беговой дорожке во время сердечного стресс-теста. Также ниже более подробно будет рассмотрено, что существует ещё один тип теста, подобный тем, на которые ссылалась Ангела Меркель, в котором человек или учреждение, даже нация, не просто проходят тест, а подвергаются проверке. Такие тесты ничего не стоят. Это проверки реальностью. Что-то проходит проверку? Кто-нибудь принимает вызов и выдерживает испытание? Вас проверяли?¹²

II. Кто представляет коронавирус?

Если спросить: «Что является объектом изучения социологии?», — можно ожидать, что многие люди ответят что-то вроде «исследование бытия людей». По сравнению с геологией, химией или астрономией этот ответ понятен. Но я хочу предложить альтернативу: объект изучения социологии — *исследование бытия человеком*¹³. Разница смыслов, возникающая при изменении порядка слов, имеет значение, потому что быть человеком можно только по отношению к не людям, с которыми мы живём. Мы, то есть вид, которым мы являемся, действительно, особый — из-за наших отношений с нечеловеческими сущностями, то есть с другими видами живых существ, технологиями, антропогенной средой и т. д. Мы не только совместно эволюционировали с ними, но и активно (вольно или невольно) их формировали. Акторно-сетевая теория — это школа мышления, в которой нечеловеческие сущности в наибольшей степени встроены в изучение того, как действие распределяется между людьми, не людьми и многими гибридами, составляющими наш мир¹⁴. Включение нечеловеческих сущностей в объект нашего исследования и теория действия как распределённой сети необходимы для социологии пандемии и кризиса, который она вызвала.

Начнём с политики. Историю демократических институтов можно рассматривать как встраивание всё большего числа участников в политическую систему. Ранее исключённый из политического поля ра-

¹¹ См. о происхождении финансовых стресс-тестов, восходящих к послевоенным проверкам того, внесли ли бомбардировки союзников существенный вклад в победу в войне в Европе (с помощью моделирования последствий ядерной войны и анализа таблиц экономического производства и потребления (*input—output tables*) для Шока Никсона и связанных с ним законов: [Stark 2014; Ozgode 2015]; о военных играх, стресс-тестах и симуляциях готовности см., в частности: [Lakoff 2017].

¹² «Вас проверяли?» — это первое предложение вступительного эссе, которое мы с Ноортье Маррес написали в качестве приглашенных редакторов для специального выпуска «British Journal of Sociology». Вступление «Подвергаться испытанию: к новой социологии тестирования» [Marres, Stark 2020] было написано осенью 2019 г., задолго до вспышки пандемии COVID-19. Мы тогда не подозревали, что через несколько недель двойное значение фразы «подвергаться испытанию» станет настолько уместным. Убедительное выступление о сочетании этих двух значений см. в коротком видео Ноортье Маррес, доступном по адресу: <http://blogs.cim.warwick.ac.uk/diversityandperformance/special-testing/> (дата обращения: 12 августа 2020).

¹³ Автор использует игру слов: *human beings vs being human*. — Примеч. перев.

¹⁴ См. особенно: [Callon, Latour 1981; Callon 1986a; 1986b; Latour 1988]. Не все приверженцы акторно-сетевой теории согласятся с этим, но я бы предпочёл название «Network-Actor Theory», а не «Actor-Network Theory». Первое звучит (особенно для американского социолога) так, будто единицей действия является актер, то есть сначала идут актеры, а затем — сеть. Название «Network-Actor Theory» будет сигнализировать о том, что единицей действия является сеть, и придаст больше оттенков смысла действиям, распределённым по сети людей и не людей.

бочий класс, например, был затем встроен в институты политики. Конечно, трудящиеся действовали и до этого. Но именно через акты именования и утверждения (*naming and claiming*) — «мы заявляем, что говорим от имени рабочего класса», «наша партия представляет рабочих» и т. д. — рабочий класс вошёл в политическое поле.

Людей представляют политики. Но кто представляет озоновый слой, реки, пчёл или собственно коронавирус? [Callon, Latour 1981; Callon 1986b; Latour 1988; 2004]. Вирус невидим, но силен. Он убивает людей. Кто же его представляет? Наши политические институты обладают сложными инструментами, выборами, системой сдержек и противовесов, протоколами и процедурами, которые позволяют им утверждать, что они представляют людей. Параллельно с этим наши научные учреждения располагают сложными инструментами, экспертными оценками, правилами, протоколами и процедурами, позволяющими им делать заявления о не людях¹⁵. Но вирус не признает институциональных границ политики и науки. Он убивает невидимо и мощно, воздействуя практически на все сферы жизни. И чем сильнее кризис, тем больше не уважают институциональные границы учёные, политики, юристы, активисты, журналисты. Кризис, вызванный пандемией, это медицинская проблема, проблема общественного здравоохранения, но также — кризис репрезентации.

Размышляя о политике представительства, давайте продолжим аналогию между рабочим классом (как ярким примером среди многих других названных групп или категорий) и коронавирусом. История подсказывает, что мы должны учитывать роль демонстраций. Выталкивание людей на улицу — это своего рода испытание. Сколько людей ответят на призыв той или иной партии, альянса или движения? Момент демонстрации выделяется, и организаторы могут указать на него как на своего рода аргумент. Это также может быть проверкой способности к мобилизации для разрушения, например, или для других форм действия. Но в конце зимы и весной 2020 г. улицы были безлюдны. Где демонстрации по поводу коронавируса? На фотографиях, сделанных с дронов, площади и улицы городов тихи и пустынно¹⁶.

Где же демонстрации? На самом деле они происходят почти каждый раз, когда мы открываем наши газеты, ноутбуки, смартфоны. Уже несколько недель по утрам, во время обычных утренних ритуалов, мы исследуем графические демонстрации вируса. В течение дня мы навязчиво изучаем изображения, представляющие морфологию вируса, а также диаграммы и рисунки, демонстрирующие его поведение. Затем мучительно, зная, что не должны этого делать, поклявшись, что не будем этого делать, перед сном или уже почти засыпая, мы ещё раз проверяем уточнённые данные. И на следующий день с чашкой кофе в руке, мы снова смотрим обновлённые графики, когда наш любимый человек спрашивает: «Где мы находимся на кривой?»

«Вау!» — говорите вы и продолжаете: «Я-то думала, мы рассуждали о демонстрациях и политике представительства. Зачем это смешивать с тем, как пережить социальное дистанцирование и самоизоляцию?» Да, вы правы, уважаемый читатель. Я их смешал. Умышленно. Хотя мог бы написать проще: учёные проводят исследования и на их основе представляют демонстрации (своего рода репрезентативное заявление) о коронавирусе. Я мог бы написать о том, как политики принимают, искажают или игнорируют эти графические представления и научные утверждения и делают подтверждающие заявления или контрдemonстрации в ситуации, когда и эксперты, и политики сталкиваются с кризисом доверия со стороны широкой общественности. Также я мог бы отметить важную роль журналистов и других людей в демонстрации научных концепций и открытий в популярной форме. И точно так же в

¹⁵ См. подробный анализ несостоятельности такого разделения представительства в работе: [Latour 2004].

¹⁶ Через несколько дней после того, как были написаны эти строки, на улицах ряда американских городов (особенно в Техасе и Мичигане) прошли демонстрации протеста против мер, принятых системой общественного здравоохранения и вызвавших закрытие предприятий, школ и запрет общественных собраний. Насколько мне известно, в других странах массовых демонстраций протеста по этому поводу не было.

этом духе я мог бы заключить: вопрос «кто представляет коронавирус?» неуместен, и его лучше поставить иначе: «Как представлен коронавирус?»

Вместо этого в первую очередь я смешиваю политические репрезентации и графические демонстрации. И делаю это потому, что в нашу эпоху, когда многие политические проблемы имеют техническую сторону, а многие научные вопросы полностью связаны с политикой, значимо то, что политические демонстрации¹⁷ всё чаще принимают форму цифр, графиков, диаграмм и моделей [Stark, Paravel 2008; Rosental 2013]. Политически, как и научно, невидимый вирус¹⁸ может быть визуально представлен только в виде графиков и диаграмм.

Я настаиваю на том, что это представление не просто визуальное, но и политическое, потому что данные модели играют важную роль в нашей политической системе. Действительно, они перформативны в политике. Общество, в котором политики могут законно представлять людей, а учёные — законно представлять не людей, сталкивается с определёнными проблемами, когда такие процессы, как кризис изменения климата, затрудняют это разделение представительского труда. Коронавирусный кризис является показательным случаем, потому что действие, вызывающее пандемию, так остро распределяется между людьми и не людьми. Да, невидимый вирус убивает. Но без людей он не мог распространиться, фактически он не мог даже воспроизводиться, чтобы убивать. Недостаточно понять, как вирус «ведёт себя» внутри клетки человека; медицинские и политические эффекты вируса зависят от поведения людей. *Вирус размножается внутри клетки; люди распространяют вирус*¹⁹.

Вот здесь-то и нужны тесты. Тесты — это способ представить вирус. Например, с помощью подсчёта числа инфицированных, носителей симптомов, госпитализаций и смертей можно оценить его вирулентность. Для этого медицинский персонал и сотрудники системы общественного здравоохранения проводят тестирование людей. Вирус в первую очередь выражается в *количестве случаев*. Но по мере того, как ситуация перерастает в эпидемию, а затем в пандемию, вирус (или, точнее, сетевой субъект: вирус + человек) всё меньше представляется в форме подсчётов и всё больше в форме моделей. Итак, хотя на самом деле тестируются всё больше и больше людей, важнее заявить, что всё более усиленно и в возрастающей степени в политическом плане *испытываются модели*.

Модели — это проекции. Не просто тесты как *прокси*; модели — это тесты как *прогнозы*. Модели бывают всевозможные. Модель может быть статистической или машинного обучения, компартиментальной или агентной, детерминированной или стохастической, параметрической или непараметрической. Будь то экстраполяция исторических данных или динамическое прогнозирование на основе данных, обновлённых недавно, будь то явное моделирование или нет, более или менее простое или сложное, модель предсказывает или прогнозирует вероятность определённых результатов при определённых

¹⁷ Я благодарен Герноту Грабхеру за указание на то, что символика городской площади как места политических демонстраций не теряет своего значения. Однако сейчас сила демонстрации измеряется не явкой (*turn out*) — «тысячи вышли на улицу», — а неявкой (*turn-off*): «тысячи были заперты дома».

¹⁸ На создание самого известного изображения коронавируса, принадлежащего Алиссе Эккерт, медицинскому иллюстратору Центров по контролю и профилактике заболеваний США, потребовалось больше недели. Дизайнеры опробовали разные цвета, текстуры и освещение. Последнее было откалибровано так, что шипы вируса отбрасывали длинные тени, «чтобы помочь отобразить серьёзность ситуации и привлечь внимание» (А. Эккерт здесь и далее цит. по: [Giámio 2020]). Была принята цветовая схема — красный на сером с оранжевыми и желтыми акцентами, — чтобы, по словам Эккерт, иллюстрация «соответствовала фирменному оформлению».

¹⁹ Возможно, здесь показательна аналогия с дебатами о контроле над оружием. «Пушки убивают людей», — говорят либералы. «Нет, люди убивают людей», — заявляет Национальная стрелковая ассоциация США. Акторно-сетевая теория утверждает: «Люди с оружием убивают людей» [Latour 1999: 176–180]. По аналогии: людей убивают люди, инфицированные вирусом. Или, то же самое, вирус убивает людьми. В обоих случаях действие распространяется как на человека, так и на не человека.

конкретных условиях²⁰. Модели определяют переменные (какие факторы или условия предположительно оказывают влияние); они могут допускать корректировку весов переменных (насколько сильно гипотетически они влияют на результат); чем сложнее модель, тем больше она позволяет корректировать догадки о том, как переменные взаимодействуют друг с другом. Модели пандемии COVID-19 могут быть чрезвычайно детализированными. В то время как ранние модели предсказывали смерти на национальном уровне (см., например: [Ferguson et al. 2020]), к апрелю модели уже делали прогнозы для Соединённых Штатов на уровне штата и даже округа, чтобы не только прогнозировать случаи смерти, но и «предсказать, в каких округах США и когда системы здравоохранения будут перегружены при различных сценариях социального дистанцирования» [Resnick 2020].

В условиях чрезвычайной неопределённости [Adams 2020; Bui et al. 2020; Rufekci 2020], когда мы все ещё так мало знаем о вирусе (отчасти потому, что было проведено недостаточно традиционных диагностических тестов в популяциях), большую часть этих моделей трудно проверить. Возможно, проводилось какое-то «бета-тестирование», подобное поиску ошибок в бета-версии программного обеспечения²¹. Но с учётом того, что почти ежедневно появляются новые результаты исследований в области медицины и общественного здравоохранения, которые необходимо объединить с результатами социологических и сетевых аналитических исследований, разработчики моделей корректируют параметры и оценочные показатели в условиях реального времени. По этим причинам было бы лучше рассматривать модели как работающие в режиме, который мы с Джинной Нефф назвали режимом перманентной беты [Neff, Stark 2004]. Заявления разработчиков моделей и интервью с ними позволяют предположить, что это действительно так²². Постоянно обновляемая, каждая версия не совершенна, и ни одна из них не является окончательной.

Не следует также ожидать, что модели будут совершенными или окончательными. Фактически для многих из этих прогнозов проверкой эффективности модели является ответ на вопрос, приводит ли она к политике и поведению, которые изменяют мир. Модели — это вмешательства [MacKenzie 2006]. Их цель — продемонстрировать, что произойдёт, если будут или не будут предприняты определенные действия²³. Одним из критериев эффективности является то, могут ли модели использовать политического деятеля (или правительство, или лицо, принимающее административные решения) для внедрения какой-либо политики, будь то, например, карантин или открытие экономической деятельности. Ещё один тест: могут ли модели быть использованы политиком, чтобы продемонстрировать общественной необходимость такой меры, как социальное дистанцирование.

²⁰ Разработчики моделей «предсказания» предпочитают «проекцию». Значение таких терминов, как «проекция» и «прогноз», варьируется от одной дисциплины к другой; см. полезные обзоры моделирования пандемии COVID-19: [Adams 2020; Resnick 2020; Tufekci 2020].

²¹ Несмотря на то что небольшая ошибка кодирования может иметь серьёзные последствия, обнаружение таких ошибок, конечно, прозаично. Более важное значение имеет тщательный анализ предположений, встроенных в модели, которые правительства использовали для выработки политики. Насколько мне известно, пока ничего выпущено не было.

²² «У нас есть одна неопределённость поверх другой и третьей», — восклицает Джеффри Шаман, соавтор эпидемиологической модели COVID-19 в Школе общественного здравоохранения имени Дж. Мэйлмана при Колумбийском университете (цит. по: [Bui et al. 2020]; см. также: [Adams 2020; Tufekci 2020]).

²³ Авторы процитированного выше отчёта Имперского колледжа, например, пишут: «В целом при неослабевающей эпидемии мы могли бы спрогнозировать приблизительно 510 тыс. смертей в Великобритании и 2,2 млн в США, не принимая во внимание потенциальные негативные последствия перегрузки систем здравоохранения из-за смертности. В случае неконтролируемой эпидемии мы прогнозируем, что количество койко-мест для интенсивной терапии будет превышено уже на второй неделе апреля с возможным пиком спроса на места в реанимации или интенсивной терапии, который более чем в 30 раз превысит максимальное предложение в обеих странах» [7] — а затем рекомендуют отчитываться о смоделированных эффектах различных вмешательств.

Иногда модели могут использоваться политиками для демонстрации того, что не произошло. Репрезентации того, что не случилось, сложны. Эта проблема встаёт особенно остро в заведомо трудном случае политических действий по предотвращению [Lakoff 2015; 2017]. Как может политический лидер заработать политическую репутацию на том, чего не произошло? Если бедствие не случилось, то было ли это из-за предпринятых лидером превентивных действий? Именно в этом контексте модели пандемии могут быть использованы с политической точки зрения, что можно было увидеть на брифинге губернатора штата Нью-Йорк Эндрю Куомо для прессы 6 апреля 2020 г. После использования слайдов в программе «PowerPoint» для представления мрачной статистики смертей, госпитализаций и интубаций в то время, когда ситуация, особенно в Нью-Йорке, была опасной, Куомо обсудил графики, показывающие различные формы уже знакомой «кривой»: более крутые, выходящие на плато или медленно сглаживающиеся (об убедительном использовании Э. Куомо презентации в «PowerPoint» см.: [Mattern 2020]). Затем слово было предоставлено доктору Джиму Малатрасу, чтобы тот объяснил, как команда губернатора использовала «проекционные модели».

Дж. Малатрас начал с перечисления различных организаций («Имперский колледж, Институт показателей и оценки здоровья, Корнелл»), с которыми правительство работало, предпринимая усилия по моделированию. Затем тоже на слайдах были показаны графики для одной модели («на начальном этапе»), прогнозирующей потребность штата в 110 тыс. больничных коек, пик которой наступит к концу апреля. Линия для другой модели отразила нижний пик в 55 тыс. коек. Третья линия продемонстрировала разноцветную нижнюю линию, «отслеживающую, где мы находимся сегодня», с плоской пунктирной линией, уходящей немного в будущее. Малатрас продолжил: «Мы видели, к чему, по данным статистиков, всё шло. И так, какие мероприятия и действия могли быть предприняты, чтобы экстренно снизить это общее число? И на самом деле ответ был (и это то, что делал губернатор): настойчивое принуждение и введение социального дистанцирования, чтобы снизить общее число. И прогнозы, и фактические данные говорят о том, что именно это и происходит»²⁴.

Следом губернатор Куомо заметил: «Вы видите на этом слайде, где мы сейчас находимся, верно?» Затем он обсуждал то оживлённым, то мрачным тоном, что нужно сделать, чтобы оставаться на ровной линии. Ни губернатор, ни его помощник никогда прямо не указывали на графическое пространство между верхними линиями, показывающими проекции, и нижней линией, обозначающей «что происходит». Но им не пришлось это делать, потому что детали и общие черты их замечаний косвенно относились к этому пространству. Нижняя линия представляла уровень смертности. Эта линия вела счёт уже потерянным жизням, о которых губернатор явно горевал. Но разница между этой линией и более высокими прогнозируемыми линиями означала спасённые жизни и предотвращённые госпитализации, ставшие возможными в результате политики губернатора.

«Так где мы сейчас на кривой?» — спросил ваш партнёр. Потому что именно там мы и живём. Модели не являются зеркалами мира, они — часть мира [Esposito 2013a; 2013b; Stark 2013]. Страдания, причинённые пандемией её непосредственным жертвам, окружающим их медицинским работникам и близким, разлучённым с ними, были и остаются очень болезненными и слишком реальными. Но графические демонстрации также являются частью реальности пандемии. Результаты тестов, выраженные в подсчётах, и представление смертей и госпитализаций, прогнозируемых в моделях, являются важным аспектом наших знаний и опыта работы с вирусом. Определение того, где вы находитесь «на кривой», сравнение вашей страны с другими странами, вашего штата с другими штатами, вашего округа... вашего города... а также того, где вы были и где находитесь, с тем, где бы вы могли быть, — всё это локализация себя в графическом пространстве. Вот где мы — на кривой, на самом пике, сходим с плато.

²⁴ YouTube: New York Gov. Cuomo Holds News Conference on Corona Virus Response 4/6.

То, что мы живём в графическом пространстве представления модели, имеет значение для перформативной роли моделей в политике и социальной жизни. Демонстрация чего-либо не приводит к тому, что это автоматически происходит. Но чем больше мы переселяемся в мир демонстрации, тем больше используем модели как способ познания мира и наших действий в нём. Что я могу сделать, чтобы защитить себя, своих близких, медицинский персонал, пожилых и уязвимых людей в моём сообществе? Не распространяйте вирус. Работайте из дома. Не выходите, практикуйте социальное дистанцирование. Что я могу сделать, чтобы добиться видимого эффекта? Сгладьте кривую.

Таким образом, форма пандемии определяется формами моделей; не то чтобы пандемия имитировала модели, но благодаря рекурсивному циклу [Navon, Eyal 2016] модели становятся частью реальности пандемии. То, как вирус убивает инфицированного человека, не зависит от модели. Но ход пандемии определяется вниманием к моделям. Рассматриваемое таким образом пандемическое действие распределено между вирусом, людьми и моделями «вирус + человек».

III. Кто или что выделяется в тестировании? Три модели отбора в тестировании

Если, как я утверждал в первом разделе данного эссе, тесты могут обозначать что-то как часть процесса репрезентации, здесь, в третьем разделе, я смотрю, кто или что выделяется в ходе тестирования. Подумайте, например, об экзамене. Когда результаты являются двоичными, одни испытуемые сдают, другие — нет. Когда результаты ранжируются, некоторые из них выделяются как неудовлетворительные, другие оцениваются как посредственные, третьи — как хорошие, а немногие избранные — как отличные. Теперь вместо академического экзамена давайте подумаем как об экзамене о медицинском тесте на коронавирус. Предваряя свои рассуждения: в предыдущем разделе я показывал, как тест фигурирует в структурах и практиках *репрезентации*; здесь я рассматриваю, как медицинское устройство может служить устройством для *отбора*.

В качестве организующей рамки я предлагаю три модели, примерно соответствующие трём фазам тестирования²⁵ в условиях текущего кризиса:

- индивидуальная;
- статистическая;
- алгоритмическая.

Как увидим, хотя во всех трёх фазах единица наблюдения находится на уровне индивида, единица и метод анализа варьируются.

III.1. Индивидуальная модель

Цель тестирования в *индивидуальной модели* — определение заражённых. На самой ранней стадии заражения, когда вирус не распространяется через безудержную передачу в сообществе, цель состоит в том, чтобы найти и изолировать тех людей, которые являются носителями вируса, чтобы другие, с которыми они недавно контактировали, могли быть оповещены и при необходимости тоже изолированы. Как и во всех моделях, единица наблюдения в этом случае — индивид, который также служит единицей анализа, идентифицируемой по отдельности. Результаты анализов положительные или отрицательные. То, что выделяется в результате тестирования, называют людьми.

²⁵ Эти фазы не соответствуют идеям «волн» (например, «вторая волна пандемии») или фазам возобновления экономической жизни после карантина (например, этапам 1, 2, 3, 4..., объявленным мэрами, губернаторами или премьер-министрами).

III.2. Статистическая модель

Цель тестирования в *статистической модели* отбора — понять, как распространяется вирус. На этапе, когда инфекция носит пандемический характер, результаты тестов для отдельных лиц положительные или отрицательные, но результаты тестирования *анализируются на уровне населения*. Данные, собранные во время визитов к врачам и в больницах, а также в передвижных или других пунктах экстренного тестирования, анализируются эпидемиологами для определения свойств вируса; например, чтобы понять, насколько он заразен или смертелен [Ganyani et al. 2020; Li et al. 2020; Verity et al. 2020]. На момент написания этой статьи официальные представители общественного здравоохранения запускают общенациональные целевые и случайные выборочные обследования, обычно с участием десятков тысяч людей, наблюдение за которыми продолжается в течение года²⁶. Используя тесты для обнаружения вируса²⁷ (и, стало быть, заражённости) в сочетании с серологическими тестами для определения наличия антител (то есть наличия инфекции и, следовательно, возможного иммунитета), эти обследования проводятся для того, чтобы понять, насколько велико распространение вирусной инфекции, силен и продолжителен иммунитет (а также каково распространение инфекции и иммунитета в зависимости от различных демографических²⁸ и медицинских факторов). Между тем данные, которые собраны штатами и провинциями²⁹, университетами и даже фирмами³⁰, функционируют как тесты тестов: они позволяют определить, например, количество ложноположительных и ложноотрицательных результатов среди множества различных серологических тестов, используемых в настоящее время в экспериментальных целях.

Подобно тестированию в индивидуальной модели отбора, в статистической модели единицей наблюдения тоже является индивид. Отличие этой модели в том, что обследования и другие программы агрегируют тесты, взятые у отдельных лиц, для проведения анализа с использованием *статистических методов на уровне населения*. В основе модели лежит актуарный подход к расчёту риска³¹, позво-

²⁶ Германия была первой страной, запустившей крупномасштабную программу тестирования на антитела, включающую три различных, но взаимосвязанных исследования. В США обследования проводятся Центрами по контролю и профилактике заболеваний и Национальными институтами здравоохранения [Chazan, Mazini 2020]. В ходе исследования, проводимого в Великобритании, в течение следующих 12 месяцев будут проверены более 300 тыс. человек с участием 20 тыс. репрезентативных домохозяйств в первой волне исследования [Cookson 2020].

²⁷ Например, тест полимеразной цепной реакции с обратной транскрипцией (RT-PCR), который измеряет количество РНК вируса, или тест на новый антиген, только что одобренный Федеральным управлением по лекарственным средствам США, который обнаруживает белковые фрагменты вируса. Этот последний тест перспективен для домашнего тестирования по аналогии с домашним тестом на беременность [Jacobs 2020].

²⁸ Важный вывод касается вызывающих тревогу классовых и этнических различий в распространённости COVID-19 и показателях смертности: рабочий класс, расовые меньшинства и мировая беднота непропорционально гибнут от этой пандемии [Laurencin, McClinton 2020; Markortoff 2020; Sánchez-Páramo 2020].

²⁹ Область Венето в Италии является лидером в области тестирования, недавно начав исследование, во время которого было собрано 100 тыс. образцов крови по всему региону. В Во брали мазки, проводят тестирование на антитела и секвенирование генома у всего населения (3000 человек) [Horowitz 2020].

³⁰ Представители органов здравоохранения итальянского региона Эмилия-Романья объявили о приеме заявок на сотрудничество с местными предприятиями для постоянной проверки всех их работников. Полученные сведения дадут дополнительную информацию о вирусе (например, о продолжительности и силе иммунитета) и будут использованы для проверки уровня ложноположительных и ложноотрицательных результатов серологических тестов (согласно интервью с эпидемиологом, знакомым с программой). Со своим проектом «Back on Track» компания Ferrari стала одним из первых предприятий, которые начали участвовать в программе; см.: [La fase 2... 2020].

³¹ «Актуарный механизм изобретен для мира, в котором о возможных угрозах коллективной жизни можно узнать с помощью тщательных демографических и эпидемиологических исследований; проблема заключается в накоплении статистических знаний для управления экономически эффективным вмешательством» [Lakoff 2015: 6]. Проблема актуарного подхода, по словам Э. Лакоффа, состоит в следующем: «В случае нового патогена вирулентность надвигающейся

ляющий помогать лицам, которые принимают решения по государственному управлению пандемией; например — решения о чередовании в течение длительного времени волн и циклов³² карантина и последующего ослабления социального дистанцирования.

III.3. Алгоритмическая модель

Читатели, знакомые с работами Мишеля Фуко (см.: [Foucault 1995; 2007]), поймут, что моё разделение тестирования на *индивидуальное* (в фазе 1) и *статистическое* (в фазе 2) примерно соответствует сделанному Фуко сравнению моделей чумы (индивидуализированная дисциплина и исключение) и оспы (действующей на уровне «населения»). Идеи схожи, но не совпадают, отчасти потому, что я сосредоточиваюсь на тестировании, но также и потому, что мне интересно сопоставить их с возможностями новой модели, которую Фуко не мог изучить³³. Как мы увидим, тестирование на этапе, в который мы сейчас вступаем в пандемии COVID-19, имеет внешнее сходство с более ранними этапами, но я буду утверждать, что оно представляет собой новую модель тестирования — *алгоритмическое* тестирование.

В то время как то, что выделяется из теста в статистической модели, *определяет характеристики вируса и (или) пандемии* на уровне популяции, алгоритмическая модель снова касается идентификации людей, но без простого возврата к методам и целям индивидуальной модели, характерной для фазы 1. Во-первых, в дополнение к тем, кто выделяется как инфицированный, тестирование в этой модели также обещает отобрать тех, кто отличается от остальных иммунитетом. Во-вторых, различаются методы отбора: происходит переход от статистических методов к алгоритмическим прогнозам. И, в-третьих, процесс идентификации может привести или не привести к называнию лиц, которые классифицируются как инфицированные или обладающие иммунитетом.

Начнём с цифрового отслеживания контактов (ЦОК). В традиционные методы системы общественного здравоохранения давно вошло тестирование для выявления носителей опасных инфекционных заболеваний, обычно проводимое с помощью агентов, которые опрашивают инфицированного человека и вручную уведомляют тех, с кем он контактировал в течение некоторого предшествующего периода. Цифровое отслеживание контактов работает иначе. В настоящее время разрабатываются различные программы³⁴. Общим для них является использование приложения для смартфона или браслета с тех-

эпидемии не может быть определена на основе накопленных данных о прошлом» [Lakoff 2015: 15]. Напротив, «умное устройство <...> разработано для того, чтобы стимулировать действие, когда решение необходимо, но знание неполно» [Lakoff 2015: 6]. Некоторые из моделей, обсуждаемых в предыдущем разделе, напоминают умные устройства Лакоффа — как попытки отслеживать и реагировать на изменения в реальном времени.

³² См., например, недавнюю статью в журнале «Science» [Kissler et al. 2020] и заявления одного из её старших авторов, эпидемиолога Марка Липситча, цитируемые в «New York Times» 7 мая [Roberts 2020]. Модель Липситча основана на анализе исторических данных о восьми предшествующих эпидемиях гриппа в сочетании с моделированием динамики передачи с использованием данных COVID-19.

³³ См. краткое и вдумчивое эссе Филиппа Сарасина, в котором он предостерегает от «семантической дубинки “биополитики”», предпочитая более дифференцированные модели власти в трудах Фуко об инфекционных заболеваниях [Sarasin 2020].

³⁴ К ним относятся сингапурская «TraceTogether», «Safe Paths» Массачусетского технологического института, стэнфордский «COVID Watch», партнёрство Apple и Google, приложение, которое создала команда Оксфордского университета, и многочисленные национальные программы в Европе, принимающие общеевропейские принципы отслеживания близости с сохранением конфиденциальности (Панъевропейское отслеживание близости с сохранением конфиденциальности — Pan-European Privacy-Preserving Proximity Tracing, PEPP-PT). Полезное обсуждение вопросов и исчерпывающий список серьёзных программ, разрабатываемых в Европе, см. в Сети электронного здравоохранения Европейской комиссии (2020 г. В дополнение к этим программам, вероятно, существуют десятки разработок фирм-однодневок, продающих свои приложения ЦОК ничего не подозревающим властям городов и штатов (см.: [Setzer 2020]).

нологией Bluetooth, которое отслеживает встречи, маркирует их и сохраняет в течение примерно трёх недель. Обратите внимание, что архитектура системы не требует сбора данных GPS о местоположении. Вместо этого устройства, сближающиеся друг с другом, обмениваются псевдонимизированными идентификаторами [Lomas 2020a; Pueyo 2020]. Человек с положительным результатом теста на коронавирус должен сообщить об этом системе, которая, в свою очередь, автоматически отправит сообщение тем, чьи псевдонимные идентификаторы зарегистрированы как столкнувшиеся с заражённым человеком³⁵. Не называя инфицированного, в сообщении получателю предлагают связаться с органами здравоохранения, поскольку он контактировал с кем-то, у кого был положительный результат теста на вирус.

Прежде чем перейти к отбору на основе иммунитета, несколько слов о том, чем ЦОК отличается от более традиционного статистического подхода к эпидемиологии в фазе 2. Если ЦОК будет введено (и это очень большое «если»), это станет одним из наиболее значимых событий в использовании цифровых технологий со времён сетевой архитектуры, которая породила Интернет. Кто-то может возразить, что характерным образом цифровых технологий является сеть. ЦОК, безусловно, основывается на сетевых концепциях и сетевой архитектуре, но явно выделяет другой образ — *след*. В то же время основной образ эпидемиологии фазы 2, укоренённой в бюрократическом учёте и контроле, это *форма*, стандартизованный протокол, который необходимо заполнить и подать³⁶. Бюрократические коробки с формами сильно отличаются от следа. Кроме того, след — это не тропа. По тропе, проложенной другими, можно идти. След может тянуться за тем, кто его произвёл. В своём режиме спроектированной конфиденциальности сетевая структура³⁷ ЦОК воплощает этот горизонтально скоординированный технологический способ управления, в котором участники индивидуализированы, но анонимны.

Результаты тестирования на наличие иммунитета представляют собой нечто совершенно иное — не только технически и концептуально, но и по своим последствиям. Как мы увидим, оно отбирает людей в систему классификации [Fourcade, Healy 2013; Fourcade 2019]. В серологических тестах на наличие антител положительные результаты можно интерпретировать как свидетельство иммунитета³⁸. Это утверждение оспаривается не в последнюю очередь Всемирной организацией здравоохранения. Тем не менее всерьёз рассматриваются различные предложения (в случае Чили — недавно принятые), в которых такие тесты служат основой для «иммунных паспортов» или «иммунных сертификатов» [Gruener 2020; Proctor, Sample, Oltermann 2020; Wighton, Chazan 2020]. Верифицированные органами системы здравоохранения и носимые на смартфоне — возможно, в виде QR-кода, который может легко отсканировать заинтересованная сторона, — эти цифровые учётные данные позволят людям делиться своим статусом COVID-19. В этом случае результаты тестирования предусматривают отбор, название и сертификацию лиц с особым статусом здоровья, которые могут (в зависимости от протоколов) позво-

³⁵ Системы ЦОК различаются степенью защиты конфиденциальности. Некоторые (например, разрабатываемые во Франции и Великобритании) хранят псевдонимизированные идентификаторы с отметкой времени на центральных серверах. Децентрализованные системы, такие как PEPP-PT, имеют так называемую спроектированную защиту конфиденциальности (*privacy-protection-by-design*), поскольку псевдонимизированные идентификаторы хранятся (причём временно) только на устройствах отдельных пользователей [Lomas 2020b]. См. также аргумент о том, что превращение таких систем в обязательные (в отличие от консенсусных) значительно повышает эффективность отслеживания без ущерба для конфиденциальности [Canca 2020].

³⁶ См. о цифровом архиве (*file*) как базовой технологии бюрократии: [Yates 1989; Stark 2011: 169]. Мы узнаем, что свободны от бюрократического наследия, когда у нас не останется цифровых архивов. Реляционная база данных — важный шаг в этом направлении.

³⁷ Поскольку системы используют Bluetooth, а не технологию GPS, отслеживание ведётся не в географическом, а в сетевом пространстве.

³⁸ См. полезное руководство для непрофессионала по серологическому тестированию на антитела и иммунитет: [Resnick, Irfan 2020].

лить им трудоустройство, доступ к ресторанам и местам развлечений, свободу передвижения с целью встреч с уязвимыми категориями населения или для интимных отношений и так далее. Таким образом, результаты тестирования на наличие иммунитета отбирают людей в систему классификации.

На сегодняшний день ни одна страна Европы или Северной Америки не приняла систему иммунных паспортов. Однако трёхсторонняя система классификации, предназначенная для информирования о своей опасности для окружающих, действует в Китае с середины февраля 2020 г., когда в Ханчжоу, где расположены многие из крупнейших технологических компаний, был запущен «Код здоровья Alipay». Система присваивает пользователям один из трёх цветных QR-кодов, указывающих на различные уровни риска, который человек представляет для здоровья населения³⁹. Лица с зелёным кодом могут свободно передвигаться по городу; обладатели жёлтого кода подвергаются тщательному досмотру и ограничению передвижения; те, у кого код красный, задерживаются. QR-код необходим для пользования метро, въезда на определенные магистрали или выезда с них, даже может использоваться для входа в закрытые поселения, где проживают китайцы, или выхода из них.

Система была разработана для города Ханчжоу компанией Ant Financial, филиалом гиганта электронной коммерции Alibaba, и к ней можно получить доступ через платёжное приложение Alipay. Первоначально она была внедрена в трёх провинциях с общим населением почти 180 млн человек [Hu 2020], а к началу марта принята более чем в 200 городах по всей стране [Mozur, Zhong, Krolik 2020]. Теперь сопоставимые программы размещены в популярном приложении WeChat от венчурной компании Tencent. Жалобы в китайской прессе указывают на то, что проблемы в системе варьируются от мошенничества пользователей до ошибочного присвоения системой жёлтых или красных кодов⁴⁰. Учитывая большое количество вовлечённых, 1% неправильных назначений затрагивает миллионы людей, и даже доля процента ошибок является существенной для десятков или сотен тысяч.

По словам Alipay и китайских официальных лиц, уровни риска для «Кода здоровья» определяются результатами тестов и симптомами, о которых сообщает сам пользователь, а также аналитикой больших данных таких факторов, как история поездок, отношения с потенциальными носителями вируса и время, проведённое в районе, охваченном вспышкой болезни [Hu 2020]. Подробности того, как система классифицирует людей, остаются неясными [Mozur, Zhong, Krolik 2020]. Сегодня главный вопрос заключается в том, как «Код здоровья» будет соотноситься с Китайской системой социального кредитования (КССК), которая сейчас внедряется в различных вариантах по всей стране и включает те же самые онлайн-платёжные системы, которые производят QR-коды здоровья для мониторинга COVID-19⁴¹. В перспективе КССК предназначена для измерения не только чьей-либо кредитоспособности, но и множества векторов деятельности во многих различных областях, где человек может быть признан достойным. Но система измерения коррелятов достоинства также может быть системой измерения рискованности⁴².

³⁹ См.: [How Big Data is Dividing the Public... 2020].

⁴⁰ См. о проблемах конфиденциальности, связанных с тем, что персональные данные из «Кода здоровья» передаются правоохранительным органам: [Mozur, Zhong, Krolik 2020]. Также приложение Alipay «позволяет пользователям проверять коды здоровья других людей, вводя их идентификационные номера» [Hu 2020]. Аналогичным образом «детектор тесного контакта», используемый в Китае, позволяет пользователям запрашивать до трёх идентификационных номеров (см.: «South China Morning Post» от 12 февраля 2020 г.).

⁴¹ На самом деле эта система даже не является (или пока еще не является) системой, а представляет собой множество экспериментов с участием 30 национальных министерств, сотен местных и региональных правительств, многочисленных программ обмена велосипедами и поиска попутчиков, фирм электронной коммерции и других организаций, включая конкурирующие компании по онлайн-платежам (см. подробнее: [Bach 2020a; 2020b]).

⁴² См. об этом мой разговор с Джонатаном Бахом (<http://blogs.cim.warwick.ac.uk/diversityandperformance/special-testing/>), автором нескольких исследований об КССК [Bach 2020a; 2020b].

Система, которая объединила «Код здоровья», Китайскую систему социального кредитования и «обнаружение близких контактов» (так в Китае называют цифровое отслеживание контактов), будет способна не только группировать людей по категориям «заражённые» и «обладающие иммунитетом», но и производить оценку *переменной степени риска*⁴³, которую можно было бы использовать для мониторинга передвижения, занятости и т. п. Это не тест (*test*), который выделяется как дискретный момент в специально созданной обстановке, а контроль (*testing*) — повсеместный и непрерывный [Marres, Stark 2020: 433–437]. Что ещё важнее, он будет основан на другом режиме тестирования — на алгоритмическом прогнозировании⁴⁴.

С помощью перманентного контроля, использующего результаты анализов, которые определяют, инфицированы ли вы (и, следовательно, подвергаете ли окружающих риску), или результаты цифрового отслеживания контактов, оценивающие, контактировали ли вы с инфицированными людьми, делаются попытки измерить, демонстрируете ли вы рискованное поведение, а также общаетесь ли вы с другими людьми, которые ведут себя рискованно (и, следовательно, представляют большую опасность для окружающих, будучи бессимптомными носителями инфекции). Но алгоритмическое прогнозирование не должно останавливаться на этом, а в некоторых случаях и не делает так. Обладаете ли вы чертами характера, позволяющими предсказать рискованное поведение? А затем следующий шаг: демонстрируете ли вы поведение, коррелирующее с личностными качествами, которые позволяют предсказать рискованное поведение?

В ходе непрерывного тестирования, характерного для алгоритмического прогнозирования, испытуемый находится в состоянии, которое сочетает незнание и осведомлённость о том, что его проверяют. Т. Бухер описывает это состояние как «алгоритмическое воображаемое» [Bucher 2017]. Такое тестирование уже разрабатывается для составления профилей рисков в страховой отрасли⁴⁵. Особенно поучителен случай с британской страховой компанией Admiral. В ноябре 2016 г. появилась новость о том, что Admiral использует данные из аккаунтов в социальных сетях для оценки стоимости водительской страховки для начинающих автовладельцев. Алгоритм Admiral задействует данные из социальных сетей для оценки личности, а затем на основе корреляции между поведением в социальных сетях и фактическими данными о претензиях анализирует риск страхования водителя. Эта история была связана с проектом компании «firstcarquote» («Первая машина»), который анализировал привычки пользователей в публикациях и лайках в Facebook [Ruddick 2016a]. Те, кто пишет короткими предложениями, используют списки и договариваются о встрече с друзьями на конкретное время и в определённом месте, а не «сегодня вечером», считались сознательными и безопасными водителями. Напротив, более безрассудные и самоуверенные водители проявляются в использовании таких фраз, как «никогда» или «всегда», а не «может быть», и в чрезмерном использовании восклицательных знаков [!!!] в своих сообщениях в социальных сетях [Ruddick 2016a; Wu 2020].

⁴³ Идея объединения трех программ, которые уже работают (или находятся в стадии перспективной разработки), совсем не фантастика, поскольку в Китае нет эффективных ограничений на подобный обмен данными.

⁴⁴ См. об алгоритмическом прогнозировании, в частности: [Esposito 2019]. Э. Сигел прекрасно описывает разницу между, с одной стороны, статистическим прогнозированием и, с другой, прогнозной аналитикой (ПА) с использованием машинного обучения на больших данных: «В то время как статистическое прогнозирование оценивает общее количество рожков мороженого, которые будут куплены в следующем месяце в Небраске, ПА сообщает вам, *каких жителей Небраски чаще всего можно будет увидеть с рожком в руке*» [Siegel 2016: 56]. В области выборов сдвиг происходит от опросов, которые статистически прогнозируют долю вероятных избирателей с определёнными мнениями, к алгоритмическому предсказанию того, какие *конкретные избиратели* проголосуют за кандидата на выборах (см. раннюю оценку таких разработок: [Nielsen 2012]).

⁴⁵ См. о переходе от актуарных моделей, опирающихся на статистический расчёт совокупного риска, к индивидуальным профилям рисков, основанным на моделях машинного обучения прогнозной аналитике в страховой отрасли: [Cevolini, Esposito 2020].

Когда это событие разразилось, Facebook отключил проект [Ruddick 2016b]. Но Admiral продолжает работать с VisualDNA — фирмой, которая использует алгоритмическое прогнозирование для оценки личности по поведению в сети [Fisher 2017]. Мы не можем знать, делают ли Alipay или WeChat алгоритмическое прогнозирование с использованием анализа больших данных привычек социальных сетей при оценке рисков для общественного здравоохранения, но у них нет необходимости в сотрудничестве с Facebook или другими поставщиками, поскольку эти данные (и многое другое) уже находятся в их системах.

IV. Тесты и подотчётность: кто или что выдерживает испытание?

В октябре 2016 г. для Национальной службы здравоохранения Великобритании (НСЗ) проводилось трёхдневное моделирование с участием представителей правительства и органов здравоохранения на национальном, региональном и местном уровнях. Стресс-тест под кодовым названием «Exercise Cygnus» был разработан для проверки готовности больниц и системы здравоохранения к пандемии в связи с быстрым распространением смертельно опасного вируса, который вызывает острые респираторные заболевания⁴⁶. Это мероприятие было упомянуто в официальном отчёте [Swindells 2017], представленном на заседании Правления НСЗ Англии в марте 2017 г., а также на заседании работающей с правительством Консультативной группы по новым и возникающим угрозам респираторных вирусов (Nervtag) в июне 2017 г. [Doward 2020a]. Результаты стресс-теста были похоронены: о них почти ничего не было известно, пока в разгар пандемии коронавируса журналисты не обнародовали историю о том, что стресс-тест показал: британские больницы и службы оказания медицинской помощи будут быстро перегружены из-за серьёзной вирусной вспышки в силу нехватки средств индивидуальной защиты, койко-мест в отделениях интенсивной терапии и недостаточной вместимости моргов [Doward 2020a; Gardner, Nuki 2020; Nuki 2020].

Стресс-тест «Exercise Cygnus» выявил, что система здравоохранения Великобритании не подготовлена к пандемии. Однако с точки зрения социологии тестирования вопрос заключается не в результатах проверки, а в том, что стало её результатом: при рассмотрении последствий теста, помимо вопросов, которые он разрешил, мы должны особенно внимательно относиться к новым конфликтам, им порождаемым [Marres, Stark 2020]. Если в разделе II мы рассматривали такой аспект тестирования, как обозначение (тестирование и *репрезентация*), а в разделе III анализировали, что выделяется из теста (тестирование и *отбор*), здесь, в разделе IV, нас интересует, кто или что выдерживает испытание, чтобы решить проблему тестирования и *подотчётности*.

Стресс-тесты — хороший способ начать обсуждение подотчётности. На первый взгляд может показаться, что стресс-тест как симуляция разительно отличается от испытания в момент кризиса. Как прокси, стресс-тест что-то означает, но не стоит путать его с реальностью. По крайней мере, это не то же, что «испытывать» стресс в реальном времени («проверку боем», как говорится). Испытание реальностью — это очень серьёзно. Однако, как мы увидим, сравнение становится более интересным, когда, вместо того чтобы начинать с разницы между прокси и «настоящей вещью», мы смотрим на различие между результатами теста и тем, что следует из теста.

Понимание различия начинается с совершенно очевидного наблюдения, что организация может провалить стресс-тест, но впоследствии пройти «итоговую проверку» (*ultimate test*), преодолевая реальную катастрофу. Так бывает, например, потому что организация извлекла уроки из недостатков, выявленных в ходе стресс-теста. В то же время организация может пройти стресс-тест и потерпеть неудачу в настоящем кризисе: это не исключено, потому что репетиция, тренировка, стресс-тест не моделирова-

⁴⁶ См. также отчёт об учениях, моделирующих вспышку смертельной оспы, которые проводились в Соединённых Штатах в июне 2001 г. под кодовым названием «Dark Winter» [Lakoff 2017].

ли или не провоцировали условия, тяжёлые настолько, чтобы выявить слабые места. В этом последнем случае результатом теста является самоуспокоенность; в первом — возможность для рефлексии и руководство к действию.

Может показаться, что тестирование в реальном мире — совсем другое дело. Провал прокси (замещающего лица) даёт шанс учиться *руководителю*, а провал теста в реальном мире *позволяет научиться публике*, которая делает свои выводы. Это было бы идеально⁴⁷, но подотчётность не так проста. Разница между тем, кто учится, верна, но это не решает проблему отсутствия автоматической и прямой передачи между результатами и последствиями теста. Как для стресс-теста, так и для испытания подотчётности важны именно последствия.

Давайте вернёмся к стресс-тесту Национальной службы здравоохранения Великобритании. В этом случае проблема начинается уже с того, что сами его результаты остались засекреченными. Почему консервативное правительство Терезы Мэй решило не обнародовать данные «Exercise Cygnus»? «The Sunday Telegraph», газета, известная своими симпатиями политике тори, цитирует бывшего высокопоставленного правительственного чиновника, который принимал непосредственное участие в учениях: «Мы не хотели делать “Cygnus” общественным достоянием, потому что, откровенно говоря, это напугало бы людей» [Nuki 2020]. Отдавая дань справедливости правительству, можно понять, что «провал» стресс-теста трудно объяснить общественности. По сути, можно утверждать, что стресс-тест, который не привёл к разрушению системы здравоохранения, был неадекватным, поскольку не включал в свои симуляции достаточно экстремальных условий. Иначе говоря, стресс-тест может *провалиться как проверка системы на устойчивость*, потому что не спровоцировал достаточного количества ошибок.

Финансовые стресс-тесты банков, как утверждает Натан Кумбс, служат двум целям [Coombs 2020]. Первая состоит в выявлении слабых мест в структуре активов и пассивов банка для внесения исправлений, которые обеспечат защиту вкладчиков и кредиторов, а также стабильность финансовой системы. Вторая цель заключается в том, чтобы убедить общественность в надёжности конкретного банка и (или) банковской системы, тем самым снизится риск массового изъятия вкладов тогда, когда банк или банковская система в целом находится в состоянии стресса⁴⁸. Как показывает Кумбс, эти функции обучения и легитимации не обязательно должны противоречить друг другу, но они требуют настоящего мастерства как в обучении общественности, так и в управлении эффективностью работы [Coombs 2020].

Доклад, представленный правлению НСЗ Англии в марте 2017 г., свидетельствует о том, что правительство отдало предпочтение легитимации. Документ ссылается на стресс-тест «Cygnus», не упоминая о каких-либо результатах, не отмечая изменений и не делая конкретных предложений. В «Заключении и рекомендациях совету директоров» авторы доклада призывают «получить гарантии того, что НСЗ Англии и медицинские учреждения на местах готовы реагировать на чрезвычайную ситуа-

⁴⁷ Или, словами йоги Берры: «Если бы мир был совершенен, его бы не было».

⁴⁸ В своём прекрасном исследовании стресс-тестов атомных электростанций после катастрофы на Фукусиме Б. Сарак-Лесавр и Б. Лоран показывают, что в этом процессе ведущая роль досталась функции успокоения общественности [Sarac-Lesavre, Laurent 2019]. Стресс-тесты проходили 145 атомных электростанций Европы. Все прошли. Поначалу казалось, что фукусимский кризис создал возможность для нового подхода к регулированию, но тесты анализировались не независимыми экспертами (как того требовали ведущие неправительственные организации сектора), а национальными регулирующими органами. Несмотря на то что банковское регулирование после финансового кризиса 2008 г. усилило позиции наднациональных регуляторов Европейского союза (ЕС), создав «европейский взгляд», который сделал банки сопоставимыми друг с другом, отказ ЕС от ранжирования стран и логика «непрерывного совершенствования» означали рестабиллизацию, то есть дальнейшее укрепление национальных нормативных баз и неспособность к развитию межсекторального потенциала (например, европейских сил быстрого реагирования) в управлении кризисами.

цию и обладают устойчивостью, необходимой для бесперебойного оказания пациентам безопасного обслуживания» [Swindells 2017: 6]. Почему сегодня правительство Бориса Джонсона не раскрывает результаты проверки? Конечно, уже не вопрос, прошла ли НСЗ стресс-тест «Cygnus» в 2016 г. или нет. Вопрос заключается в том, исправило ли правительство Джонсона выявленные в ходе этого испытания недостатки, планируя готовность к чрезвычайным ситуациям, связанным с пандемиями, и как его политика учитывала эти данные после получения предупреждения о коронавирусе. Правительственные чиновники отказываются обсуждать «Cygnus», но призывы к открытому расследованию и иск врача службы⁴⁹, поданный от имени тысяч медицинских работников, наверняка не будут способствовать отказу общественности от данных вопросов.

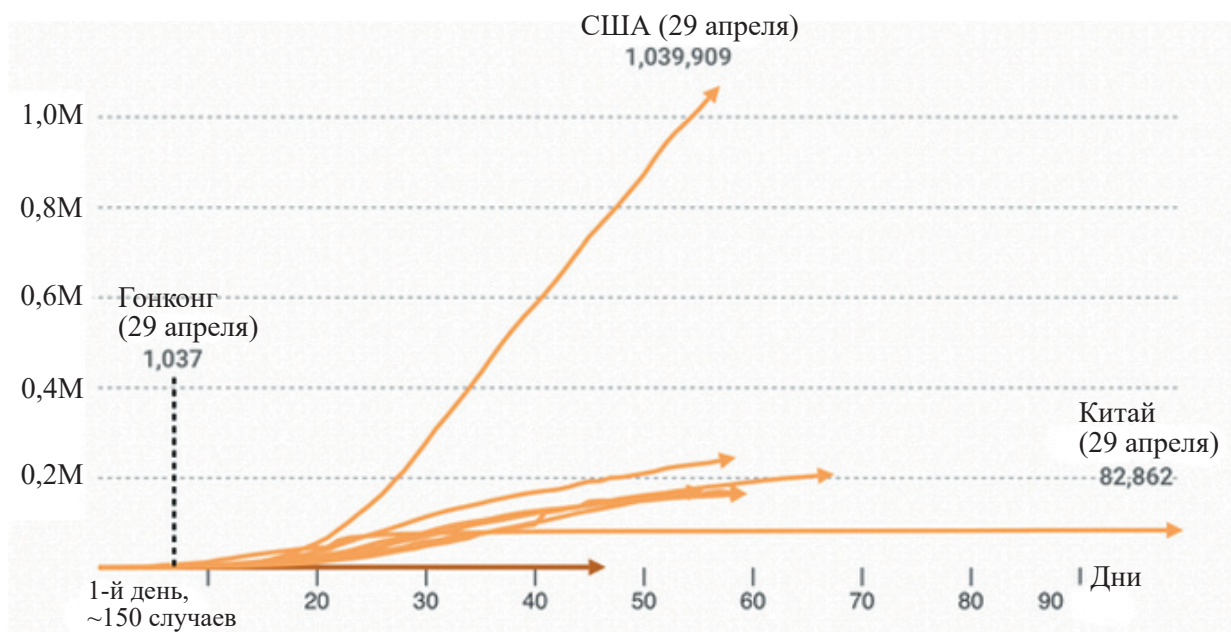
Как я уже упоминал в первых абзацах этого эссе, в последние месяцы мы много слышали о сообществах, организациях, лидерах и даже о целых нациях, испытывающих своего рода стресс-тест. С одной стороны, такое использование термина небрежно: стресс-тест — очень специфический вид проверки. Как симуляция (или имитация) это своего рода прогноз, сконструированный, чтобы выявить слабости и предотвратить предсказанное⁵⁰. Конечно, иногда понятие используется правильно: например, то, как лидер реагирует на небольшой кризис, можно рассматривать как прокси (прогноз через проекцию) его поведения в серьёзном кризисе в будущем. Однако неточность употребления ясна, потому что нередко возникает ощущение, что этот термин не следует понимать так буквально, и на самом деле он имеет совершенно другой референт, означая, что кто-то или что-то были испытаны под давлением обстоятельств. Именно о таком тесте человек думает, когда использует или слышит выражения вроде «проверено» или «испытано». В то время как неудача в стресс-тесте предварительна (потому что на самом деле важно, извлекаете ли вы из неё уроки), провал или сдача в случае «окончательной» проверки являются решающими, итоговыми (*end of story*). Ничего общего с пробой, примеркой или обкаткой: больше похоже на суд, выносящий приговор.

Но действительно ли подотчётность похожа на суд? Возможно, нам этого хотелось бы, но испытание как предмет общественной оценки, несмотря на все отличия, обладает некоторыми сходствами со стресс-тестом. Его можно пройти или провалить, но, по-прежнему, важны последствия.

В случае пандемии COVID-19 кто или что подвергается проверке? И по каким показателям? График, представленный в недавнем выпуске популярной гонконгской газеты «South China Morning Post», принадлежащей Alibaba Group, предлагает одну проверку. Интерактивный график приглашает онлайн-читателя провести прямые сравнения между странами. Сравнение, заданное графиком и представленное здесь на рисунке 1, показывает кумулятивные случаи коронавируса в Гонконге, Китае и США и чётко отображает различия даже без данных на душу населения, в которых разница могла бы казаться ещё большей. График почти не нуждается в комментариях: по количеству случаев заболевания или количеству смертей, абсолютному или на душу населения, Соединённые Штаты, если сравнивать их с Китаем, не выдержали испытания.

⁴⁹ См.: [Exercise Cygnus... 2020; If Ministers Fail... 2020].

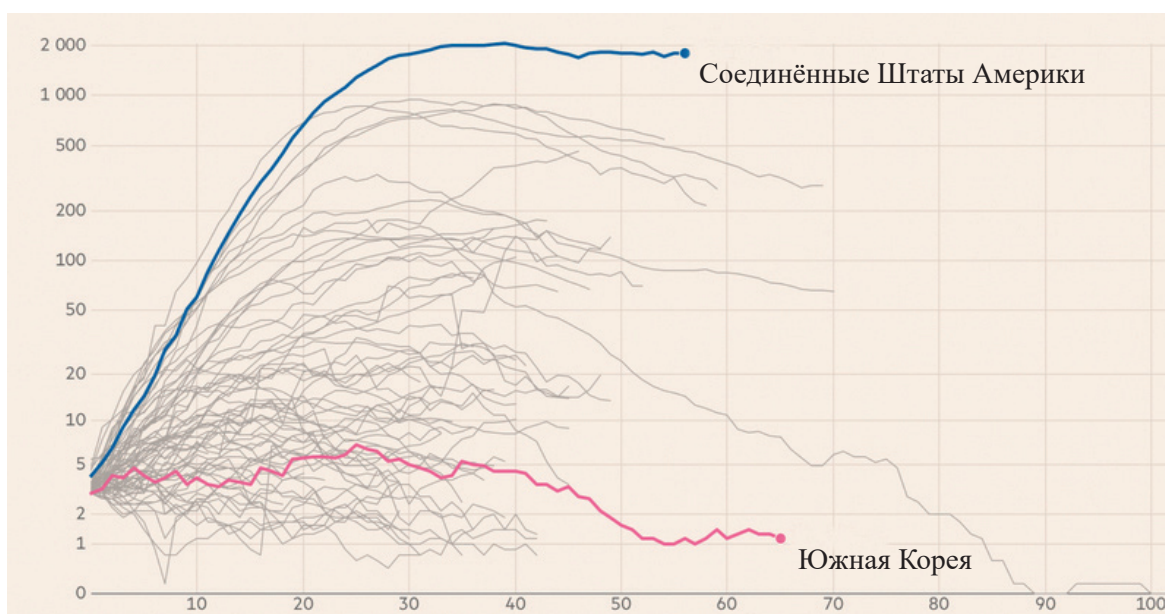
⁵⁰ Стресс-тест — это очень интересное диагностическое исследование. Подобно медицинской диагностике, его можно рассматривать как проверку благополучия (устойчивости) организации или объекта, которые проверяются. Однако во многом это проекция, моделирующая будущее в попытке выявить проблемы в настоящем. Разумеется, отличие стресс-теста от диагностики состоит в том, что, хотя результаты теста определенно имеют значение, наиболее важны его последствия.

Источники: Центр системных наук и инжиниринга Университета Джона Хопкинса и газета «South China Morning Post» (2020. 30 апреля).

Рис. 1. Общее число случаев коронавируса. Траектория Гонконга в сравнении с наиболее затронутыми странами

Возможно, вы сомневаетесь в цифрах из Китая? В таком случае газета «The Financial Times» позволит вам провести сравнение практически с любой страной мира. Вы можете начать, сопоставив Соединённые Штаты с восточноазиатской демократией: в США почти в 2000 раз больше новых смертей, чем в Южной Корее (в 49 раз больше смертей на душу населения). Чтобы увидеть поразительные различия подобного масштаба ближе к дому, сравните показатели смертности от COVID-19 в штате Нью-Йорк и штате Вашингтон или в Нью-Йорке и Сан-Франциско.

Источник: The Financial Times. 2020. 9 May.

Рис. 2. Новые случаи предполагаемой смерти от COVID-19 В Соединённых Штатах и Южной Корее (семидневный скользящий средний показатель новых смертей)

Но почему подсчёты количества заболеваний или смертей должны быть показателями в подотчётности? Можно не пройти тест на количество смертей, но всё равно сохранить лицо в глазах общественности, если она обратит внимание на другие факторы (такие как эффективность мобилизации ресурсов, когда кризис стал очевидным, или выражение сочувствия пострадавшему городу или штату). Если вы ещё не подумали о губернаторе Куомо, вспомните, что он предлагает в качестве показателя не количество смертей, а число спасённых жизней. Это напоминает нам, что модели, которые сами по себе — разновидность стресс-тестов, являются неотъемлемой частью проверяемой реальности и могут фигурировать не только в подсчётах, но и в отчётности (*not merely as counts but also in accountings*)⁵¹.

Найдутся и те, кто будет утверждать, что настоящее испытание — это заставить экономику снова зарабатывать, указывая не на количество смертей, а на количество рабочих мест и ВВП. На это откликаются экономисты (часто пишущие вместе с эпидемиологами), которые говорят, что общественное здоровье и национальное богатство не находятся в согласии [Barbera, Dowdy, Papageorge 2020], а также реагируют всевозможные дискуссии, относящиеся к анализу эффективности затрат и способам измерения ценности человеческой жизни [Greenstone, Nigam 2020].

Будут настаивать и на том, что нации и лидеры могут пройти испытание на сокращение количества человеческих жертв, а также — на минимизацию глубины экономического спада, но они провалят настоящую проверку, если это произойдёт за счёт ограничения свобод. Тогда возникает вопрос: каких именно свобод? Это беспокойство либералов о слежке, конфиденциальности и о 4-й поправке к Конституции или опасения, связанные со свободой религии, собраний и контроля над своим телом, которые вызвали недавние демонстрации служащих мегацерквей, вооружённых защитников 2-й поправки и активистов, выступающих против вакцинации?

Таким образом, переход от подсчётов к подотчётности не так прост. Между ними стоит большой вопрос: что имеет значение? (*what counts?*) [Stark 2020]. Когда в игре задействовано много ценностей и принципов, человек или учреждение, подвергающиеся испытанию, будут оцениваться как прошедшие одну проверку, но могут быть признаны провалившими другую. Проблема кризиса заключается в том, что это экстремальная ситуация, которая выделяется и требует проверки. Но, в отличие от личных ситуаций, в которых структура установок делает более вероятным, что для формирования отчётности и вынесения приговора будет применяться какой-то — определённый — принцип оценки [Boltanski, Thevenot 1999], суд общественного мнения вовсе не является судом.

Недавний опыт Соединённых Штатов (напомню, что процедура импичмента Дональда Трампа была буквально «судебным разбирательством») заставляет задуматься о том, являются ли судебные процессы и официальные расследования лучшим местом для привлечения государственных чиновников к ответственности. Для Трампа имеет значение только одно: большинство голосов в Коллегии выборщиков. В этом случае показательно сравнение с Ангелой Меркель. Несмотря на то что единственная проверка, которую прошёл Дональд Трамп — проваленное испытание (импичмент), он всё ещё может быть переизбран президентом Соединённых Штатов. Ангела Меркель, более эффективно справляясь с кризисом, не смогла контролировать свою Консервативную партию и, скорее всего, не останется на посту канцлера Федеративной Республики Германия.

Является ли подотчётность недостижимой? Если наши лидеры и наши организации иногда не выдерживают испытания и при этом избегают ответственности, будем ли мы отчаиваться и прекращать попытки? Проблема стресс-тестов и тестов в условиях стресса заключается в том, что все подсчёты и отчёты затрудняют подотчётность, если существует так много разных ответов на вопрос «Что имеет

⁵¹ См. о подсчётах и отчётности в экономической жизни: [Stark 2011]; о показателях эффективности в социальной жизни см. моё вступительное эссе к сборнику под моей редакцией, который готовится к печати: [Stark 2020].

значение?». Но это не поражение. Это не слабость, а, по сути, сила наших обществ⁵². Опасность, особенно во времена кризиса, заключается в использовании одного критерия, единого принципа, общей и единственной организационной ценности, будь это логика рынка, политики, религии или чего-то ещё. Кризис подвергает испытанию фундаментальную ценность либеральных демократий, которая состоит в том, что не должно быть единственного критерия подотчётности.

Литература

- Adams J. 2020. What are COVID-19 Models Modeling? *The Society Pages*. April 8. URL: <https://thesocietypages.org/specials/what-are-covid-19-models-modeling/>
- Ali M., Ali H. Y. 2015. *The Soul of a Butterfly: Reflections on Life's Journey*. New York: Random House.
- Bach J. 2020a. The Red and the Black: China's Social Credit Experiment as a Total Test Environment. *British Journal of Sociology*. 71 (3): 489–502.
- Bach J. 2020b (Forthcoming). Merit, Morality, and Market: The Chinese Social Credit Experiment. In: Stark D. (ed.) *The Performance Complex: Competition and Competitions in Social Life*. Oxford: Oxford University Press.
- Barbera R. J., Dowdy D. W., Papageorge N. W. 2020. *Economists and Epidemiologists, Not at Odds, but in Agreement: We Need a Broad Based COVID-19 Testing Survey*. Johns Hopkins University, Coronavirus Resource Center. URL: <https://coronavirus.jhu.edu/from-our-experts/economists-and-epidemiologists-not-at-odds-but-in-agreement-we-need-a-broad-based-covid-19-testing-survey>
- Bennhold K., Eddy M. 2020. Merkel Gives Germans a Hard Truth About the Coronavirus. *The New York Times*. March 11. URL: <https://www.nytimes.com/2020/03/11/world/europe/coronavirus-merkel-germany.html>
- Boltanski L., Thévenot L. 1999. The Sociology of Critical Capacity. *European Journal of Social Theory*. 2 (3): 359–377.
- Boltanski L., Thévenot L. 2006. *On Justification*. Princeton: Princeton University Press. (First published in 1991, Paris: Gallimard).
- Bucher T. 2017. The Algorithmic Imaginary: Exploring the Ordinary Affects of Facebook Algorithms. *Information, Communication & Society*. 20 (1): 30–44.
- Bui Q. et al. 2020. What 5 Coronavirus Models Say the Next Month will Look Like. *The New York Times*. April 22. URL: <https://www.nytimes.com/interactive/2020/04/22/upshot/coronavirus-models.html>
- Callon M. 1986a. The Sociology of an Actor-Network: The Case of the Electric Vehicle. In: Callon M., Law J., Rip A. (eds) *Mapping the Dynamics of Science and Technology*. London: Palgrave Macmillan; 19–34.
- Callon M. 1986b. Some Elements of a Sociology of Translation: Domestication of the Scallops and the Fishermen of St. Brieuc Bay. In: Law J. (ed.) *Power, Action, and Belief: A New Sociology of Knowledge?* Boston: Routledge & Kegan Paul; 196–233.

⁵² См. о гетерархии принципов оценивания в общественной жизни: [Stark 2011: 204–212].

- Callon M., Latour B. 1981. Unscrewing the Big Leviathan: How Actors Macro-Structure Reality and How Sociologists Help Them to Do So. In: Knorr-Cetina K., Cicourel A. V. (eds) *Advances in Social Theory and Methodology: Toward an Integration of Micro- and Macro-Sociologies*. Boston: Routledge & Kegan Paul; 227–303.
- Canca C. 2020. Why “Mandatory Privacy-Preserving Digital Contact Tracing” is the Ethical Measure against Covid-19. *Medium*, April 10. URL: <https://medium.com/@cansucanca/why-mandatory-privacy-preserving-digital-contact-tracing-is-the-ethical-measure-against-covid-19-a0d143b7c3b6>
- Carson J. 2007. *The Measure of Merit: Talents, Intelligence, and Inequality in the French and American Republics, 1750–1940*. Princeton: Princeton University Press.
- Cevolini A., Esposito E. 2020. From Pool to Profile: Social Consequences of Algorithmic Prediction in Insurance. *Big Data & Society*. July–December: 1–11.
- Chazan G., Mancini D. 2020. Germany to Run Europe’s First Large-scale Antibody Test Programme. *Financial Times*. April 9. URL: <https://www.ft.com/content/fe211ec7-0ed4-4d36-9d83-14b639efb3ad>
- Cookson C. 2020. UK Coronavirus Study to Test 300,000 People for Infection and Immunity. *Financial Times*. April 23. URL: <https://www.ft.com/content/b71adf22-33d1-47e7-8dd8-c808cb710690>
- Coombs N. 2020. What Do Stress Tests Test? Experimentation, Demonstration, and the Sociotechnical Performance of Regulatory Science. *British Journal of Sociology*. 71 (3): 520–536.
- Cooper P. 2018. What Predicts College Completion? High School GPA Beats SAT Score. *Forbes*. June 11. URL: <https://www.forbes.com/sites/prestoncooper2/2018/06/11/what-predicts-college-completion-high-school-gpa-beats-sat-score/#7f122d624b09>
- Dodier N., Barbot J. 2016. The Force of Dispositifs. *Annales. Histoire, Sciences Sociales*. 71 (2): 421–450 (in English).
- Downer J. 2007. When the Chick Hits the Fan: Representativeness and Reproducibility in Technological Tests. *Social Studies of Science*. 37 (1): 7–26.
- Doward J. 2020a. Government Under Fire for Failing to Act on Pandemic Recommendations. *The Guardian*. April 19. URL: <https://www.theguardian.com/world/2020/apr/19/government-under-fire-failing-pandemic-recommendations>
- Doward J. 2020b. If Ministers Fail to Reveal 2016 Flu Study They ‘Will Face Court.’ *The Guardian*. April 26. URL: <https://www.theguardian.com/uk-news/2020/apr/26/doctor-sue-results-operation-cygnus>
- Esposito E. 2013a. The Structures of Uncertainty: Performativity and Unpredictability in Economic Operations. *Economy and Society*. 42 (1): 102–129.
- Esposito E. 2013b. Economic Circularities and Second-order Observation: The Reality of Ratings. *Sociologica*. 7 (2): 1–10.
- Esposito E. 2019. *The Future of Prediction. From Statistical Uncertainty to Algorithmic Forecast*. Manuscript. Bielefeld University.

- European Commission. eHealth Network. 2020. *Mobile Applications to Support Contact Tracing the EU's Fight Against COVID-19: Common EU Toolbox for Member States*. URL: https://ec.europa.eu/health/ehealth/key_documents_en
- Exercise Cygnus and How Failing NHS Foreshadowed Covid-19 Reaction. 2020. *The National*. March 31.
- Ferguson N. M. et al. 2020. Impact of Non-pharmaceutical Interventions (NPIs) to Reduce COVID-19 mortality and healthcare Demand. *Imperial College COVID-19 Response Team*. London. March 16. URL: <https://www.imperial.ac.uk/media/imperial-college/medicine/sph/ide/gida-fellowships/Imperial-College-COVID19-NPI-modelling-16-03-2020.pdf>
- Fisher T. 2017. Social Media Intelligence and Profiling in the Insurance Industry. *Medium*. April 24. URL: <https://medium.com/privacy-international/social-media-intelligence-and-profiling-in-the-insurance-industry-4958fd11f86f>
- Formilan G., Stark D. 2020. Underground Testing: Name-altering Practices as Probes in Electronic Music. *British Journal of Sociology*. 71 (3): 572–589.
- Foucault M. 1995. *Discipline and Punish: The Birth of the Prison*. New York: Vintage.
- Foucault M. 2007. *Security, Territory, Population: Lectures at the Collège de France, 1977–1978*. New York: Springer.
- Fourcade M. 2019. Ordinal Citizenship. Lecture at the London School of Economics. *Department of Sociology and British Journal of Sociology*. October 25.
- Fourcade M., Healy K. 2013. Classification Situations: Life-Chances in the Neoliberal Era. *Accounting, Organizations and Society*. 38 (8): 559–572.
- Ganyani T. et al. 2020. Estimating the Generation Interval for COVID-19 Based on Symptom Onset Data. *medRxiv*. March 8.
- Gardner B., Nuki P. 2020. England's Deputy Chief Medical Officer 'JVT' Warned Ministers about PPE Three Years Ago. *The Telegraph*. April 26. URL: <https://www.telegraph.co.uk/news/2020/04/26/englands-deputy-chief-medical-officer-warned-ministers-britain/>
- Giamio C. 2020. The Spiky Blob Seen Around the World. *The New York Times*. April 1. URL: <https://www.nytimes.com/2020/04/01/health/coronavirus-illustration-cdc.html>
- Gieryn T. F. 2006. City as Truth-Spot: Laboratories and Field-Sites in Urban Studies. *Social Studies of Science*. 36 (1): 5–38.
- Greenstone M., Nigam V. 2020. Does Social Distancing Matter? *University of Chicago, Becker Friedman Institute for Economics Working Paper*. 2020-6. URL: https://papers.ssrn.com/sol3/papers.cfm?abstract_id=3561244
- Gruener D. 2020. Immunity Certificates: If We Must Have Them, We Must Do It Right. Edmond J. Safra Center for Ethics. Harvard University. *White Paper*. 8 (April 20). URL: <https://ethics.harvard.edu/files/center-for-ethics/files/12immunitycertificates.pdf>

- Hart V. et al. 2020. Outpacing the Virus: Digital Response to Containing the Spread of COVID-19 While Mitigating Privacy Risks. Edmond J. Safra Center for Ethics. Harvard University. *White Paper*. 5 (April 3). URL: <https://ethics.harvard.edu/outpacing-virus>
- Horowitz J. 2020. In Italy, Going Back to Work May Depend on Having the Right Antibodies. *The New York Times*. April 4. URL: <https://www.nytimes.com/2020/04/04/world/europe/italy-coronavirus-antibodies.html>
- How Big Data is Dividing the Public in China's Coronavirus Fight – Green, Yellow Red, 2020. *South China Morning Post*. February 22. URL: <https://www.scmp.com/news/china/society/article/3051907/green-yellow-red-how-big-data-dividing-public-chinas-coronavirus>.
- Hu M. 2020. Beijing Rolls out Colour-Coded QR System for Coronavirus Tracking Despite Concerns Over Privacy, Inaccurate Ratings. *South China Morning Post*. March 2. URL: <https://www.scmp.com/print/tech/apps-social/article/3064574/beijing-rolls-out-colour-coded-qr-system-coronavirus-tracking>
- If Ministers Fail to Reveal 2016 Flu Study They 'will face court'. 2020. *The Guardian*. April 26.
- Jacobs A. 2020. F. D. A. Approves First Antigen Test for Detecting the Coronavirus. *The New York Times*. May 9. URL: <https://www.nytimes.com/2020/05/09/health/antigen-testing-fda-coronavirus.html>
- Kissler S. M. et al. 2020. Projecting the Transmission Dynamics of SARS-CoV-2 through the Postpandemic Period. *Science*. April 14. URL: <https://science.sciencemag.org/content/early/2020/04/24/science.abb5793>
- La fase 2 di Maranello 'È come un Gran Premio'. *La Repubblica*. 2020. May 5.
- Lakoff A. 2015. Real-time Biopolitics: the Actuary and the Sentinel in Global Public Health. *Economy and Society*. 44 (1): 40–59.
- Lakoff A. 2017. *Unprepared: Global Health in a Time of Emergency*. Oakland: University of California Press.
- Latour B. 1988. *The Pasteurization of France*. Cambridge: Harvard University Press.
- Latour B. 1999. *Pandora's Hope: Essays on the Reality of Science Studies*. Cambridge: Harvard University Press.
- Latour B. 2004. *Politics of Nature: How to Bring the Sciences into Democracy*. Cambridge: Harvard University Press.
- Laurencin C. T., McClinton A. 2020. The COVID-19 Pandemic: a Call to Action to Identify and Address Racial and Ethnic Disparities. *Journal of Racial and Ethnic Health Disparities*. April 18. URL: <https://doi.org/10.1007/s40615-020-00756-0>
- Li Q. et al. 2020. Early Transmission Dynamics in Wuhan, China, of Novel Coronavirus-Infected Pneumonia. *New England Journal of Medicine*. January 29.

- Lomas N. 2020a. EU Lawmakers Set out Guidance for Coronavirus Contacts Tracing Apps. *Techcrunch*. April 16. URL: <https://techcrunch.com/2020/04/16/eu-lawmakers-set-out-guidance-for-coronavirus-contacts-tracing-apps/>
- Lomas N. 2020b. Germany's COVID-19 Contacts Tracing App to Link to Lab for Test Result Notification. *Techcrunch*. April 23. URL: <https://techcrunch.com/2020/04/23/germanys-covid-19-contacts-tracing-app-to-link-to-labs-for-test-result-notification/>
- MacKenzie D. 1989. From Kwajalein to Armageddon? Testing and the Social Construction of Missile Accuracy. In: Gooding D., Pinch T., Schaffer S. (eds) *The Uses of Experiment: Studies in the Natural Sciences*. Cambridge: Cambridge University Press; 409–436.
- MacKenzie D. A. 2006. *An Engine, Not a Camera: How Financial Models Shape Markets*. Cambridge: MIT Press.
- Markortoff K. 2020. Workers without Degrees Hardest Hit by Covid-19 Crisis-Study. *The Guardian*. April 20. URL: <https://www.theguardian.com/business/2020/apr/20/uk-workers-without-degrees-face-deeper-job-insecurity-amid-coronavirus-pandemic>
- Marres N., Stark D. 2020. Put to the Test: For a New Sociology of Testing. *British Journal of Sociology*. 71 (3): 423–443.
- Mattern Sh. 2020. Andrew Cuomo's COVID-19 Briefings Draw on the Persuasive Authority of PowerPoint. *Artnews.com*. April 13. URL: <https://www.artnews.com/art-in-america/features/andrew-cuomo-covid-briefings-powerpoint-slideshow-authority-1202683735/>
- Mozur P., Zhong R., Krolik A. 2020. In Coronavirus Fight, China Gives Citizens a Color Code, with Red Flags. *The New York Times*. March 1. URL: <https://www.nytimes.com/2020/03/01/business/china-coronavirus-surveillance.html?searchResultPosition=2>
- Muniesa F., Linhardt D. 2011. Trials of Explicitness in the Implementation of Public Management Reform. *Critical Perspectives on Accounting*. 22 (6): 550–566.
- Navon D., Eyal G. 2016. Looping Genomes: Diagnostic Change and the Genetic Makeup of the Autism Population. *American Journal of Sociology*. 121 (5): 1416–1471.
- Neff G., Stark D. 2004. Permanently Beta: Responsive Organization in the Internet Era. In: Howard P. N., Jones S. (eds) *Society Online: The Internet in Context*. Thousand Oaks: SAGE; 173–188.
- Nelkin D., Tancredi L. 1989. *Dangerous Diagnostics: The Social Power of Biological Information*. New York: Basic Books.
- Nielsen R. K. 2012. *Ground Wars: Personalized Communication in Political Campaigns*. Princeton: Princeton University Press.
- Nuki P. 2020. Exercise Gygnus Uncovered: the Pandemic Warnings Buried by the Government. *The Sunday Telegraph*. March 28. URL: <https://www.telegraph.co.uk/news/2020/03/28/exercise-cygnus-uncovered-pandemic-warnings-buried-government/>

- Ozgode O. 2015. *Governing the Economy at the Limits of Neoliberalism: The Genealogy of Systemic Risk Regulation in the United States, 1922–2012*. Diss., Columbia University.
- Pinch T. 1993. Testing — One, Two, Three... Testing!: Toward a Sociology of Testing. *Science, Technology & Human Values*. 18 (1): 25–41.
- Power M. 1997. *The Audit Society: Rituals of Verification*. Oxford: Oxford University Press.
- Pueyo T. 2020. How to Do Testing and Contact Tracing. *Medium*. April 28. URL: <https://medium.com/@tomaspueyo/coronavirus-how-to-do-testing-and-contact-tracing-bde85b64072e>
- Proctor K., Sample I., Oltermann Ph. 2020. ‘Immunity Passports’ Could Speed Up Return to Work after Covid-19. *The Guardian*. March 30. URL: <https://www.theguardian.com/world/2020/mar/30/immunity-passports-could-speed-up-return-to-work-after-covid-19>
- Resnick B. 2020. Why It’s so Hard to See into the Future of Covid-19. *Vox*. April 18. URL: <https://www.vox.com/science-and-health/2020/4/10/21209961/coronavirus-models-covid-19-limitations-imhe>
- Resnick B., Irfan U. 2020. What Immunity to Covid-19 Might Actually Mean. *Vox*. April 23. URL: <https://www.vox.com/science-and-health/2020/4/23/21219028/covid-19-immunity-testing-reinfection-antibodies-explained>
- Roberts S. 2020. This Is the Future Of the Pandemic. *The New York Times*. May 8. URL: <https://www.nytimes.com/2020/05/08/health/coronavirus-pandemic-curve-scenarios.html>
- Robinson J. H. 2016. Bringing the Pregnancy Test Home From the Hospital. *Social Studies of Science*. 46 (5): 649–674.
- Romer P., Shah R. 2020. Testing Is Our Way Out. *Wall Street Journal*. April 2. URL: <https://www.wsj.com/articles/testing-is-our-way-out-11585869705>
- Romer P., Garber A. M. 2020. Will Our Economy Die From Coronavirus. *The New York Times*. March 23. URL: <https://www.nytimes.com/2020/03/23/opinion/coronavirus-depression.html>
- Rosental C. 2013. Toward a Sociology of Public Demonstrations. *Sociological Theory*. 31 (4): 343–365.
- Ruddick G. 2016a. Admiral to Price Car Insurance Based on Facebook Posts. *The Guardian*. November 2 (posted at 00:01 GMT). URL: <https://www.theguardian.com/technology/2016/nov/02/admiral-to-price-car-insurance-based-on-facebook-posts>
- Ruddick G. 2016b. Facebook Forces Admiral to Pull Plan to Price Car Insurance Based on Posts. *The Guardian*. November 2, posted at 18:41 GMT. URL: <https://www.theguardian.com/money/2016/nov/02/facebook-admiral-car-insurance-privacy-data>
- Sánchez-Páramo C. 2020. COVID-19 Will Hit the Poor Hardest. Here’s What We Can Do about It. *World Bank Blog*. April 23. URL: <https://blogs.worldbank.org/voices/covid-19-will-hit-poor-hardest-heres-what-we-can-do-about-it>
- Sarac-Lesavre B., Laurent B. 2019. Stress-Testing Europe: Normalizing the Post-Fukushima Crisis. *Minerva*. 57 (2): 239–260. URL: <http://doi.org/10.1007/s11024-018-9362-4>

- Sarasin Ph. 2020. Understanding the Coronavirus Pandemic with Foucault? *Foucaultblog*. Universität Zürich. March 31. URL: <http://dx.doi.org/10.13095/uzh.fsw.fb.254>
- Setzer E. 2020. Contact-Tracing Apps in the United States. *Lawfare*. May 6. URL: <https://www.lawfareblog.com/contact-tracing-apps-united-states>
- Siddarth D., Weyl E. G. 2020. Why We Must Test Millions a Day. COVID-19 Rapid Response Impact Initiative. Edmond J. Safra Center for Ethics. Harvard University. *White Paper*. 6 (April 8). URL: <https://ethics.harvard.edu/test-millions>
- Siegel E. 2016. *Predictive Analytics: The Power to Predict Who will Click, Buy, Lie or Die*. Hoboken: Wiley.
- Stark D. 2011. *The Sense of Dissonance: Accounts of Worth in Economic Life*. Princeton: Princeton University Press.
- Stark D. 2013. Observing Finance as A Network of Observations. *Sociologica*. 7 (2): 21–25.
- Stark D. 2014. On Resilience. *Social Sciences*. 3 (1): 60–70.
- Stark D. 2017. For What It's Worth. *Research in the Sociology of Organizations*. 52: 383–397.
- Stark D. 2020 (Forthcoming). The Performance Complex: Introductory essay. In: Stark D. (ed.) *The Performance Complex: Competition and Competitions in Social Life*. Oxford: Oxford University Press.
- Stark D., Paravel V. 2008. PowerPoint in Public: Digital Technologies and the New Morphology of Demonstration. *Theory, Culture & Society*. 25 (5): 31–56.
- Swindells M. 2017. Emergency Preparedness, Resilience and Response (EPRR). Board Paper — NHS England. March. URL: <https://www.england.nhs.uk/wp-content/uploads/2017/03/board-paper-300317-item-10.pdf>
- Tufekci Z. 2020. Don't Believe the COVID-19 Models: That's Not What they're For. *The Atlantic* April 2. URL: <https://www.theatlantic.com/technology/archive/2020/04/coronavirus-models-arent-supposed-be-right/609271/>
- UK Department of Health & Social Care. 2020. *Coronavirus (COVID-19) Scaling Up Our Testing Programmes*. April 4. URL: https://assets.publishing.service.gov.uk/government/uploads/system/uploads/attachment_data/file/878121/coronavirus-covid-19-testing-strategy.pdf
- Vaughan D. 1996. *The Challenger Launch Decision: Risky Technology, Culture, and Deviance at NASA*. Chicago: University of Chicago Press.
- Verity R. et al. 2020. Estimates of the Severity of Coronavirus Disease 2019: A Model-based Analysis. *The Lancet Infectious Diseases*. March 30. URL: [https://www.thelancet.com/journals/laninf/article/PIIS1473-3099\(20\)30243-7/fulltext](https://www.thelancet.com/journals/laninf/article/PIIS1473-3099(20)30243-7/fulltext)
- Wighton D., Chazan D. 2020. Germany Will Issue Coronavirus Antibody Certificates to Allow Quarantined to Re-enter Society. *The Telegraph*. March 29.
- Wu T. 2020. Big Brother. *New York Review of Books*. April 9.

NEW TRANSLATIONS

David Stark

Testing and Being Tested in Pandemic Times

STARK, David — Professor of Social Science at the University of Warwick and Arthur Lehman Professor of Sociology at Columbia University Columbia University. Address: Coventry CV4 7AL United Kingdom.

Email: dcs36@columbia.edu

Translated by Natalia Conroy

Source: Stark D. (2020) Testing and Being Tested in Pandemic Times. *Sociologica. International Journal for Sociological Debate*, vol. 14, no 1. Available at: <https://sociologica.unibo.it/article/view/10931>

in the time of the coronavirus crisis. In this moment we see a new model of testing: from statistical calculation of risk in a population to algorithmic prediction about the riskiness of particular persons.

Keywords: testing; accountability; sociology of testing; COVID-19; pandemic; algorithmic selection; models; demonstrations.

Acknowledgements

This work was supported by the European Research Council under grant agreement no 695256 for the BLIND-SPOT project. I am grateful to Paola Angelini, Jonathan Bach, Elena Esposito, Geoff Fougere, Gernot Grabher, Julian Jurgenmeyer, and James McNally for their comments, criticisms, and suggestions. My thanks as well to the participants at the colloquium series, “Thinking the Virus,” at the Wissenschaftskolleg (Institute for Advanced Study in Berlin) where I presented a preliminary version of this paper on April 2, 2020, and also to Cansu Canca and Holger Spamann for stimulating conversations on this topic.

References

Adams J. (2020) What are COVID-19 Models Modeling? *The Society Pages*, April 8. Available at: <https://thesocietypages.org/specials/what-are-covid-19-models-modeling/> (accessed 12 August 2020).

Ali M., Ali H. Y. (2015) *The Soul of a Butterfly: Reflections on Life's Journey*, New York: Random House.

Bach J. (2020a) The Red and the Black: China's Social Credit Experiment as a Total Test Environment. *British Journal of Sociology*, vol. 71, no 3, pp. 489–502.

- Bach J. (2020b. Forthcoming) Merit, Morality, and Market: The Chinese Social Credit Experiment. *The Performance Complex: Competition and Competitions in Social Life* (ed. D. Stark), Oxford: Oxford University Press.
- Barbera R. J., Dowdy D. W., Papageorge N. W. (2020) *Economists and Epidemiologists, Not at Odds, but in Agreement: We Need a Broad Based COVID-19 Testing Survey*. Johns Hopkins University, Coronavirus Resource Center. Available at: <https://coronavirus.jhu.edu/from-our-experts/economists-and-epidemiologists-not-at-odds-but-in-agreement-we-need-a-broad-based-covid-19-testing-survey> (accessed 12 August 2020).
- Bennhold K., Eddy M. (2020) Merkel Gives Germans a Hard Truth About the Coronavirus. *The New York Times*, March 11. Available at: <https://www.nytimes.com/2020/03/11/world/europe/coronavirus-merkel-germany.html> (accessed 12 August 2020).
- Boltanski L., Thévenot L. (1999) The Sociology of Critical Capacity. *European Journal of Social Theory*, vol. 2, no 3, pp. 359–377.
- Boltanski L., Thévenot L. (2006) *On Justification*, Princeton: Princeton University Press [first published: Paris: Gallimard, 1991].
- Bucher T. (2017) The Algorithmic Imaginary: Exploring the Ordinary Affects of Facebook Algorithms. *Information, Communication & Society*, vol. 20, no 1, pp. 30–44.
- Bui Q., Katz J., Parlapiano A., Sanger-Katz M. (2020) What 5 Coronavirus Models Say the Next Month will Look Like. *The New York Times*, April 22. Available at: <https://www.nytimes.com/interactive/2020/04/22/upshot/coronavirus-models.html> (accessed 12 August 2020).
- Callon M. (1986a) The Sociology of an Actor-Network: The Case of the Electric Vehicle. *Mapping the Dynamics of Science and Technology* (eds. M. Callon, J. Law, A. Rip), London: Palgrave Macmillan, pp. 19–34.
- Callon M. (1986b) Some Elements of a Sociology of Translation: Domestication of the Scallops and the Fishermen of St. Brieuc Bay. *Power, Action, and Belief: A New Sociology of Knowledge?* (ed. J. Law), Boston: Routledge & Kegan Paul, pp. 196–233.
- Callon M., Latour B. (1981) Unscrewing the Big Leviathan: How Actors Macro-Structure Reality and How Sociologists Help Them to Do So. *Advances in Social Theory and Methodology: Toward an Integration of Micro- and Macro-Sociologies* (eds. K. Knorr-Cetina, A. V. Cicourel), Boston: Routledge & Kegan Paul, pp. 227–303.
- Canca C. (2020) Why “Mandatory Privacy-Preserving Digital Contact Tracing” is the Ethical Measure against Covid-19. *Medium*, April 10. Available at: <https://medium.com/@cansucanca/why-mandatory-privacy-preserving-digital-contact-tracing-is-the-ethical-measure-against-covid-19-a0d143b7c3b6> (accessed 12 August 2020).
- Carson J. (2007) *The Measure of Merit: Talents, Intelligence, and Inequality in the French and American Republics, 1750–1940*, Princeton: Princeton University Press.
- Cevolini A., Esposito E. (2020) From Pool to Profile: Social Consequences of Algorithmic Prediction in Insurance. *Big Data & Society*, July–December, pp. 1–11.

- Chazan G., Mancini D. (2020) Germany to Run Europe's First Large-Scale Antibody Test Programme. *Financial Times*, April 9. Available at: <https://www.ft.com/content/fe211ec7-0ed4-4d36-9d83-14b639efb3ad> (accessed 12 August 2020).
- Cookson C. (2020) UK Coronavirus Study to Test 300,000 People for Infection and Immunity. *Financial Times*, April 23. Available at: <https://www.ft.com/content/b71adf22-33d1-47e7-8dd8-c808cb710690> (accessed 12 August 2020).
- Coombs N. (2020) What Do Stress Tests Test? Experimentation, Demonstration, and the Sociotechnical Performance of Regulatory Science. *British Journal of Sociology*, vol. 71, no 3, pp. 520–536.
- Cooper P. (2018) What Predicts College Completion? High School GPA Beats SAT Score. *Forbes*, June 11. Available at: <https://www.forbes.com/sites/prestoncooper2/2018/06/11/what-predicts-college-completion-high-school-gpa-beats-sat-score/#7f122d624b09> (accessed 12 August 2020).
- Dodier N., Barbot J. (2016) The Force of Dispositifs. *Annales. Histoire, Sciences Sociales*, vol. 71, no 2, pp. 421–450 (in English).
- Downer J. (2007) When the Chick Hits the Fan: Representativeness and Reproducibility in Technological Tests. *Social Studies of Science*, vol. 37, no 1, pp. 7–26.
- Doward J. (2020a) Government Under Fire for Failing to Act on Pandemic Recommendations. *The Guardian*, April 19. Available at: <https://www.theguardian.com/world/2020/apr/19/government-under-fire-failing-pandemic-recommendations> (accessed 12 August 2020).
- Doward J. (2020b) If Ministers Fail to Reveal 2016 Flu Study They 'Will Face Court.' *The Guardian*, April 26. Available at: <https://www.theguardian.com/uk-news/2020/apr/26/doctor-sue-results-operation-cygnus> (accessed 12 August 2020).
- Esposito E. (2013a) The Structures of Uncertainty: Performativity and Unpredictability in Economic Operations. *Economy and Society*, vol. 42, no 1, pp. 102–129.
- Esposito E. (2013b) Economic Circularities and Second-order Observation: The Reality of Ratings. *Sociologica*, vol. 7, no 2, pp. 1–10.
- Esposito E. (2019) *The Future of Prediction. From Statistical Uncertainty to Algorithmic Forecast*. Manuscript, Bielefeld University.
- European Commission. eHealth Network. (2020) *Mobile Applications to Support Contact Tracing the EU's Fight Against COVID-19: Common EU Toolbox for Member States*. Available at: https://ec.europa.eu/health/ehealth/key_documents_en (accessed 12 August 2020).
- Ferguson N. M., Laydon D., Nedjati-Gilani G. et al. (2020) Impact of Non-pharmaceutical Interventions (NPIs) to Reduce COVID-19 mortality and healthcare Demand. *Imperial College COVID-19 Response Team*, London, March 16. Available at: <https://www.imperial.ac.uk/media/imperial-college/medicine/sph/ide/gida-fellowships/Imperial-College-COVID19-NPI-modelling-16-03-2020.pdf> (accessed 12 August 2020).

- Fisher T. (2017) Social Media Intelligence and Profiling in the Insurance Industry. *Medium*, April 24. Available at: <https://medium.com/privacy-international/social-media-intelligence-and-profiling-in-the-insurance-industry-4958fd11f86f> (accessed 12 August 2020).
- Formilan G., Stark D. (2020) Underground Testing: Name-altering Practices as Probes in Electronic Music. *British Journal of Sociology*, vol. 71, no 3, pp. 572–589.
- Foucault M. (1995) *Discipline and Punish: The Birth of the Prison*, New York: Vintage.
- Foucault M. (2007) *Security, Territory, Population: Lectures at the Collège de France, 1977–1978*, New York: Springer.
- Fourcade M. (2019) *Ordinal Citizenship*. Annual British Journal of Sociology Lecture, October 25, LCE: London.
- Fourcade M., Healy K. (2013) Classification Situations: Life-chances in the Neoliberal Era. *Accounting, Organizations and Society*, vol. 38, no 8, pp. 559–572.
- Ganyani T., Kremer C., Chen D., Torneri A., Faes Ch., Wallinga J., Hens N. (2020) Estimating the Generation Interval for COVID-19 Based on Symptom Onset Data. *medRxiv*, March 8.
- Gardner B., Nuki P. (2020) England's Deputy Chief Medical Officer 'JVT' Warned Ministers about PPE Three Years Ago. *The Telegraph*, April 26. Available at: <https://www.telegraph.co.uk/news/2020/04/26/englands-deputy-chief-medical-officer-warned-ministers-britain/> (accessed 12 August 2020).
- Giamio C. (2020) The Spiky Blob Seen Around the World. *The New York Times*, April 1. Available at: <https://www.nytimes.com/2020/04/01/health/coronavirus-illustration-cdc.html> (accessed 12 August 2020).
- Gieryn T. F. (2006) City as Truth-Spot: Laboratories and Field-Sites in Urban Studies. *Social Studies of Science*, vol. 36, no 1, pp. 5–38.
- Greenstone M., Nigam V. (2020) Does Social Distancing Matter? *University of Chicago, Becker Friedman Institute for Economics Working Paper*; no 2020-6. Available at: https://papers.ssrn.com/sol3/papers.cfm?abstract_id=3561244 (accessed 12 August 2020).
- Gruener D. (2020) Immunity Certificates: If We Must Have Them, We Must Do It Right. Edmond J. Safra Center for Ethics, Harvard University. *White Paper*, no 8, April 20. Available at: <https://ethics.harvard.edu/files/center-for-ethics/files/12immunitycertificates.pdf> (accessed 12 August 2020).
- Hart V., Siddarth D., Cantrell B. et al. (2020) Outpacing the Virus: Digital Response to Containing the Spread of COVID-19 While Mitigating Privacy Risks. Edmond J. Safra Center for Ethics, Harvard University. *White Paper*, no 5, April 3. Available at: <https://ethics.harvard.edu/outpacing-virus> (accessed 12 August 2020).
- Horowitz J. (2020) In Italy, Going Back to Work May Depend on Having the Right Antibodies. *The New York Times*, April 4. Available at: <https://www.nytimes.com/2020/04/04/world/europe/italy-coronavirus-antibodies.html> (accessed 12 August 2020).

- How Big Data is Dividing the Public in China's Coronavirus Fight – Green, Yellow, Red. (2020) *South China Morning Post*, February 22. Available at: <https://www.scmp.com/news/china/society/article/3051907/green-yellow-red-how-big-data-dividing-public-chinas-coronavirus> (accessed 20 August 2020).
- Hu M. (2020) Beijing Rolls out Colour-coded QR System for Coronavirus Tracking Despite Concerns Over Privacy, Inaccurate Ratings. *South China Morning Post*, March 2. Available at: <https://www.scmp.com/print/tech/apps-social/article/3064574/beijing-rolls-out-colour-coded-qr-system-coronavirus-tracking> (accessed 12 August 2020).
- If Ministers Fail to Reveal 2016 Flu Study They 'will face court' (2020). *The Guardian*, April 26.
- Jacobs A. (2020) F.D.A. Approves First Antigen Test for Detecting the Coronavirus. *The New York Times*, May 9. Available at: <https://www.nytimes.com/2020/05/09/health/antigen-testing-fda-coronavirus.html> (accessed 12 August 2020).
- Kissler S. M., Tedijanto Ch., Goldstein E., Grad Y. H., Marc Lipsitch M. (2020) Projecting the Transmission Dynamics of SARS-CoV-2 through the Postpandemic Period. *Science*, April 14. Available at: <https://science.sciencemag.org/content/early/2020/04/24/science.abb5793> (accessed 12 August 2020).
- La fase 2 di Maranello 'È come un Gran Premio'. (2020) *La Repubblica*, May 5.
- Lakoff A. (2015) Real-time Biopolitics: the Actuary and the Sentinel in Global Public Health. *Economy and Society*, vol. 44, no 1, pp. 40–59.
- Lakoff A. (2017) *Unprepared: Global Health in a Time of Emergency*, Oakland: University of California Press.
- Latour B. (1988) *The Pasteurization of France*, Cambridge: Harvard University Press [first published Paris: Editions A. M. Métailié, 1984].
- Latour B. (1999) *Pandora's Hope: Essays on the Reality of Science Studies*, Cambridge: Harvard University Press.
- Latour B. (2004) *Politics of Nature: How to Bring the Sciences into Democracy*, Cambridge: Harvard University Press [first published Paris: Editions La Découverte, 1999].
- Laurencin C. T., McClinton A. (2020) The COVID-19 Pandemic: a Call to Action to Identify and Address Racial and Ethnic Disparities. *Journal of Racial and Ethnic Health Disparities*, April 18. Available at: <https://doi.org/10.1007/s40615-020-00756-0> (accessed 12 August 2020).
- Li Q., Wu P., Guan X. et al. (2020) Early Transmission Dynamics in Wuhan, China, of Novel Coronavirus-infected Pneumonia. *New England Journal of Medicine*, January 29.
- Lomas N. (2020a) EU Lawmakers Set out Guidance for Coronavirus Contacts Tracing Apps. *Techcrunch*, April 16. Available at: <https://techcrunch.com/2020/04/16/eu-lawmakers-set-out-guidance-for-coronavirus-contacts-tracing-apps/> (accessed 12 August 2020).
- Lomas N. (2020b) Germany's COVID-19 Contacts Tracing App to Link to Lab for Test Result Notification. *Techcrunch*, April 23. Available at: <https://techcrunch.com/2020/04/23/germanys-covid-19-contacts-tracing-app-to-link-to-labs-for-test-result-notification/> (accessed 12 August 2020).

- MacKenzie D. (1989) From Kwajalein to Armageddon? Testing and the Social Construction of Missile Accuracy. *The Uses of Experiment: Studies in the Natural Sciences* (eds. D. Gooding, T. Pinch, S. Schaffer), Cambridge: Cambridge University Press.
- MacKenzie D. A. (2006) *An Engine, Not a Camera: How Financial Models Shape Markets*, Cambridge: MIT Press.
- Markortoff K. (2020) Workers without Degrees Hardest Hit by Covid-19 Crisis-Study. *The Guardian*, April 20. Available at: <https://www.theguardian.com/business/2020/apr/20/uk-workers-without-degrees-face-deeper-job-insecurity-amid-coronavirus-pandemic> (accessed 12 August 2020).
- Marres N., Stark D. (2020) Put to the Test: For a New Sociology of Testing. *British Journal of Sociology*, vol. 71, no 3, pp. 423–443.
- Mattern Sh. (2020) Andrew Cuomo’s COVID-19 Briefings Draw on the Persuasive Authority of PowerPoint. *Artnews.com*, April 13. Available at: <https://www.artnews.com/art-in-america/features/andrew-cuomo-covid-briefings-powerpoint-slideshow-authority-1202683735/> (accessed 12 August 2020).
- Mozur P., Zhong R., Krolik A. (2020) In Coronavirus Fight, China Gives Citizens a Color Code, with Red Flags. *The New York Times*, March 1. Available at: <https://www.nytimes.com/2020/03/01/business/china-coronavirus-surveillance.html?searchResultPosition=2> (accessed 12 August 2020).
- Muniesa F., Linhardt D. (2011) Trials of Explicitness in the Implementation of Public Management Reform. *Critical Perspectives on Accounting*, vol. 22, no 6, pp. 550–566.
- Navon D., Eyal G. (2016) Looping Genomes: Diagnostic Change and the Genetic Makeup of the Autism Population. *American Journal of Sociology*, vol. 121, no 5, pp. 1416–1471.
- Neff G., Stark D. (2004) Permanently Beta: Responsive Organization in the Internet Era. *Society Online: The Internet in Context* (eds. P. N. Howard, S. Jones), Thousand Oaks: SAGE.
- Nelkin D., Tancredi L. (1989) *Dangerous Diagnostics: The Social Power of Biological Information*, New York: Basic Books.
- Nielsen R. K. (2012) *Ground Wars: Personalized Communication in Political Campaigns*, Princeton: Princeton University Press.
- Nuki P. (2020) Exercise Gygnus Uncovered: the Pandemic Warnings Buried by the Government. *The Sunday Telegraph*, March 28. Available at: <https://www.telegraph.co.uk/news/2020/03/28/exercise-cygnus-uncovered-pandemic-warnings-buried-government/> (accessed 12 August 2020).
- Ozgode O. (2015) *Governing the Economy at the Limits of Neoliberalism: The Genealogy of Systemic Risk Regulation in the United States, 1922–2012*. Diss., Columbia University.
- Pinch T. (1993) Testing — One, Two, Three... Testing!: Toward a Sociology of Testing. *Science, Technology & Human Values*, vol. 18, no 1, pp. 25–41.
- Power M. (1997) *The Audit Society: Rituals of Verification*, Oxford: Oxford University Press.

- Pueyo T. (2020) How to Do Testing and Contact Tracing. *Medium*, April 28. Available at: <https://medium.com/@tomaspuoyo/coronavirus-how-to-do-testing-and-contact-tracing-bde85b64072e> (accessed 12 August 2020).
- Proctor K., Sample I., Oltermann Ph. (2020) ‘Immunity Passports’ Could Speed Up Return to Work after Covid-19. *The Guardian*, March 30. Available at: <https://www.theguardian.com/world/2020/mar/30/immunity-passports-could-speed-up-return-to-work-after-covid-19> (accessed 12 August 2020).
- Resnick B. (2020) Why It’s so Hard to See into the Future of Covid-19. *Vox*, April 18. Available at: <https://www.vox.com/science-and-health/2020/4/10/21209961/coronavirus-models-covid-19-limitations-imhe> (accessed 12 August 2020).
- Resnick B., Irfan U. (2020) What Immunity to Covid-19 Might Actually Mean. *Vox*, April 23. Available at: <https://www.vox.com/science-and-health/2020/4/23/21219028/covid-19-immunity-testing-reinfection-antibodies-explained> (accessed 12 August 2020).
- Roberts S. (2020) This Is the Future Of the Pandemic. *The New York Times*, May 8. Available at: <https://www.nytimes.com/2020/05/08/health/coronavirus-pandemic-curve-scenarios.html> (accessed 12 August 2020).
- Robinson J. H. (2016) Bringing the Pregnancy Test Home From the Hospital. *Social Studies of Science*, vol. 46, no 5, pp. 649–674.
- Romer P., Shah R. (2020) Testing Is Our Way Out. *Wall Street Journal*, April 2. Available at: <https://www.wsj.com/articles/testing-is-our-way-out-11585869705> (accessed 12 August 2020).
- Romer P., Garber A. M. (2020) Will Our Economy Die From Coronavirus. *The New York Times*, March 23. Available at: <https://www.nytimes.com/2020/03/23/opinion/coronavirus-depression.html> (accessed 12 August 2020).
- Rosental C. (2013) Toward a Sociology of Public Demonstrations. *Sociological Theory*, vol. 31, no 4, pp. 343–365.
- Ruddick G. (2016a) Admiral to Price Car Insurance Based on Facebook Posts. *The Guardian*, November 2, posted at 00:01 GMT. Available at: <https://www.theguardian.com/technology/2016/nov/02/admiral-to-price-car-insurance-based-on-facebook-posts> (accessed 12 August 2020).
- Ruddick G. (2016b) Facebook Forces Admiral to Pull Plan to Price Car Insurance Based on Posts. *The Guardian*, November 2, posted at 18:41 GMT. Available at: <https://www.theguardian.com/money/2016/nov/02/facebook-admiral-car-insurance-privacy-data> (accessed 12 August 2020).
- Sánchez-Páramo C. (2020) COVID-19 Will Hit the Poor Hardest. Here’s What We Can Do About It. *World Bank Blog*, April 23. Available at: <https://blogs.worldbank.org/voices/covid-19-will-hit-poor-hardest-heres-what-we-can-do-about-it> (accessed 12 August 2020).
- Sarac-Lesavre B., Laurent B. (2019) Stress-Testing Europe: Normalizing the Post-Fukushima Crisis. *Minerva*, vol. 57, no 2, pp. 239–260. Available at: <http://doi.org/10.1007/s11024-018-9362-4> (accessed 12 August 2020).

- Sarasin Ph. (2020) Understanding the Coronavirus Pandemic with Foucault? *foucaultblog*, Universität Zürich, March 31. Available at: <http://dx.doi.org/10.13095/uzh.fsw.fb.254> (accessed 12 August 2020).
- Setzer E. (2020) Contact-Tracing Apps in the United States. *Lawfare*, May 6. Available at: <https://www.lawfareblog.com/contact-tracing-apps-united-states> (accessed 12 August 2020).
- Siddarth D., Weyl E. G. (2020) Why We Must Test Millions a Day. COVID-19 Rapid Response Impact Initiative, Edmond J. Safra Center for Ethics, Harvard University. *White Paper*, no 6, April 8. Available at: <https://ethics.harvard.edu/test-millions> (accessed 12 August 2020).
- Siegel E. (2016) *Predictive Analytics: The Power to Predict Who will Click, Buy, Lie or Die*, Hoboken: Wiley.
- Stark D. (2011) *The Sense of Dissonance: Accounts of Worth in Economic Life*, Princeton: Princeton University Press.
- Stark D. (2013) Observing Finance as A Network of Observations. *Sociologica*, vol. 7, no 2, pp. 21–25.
- Stark D. (2014) On Resilience. *Social Sciences*, vol. 3, no 1, pp. 60–70.
- Stark D. (2017) For What It's Worth. *Research in the Sociology of Organizations*, vol. 52, pp. 383–397.
- Stark D. (2020. Forthcoming) The Performance Complex: Introductory essay. *The Performance Complex: Competition and Competitions in Social Life* (ed. D. Stark), Oxford: Oxford University Press.
- Stark D., Paravel V. (2008) PowerPoint in Public: Digital Technologies and the New Morphology of Demonstration. *Theory, Culture & Society*, vol. 25, no 5, pp. 31–56.
- Swindells M. (2017) Emergency Preparedness, Resilience and Response (EPRR). *Board Paper — NHS England*, March 2017. Available at: <https://www.england.nhs.uk/wp-content/uploads/2017/03/board-paper-300317-item-10.pdf> (accessed 12 August 2020).
- Tufekci Z. (2020) Don't Believe the COVID-19 Models: That's Not What they're For. *The Atlantic*, April 2. Available at: <https://www.theatlantic.com/technology/archive/2020/04/coronavirus-models-arent-supposed-be-right/609271/> (accessed 12 August 2020).
- UK Department of Health & Social Care (2020) *Coronavirus (COVID-19) Scaling Up Our Testing Programmes*, April 4. Available at: https://assets.publishing.service.gov.uk/government/uploads/system/uploads/attachment_data/file/878121/coronavirus-covid-19-testing-strategy.pdf (accessed 12 August 2020).
- Vaughan D. (1996) *The Challenger Launch Decision: Risky Technology, Culture, and Deviance at NASA*, Chicago: University of Chicago Press.
- Verity R., Okell L. C., Dorigatti I. et al. (2020) Estimates of the Severity of Coronavirus Disease 2019: A Model-based Analysis. *The Lancet infectious diseases*, March 30. Available at: [https://www.thelancet.com/journals/laninf/article/PIIS1473-3099\(20\)30243-7/fulltext](https://www.thelancet.com/journals/laninf/article/PIIS1473-3099(20)30243-7/fulltext) (accessed 12 August 2020).
- Wighton D., Chazan D. (2020) Germany Will Issue Coronavirus Antibody Certificates to Allow Quarantined to Re-enter Society. *The Telegraph*, March 29.

Wu T. (2020) Big Brother. *New York Review of Books*, April 9.

Received: May 18, 2020

Citation: Stark D. (2020) Testy i testirovanie testov period pandemii [Testing and Being Tested in Pandemic Times]. *Journal of Economic Sociology = Ekonomicheskaya sotsiologia*, vol. 21, no 4, pp. 70–106. doi: [10.17323/1726-3247-2020-4-70-106](https://doi.org/10.17323/1726-3247-2020-4-70-106) (in Russian).

РАСШИРЕНИЕ ГРАНИЦ

А. В. Семёнов

Неровный темп: динамика готовности к экономическим протестам в России (1996–2019)¹

СЕМЁНОВ Андрей Владимирович —

кандидат политических наук, старший научный сотрудник Центра сравнительных исторических и политических исследований Пермского государственного национального исследовательского университета (ПГНИУ), доцент кафедры политических наук ПГНИУ. Адрес: Россия, 614990, Пермь, ул. Букирева, д. 15.

Email: andreysemenov@comparativestudies.ru

Общественные протестные настроения — динамический процесс, от направления движения которого зависит политическая стабильность. Агрегированные показатели готовности присоединиться к массовым выступлениям против падения уровня жизни служат своеобразным термометром уровня экономического недовольства в обществе. Что определяет эту динамику? Имеют ли значение постепенные изменения в объективных экономических процессах, таких как инфляция и безработица, либо же рост общественного недовольства связан в первую очередь с субъективными оценками направления развития страны? В данной статье демонстрируется, что рост потребительских цен и ухудшение положения на рынке труда имеет отложенный эффект на готовность присоединиться к коллективным действиям с экономическими требованиями. Предполагается, что в основе этого эффекта лежат два механизма: первый связан с увеличением разрыва между наличным и желаемым уровнями потребления; второй механизм связывает ухудшение экономического положения с переоценкой эффективности работы правительства и последующим усилением протестных настроений. Помимо связи между готовностью протестовать с инфляцией и безработицей, статистический анализ, основанный на модели авторегрессии с распределённым лагом, показывает, что уровень общественного оптимизма также выступает кратко- и долгосрочным предиктором протестных настроений россиян. Наконец, анализ свидетельствует о значительной инерционной составляющей в агрегированных значениях готовности протестовать. Исследование вносит вклад в существующую дискуссию о детерминантах протестных общественных настроений и показывает значимость как объективных, так и субъективных аспектов экономического неблагополучия для изучения мобилизации.

Ключевые слова: протестная активность; мобилизация; экономическое неблагополучие; политическая динамика; инфляция; безработица; общественный оптимизм.

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке Российского фонда фундаментальных исследований, проект 19-011-00430 А «Экономическое неблагополучие и политическая подотчётность в электоральных автократиях».

Автор благодарит Маргариту Завадскую, Владимира Гельмана, участников семинаров в Александровском институте Университета Хельсинки и Европейского университета в Санкт-Петербурге, а также двух анонимных рецензентов и редакцию журнала «Экономическая социология» за комментарии к ранним версиям рукописи. Автор также выражает благодарность программе академической мобильности Академии наук Финляндии, в рамках которой была подготовлена первоначальная версия статьи.

При каких условиях граждане готовы коллективно действовать для защиты своего экономического благополучия? Очевидный ответ — в ситуации, когда их экономические интересы оказываются под угрозой, — далеко не всегда находит эмпирическое подтверждение. С одной стороны, влиятельная теория «относительной депривации» Т. Р. Гарра [Gurr 1972] утверждает, что увеличение разрыва между ожидаемым и наличным уровнями потребления ведёт к фрустрации, которая становится толчком к коллективным действиям. Недовольство (*grievances*), связанное с экономической депривацией, как условие для мобилизации, наиболее ярко проявляет себя в период кризисов [Schäfer, Streek 2013; Bermeo, Bartels 2014]. В то же время исследователи на примере явки на выборы [Rosenstone 1982] и трудовых конфликтов [Shorter, Tilly 1974] доказывают, что расширение экономического недовольства, как правило, сопровождается снижением чувства экономической безопасности, в результате чего граждане становятся осторожнее и воздерживаются от рискованных форм политического действия. Эти исследования, впрочем, редко касаются готовности граждан выступить с коллективными экономическими требованиями.

Замеры общественного мнения по поводу готовности присоединиться к выступлениям с экономическими требованиями служат своеобразным термометром, который реагирует на изменения в экономике. Сравнение 1990-х и 2000–2010-х гг. в России хорошо иллюстрирует данный тезис: по оценкам Левада-Центра, в среднем 33,6% россиян ожидали выступлений с экономическими требованиями в 1997–1999 гг., а 25,2% готовы были к ним присоединиться. В период правления Владимира Путина эти оценки снизились до 23,9% и 18,9% соответственно, что в первую очередь отражает существенное улучшение экономического положения россиян с конца 1990-х гг. [Положение дел в стране 2020]. Однако такие долгосрочные изменения скрывают значительную волатильность в агрегированных оценках готовности присоединиться к массовым выступлениям против снижения уровня жизни в краткосрочной перспективе. Как общественное мнение реагирует на инкрементальные изменения в состоянии экономики, такие как колебания потребительских цен или безработицы? И насколько важны эти изменения по сравнению с субъективными оценками положения дел в стране?

В данной статье я анализирую динамику общественного мнения о готовности присоединиться к выступлениям с экономическими требованиями в России в 1997–2019 гг. Опираясь на теорию относительной депривации, я аргументирую, что инфляционные шоки и рост безработицы через снижение потребления и сигнализирование о плохой работе правительства усиливают недовольство текущим положением дела в стране и готовность присоединиться к массовым выступлениям с экономическими требованиями. Я проверяю предположения, связанные с данной теорией, с помощью авторегрессии с распределённым лагом, которая демонстрирует наличие отложенного положительного эффекта от изменений в индексе потребительских цен и уровне безработицы на готовность протестовать, а также кратко- и долгосрочную связи готовности с общественным оптимизмом относительно курса развития страны. Данные результаты устойчивы к альтернативным спецификациям статистической модели и позволяют сделать вывод о том, что россияне реагируют, хотя и с запозданием, на негативные экономические явления и готовы отстаивать свои экономические интересы в тяжёлые времена.

Экономическое неблагополучие и готовность к коллективным действиям

В социальных науках принято рассматривать участие в коллективных действиях (протестах, забастовках, бойкотах, коллективных петициях и т. д.) как разновидность внеинституциональных (неконвенциональных) политических действий. На микроуровне готовность участия в такого рода действиях связывается в первую очередь с наличием ресурсов — дохода, образования, свободного времени, социальных связей [Verba, Nie, Kim 1978; Verba, Schlozman, Brady 1995; Dalton 1996]. Лейтмотивом этих исследований стало заключение о том, что в коллективных действиях участвуют в первую очередь индивиды с высоким социальным статусом. Это подтверждается в том числе и на российском материале: например, И. Мак-Алистер и С. Уайт, анализируя результаты опроса 1992 г., демонстрируют, что готовность участвовать

в демонстрациях в первую очередь разделяли более молодые и образованные [McAllister, White 1994: 612–614]. Исследования кампании «За честные выборы!» (2011–2012) и президентской кампании Алексея Навального (2017–2018) также свидетельствуют о том, что существенную долю участников составили молодые, образованные и высокодоходные группы [Volkov 2012; Dollbaum, Semenov, Sirotkina 2018].

Существенным недостатком микроуровневых теорий мобилизации является игнорирование контекста и динамики. Даже высокоресурсные группы не являются мобилизованными постоянно, но реагируют на изменения в окружающей среде. Кроме того, роль тех или иных видов ресурсов меняется со временем; например, доход может терять свою значимость при радикальном снижении издержек от коллективных действий, а роль образования, наоборот, расти. Два вида изменений в контексте, которые связаны с готовностью к неконвенциональным видам гражданского участия, имеют принципиальное значение. Структурные процессы (такие как модернизация) меняют относительную значимость каждого из ресурсов, тем самым трансформируя форму и содержание гражданского действия [Inglehart, Welzel 2005; Dalton, Welzel 2014]. Межпоколенческие сдвиги также изменяют предрасположенность отдельных возрастных когорт к тем или иным видам гражданского действия [Grasso 2014; Inglehart 2015; Радаев 2018]. Наконец, изменения в «структуре политических возможностей» — характере политического режима, доступности союзников и т. д. — ведут к перераспределению ресурсов между социальными группами и меняют агрегированные и индивидуальные оценки готовности к внеинституциональному участию [McAdam 2010].

Краткосрочные изменения могут носить шоковый или инкрементальный характер. Критические ситуации (экономический кризис, международные или внутривосточные конфликты) так или иначе сопровождаются расширением участия граждан в политических процессах. Резкое ухудшение экономической ситуации подрывает установившийся порядок вещей и трансформирует привычные ожидания и установки граждан и других участников политического процесса. В такие периоды увеличивается вероятность внутриэлитных расколов [Gandhi, Reuter 2011], усиливается работа оппозиционных групп [Semenov 2017], а граждане больше внимания уделяют новостной повестке и более склонны наказывать действующее правительство вне зависимости от степени их вины [Hernández, Kriesi 2016]. Иными словами, кратковременные шоки, как правило, сопряжены с всплесками протестной активности и готовности к ней присоединиться [Vermeo, Bartels 2014].

В меньшей степени известно, как граждане реагируют на инкрементальные изменения, такие как колебания в реальных доходах, рейтинге одобрения институтов государственной власти или социально-экономическом неравенстве. Если экономический кризис ощутимо сказывается на обществе в целом, то инкрементальные изменения в экономике (например, долгосрочное падение реальных доходов) могут затрагивать лишь отдельные группы или быть недостаточно сильными стимулами для вовлечения во внеинституциональную гражданскую активность. Тем не менее аккумулированное знание о связи между характеристиками контекста и готовности к коллективным действиям позволяет сформулировать предварительные контуры объяснительной модели и протестировать их на эмпирическом материале.

Отправной точкой является различие декларируемой готовности участвовать в протестных действиях и их поведенческим аспектом. Протестные действия так или иначе сопряжены с повышенными рисками: например, участие в забастовках может привести к потере работы, а присоединение к демонстрации — к столкновениям с полицией. Готовность же присоединиться к протестным действиям представлена в первую очередь в социологических опросах и в таком качестве затратным действием не является. Скорее, заявление о готовности — это своеобразный сигнал о том, что недовольство сложившейся обстановкой превышает психологически приемлемый уровень и чреват переходом к действиям.

На индивидуальном уровне, как было указано выше, готовность присоединиться к выступлениям с экономическими требованиями связана как со структурными факторами, так и с индивидуальными особенностями, которые могут носить как постоянный (наличие необходимых ресурсов или идеологи-

ческие установки), так и временный характер. Агрегированные оценки готовности участия в экономических протестах в большей степени отражают структурные процессы: идиосинкразические факторы при усреднении компенсируют друг друга, оставляя только систематический компонент изменений [Kramer 1983]. Именно поэтому агрегированные временные ряды представляют интерес для моделирования динамики готовности к коллективным действиям.

Какие процессы можно рассматривать в качестве повышающих градус общественного недовольства? В первую очередь угрожающие экономическому благосостоянию безработицу и инфляцию [Hibbs 1979; Fischer, Huijzinga 1982]. Оба процесса отражают ключевые аспекты экономического благополучия: уровень потребления и экономическую безопасность. Два механизма теоретически связывают изменения в инфляции и занятости с готовностью присоединиться к выступлениям с экономическими требованиями.

Первый механизм подразумевает, что рост индекса потребительских цен и безработицы снижает уровень доступного потребления и экономическую защищённость граждан. Инфляция сокращает покупательскую способность, а также снижает стоимость будущих денежных активов; статус безработного в принципе сопряжён с фундаментальной экономической неопределённостью и также ведёт к экономии средств и снижению потребления. Если допущение о том, что заявленная готовность протестовать — это сигнал об отчаянном положении, верно, то инфляционные шоки и всплески безработицы должны быть ассоциированы с ростом готовности протестовать.

Второй механизм можно назвать информационным: граждане не просто испытывают на себе последствия экономических потрясений, но и наблюдают за изменениями в экономике в целом. Рост цен и безработицы может оцениваться гражданами как сигнал о плохих перспективах экономики, а значит — о неудовлетворительной работе правительства. В теории экономического голосования такая модель рассуждений называется социотропной в отличие от эгоистической, описанной выше [Lewis-Beck, Stegmaier 2000; Duch, Stevenson 2008]. Недовольство общим состоянием экономики вместе с наделением ответственностью правительства за провалы, в свою очередь, способно стать основанием для роста готовности присоединиться к коллективным протестам. Таким образом, на основании действия обоих механизмов предполагается положительная связь между ростом инфляции, безработицы и готовностью протестовать.

Кроме направления связи, динамическая модель отвечает на два вопроса: во-первых, идёт ли речь о связи между уровнями (*levels*) наблюдаемых процессов или между изменениями в них (*changes*). Во-вторых, есть ли отложенные эффекты у независимых переменных. Я предполагаю, что связь будет наблюдаться как в уровнях, так и в изменениях: движение индекса цен и безработицы вверх (вниз) должно быть связано с движением уровня готовности вверх (вниз), но и изменения в независимых переменных (колебания вокруг среднего уровня) также должны ассоциироваться с изменениями в зависимой переменной. Я также полагаю, что гражданам нужно время для переоценки своей готовности присоединиться к коллективным действиям на основе информации о росте цен и (или) безработицы, поэтому эффекты инфляции и безработицы в первую очередь будут отложенными. Даже массовые увольнения, характерные для кризисных периодов, не сразу транслируются в протестные настроения, поскольку негативные последствия от потери работы могут быть нивелированы в краткосрочной перспективе наличием сбережений и другими страховочными механизмами. Кроме того, обнаружение одновременного эффекта проблематично в связи с различиями в методологии сбора данных об общественных настроениях и социально-экономической статистике.

Таким образом, первые две рабочие гипотезы данного исследования предполагают следующее:

Гипотеза 1 (H 1). Рост безработицы положительно связан с ростом готовности присоединиться к экономическим протестам в следующий временной период.

Гипотеза 2 (H 2). *Рост инфляции положительно связан с ростом готовности присоединиться к экономическим протестам в следующий временной период.*

Объективные экономические процессы сами по себе, даже если они непосредственно отражаются на качестве жизни граждан, должны быть интерпретированы в политических терминах для активации готовности участвовать в коллективных действиях. Общественный оптимизм относительно направления развития страны играет роль индикатора такой активации: удовлетворённость направлением развития страны в целом способна нивелировать негативные эффекты от изменений в экономике. Кроме того, граждане могут считать такие изменения естественными и не связывать их с действиями правительства. Таким образом, допустимо предположить наличие одновременного и отложенного эффекта от изменений в общественном оптимизме, поскольку общественное мнение в целом имеет сильную инерционную составляющую в динамике. Как следствие, третья гипотеза подразумевает следующее:

Гипотеза 3 (H 3). *Рост уровня общественного оптимизма относительно направления движения страны негативно связан с готовностью присоединиться к экономическим протестам в текущий и последующий периоды.*

В следующем разделе статьи я представлю методологии, данные и предварительный анализ динамики зависимой переменной, затем — результаты статистического моделирования и их интерпретацию.

Методология, данные, анализ

Для проверки гипотез используются данные регулярных опросов Левада-Центра о готовности присоединиться к массовым выступлениям против падения уровня жизни. Замер входит в панель вопросов о положении дел в стране и возможности/готовности к участию в массовых выступлениях. Вопросы задаются раз в два месяца с марта 1996 г. по настоящее время и сформулированы следующим образом: «Как Вы думаете, насколько возможны сейчас в Вашем городе (сельском районе) массовые выступления населения против падения уровня жизни, в защиту своих прав?»; «Если такого рода массовые выступления состоятся, Вы лично примете в них участие или нет?»². Я использую агрегированные месячные значения ответов на второй вопрос (доля готовых присоединиться к массовым выступлениям) в качестве основной зависимой переменной.

В качестве независимых переменных я использовал помесечные показатели индекса потребительских цен (инфляция) и безработицы, а также одобрение текущего политического курса страны, сконструированное как разница между процентами ответивших положительно и отрицательно на вопрос: «Дела в стране идут сегодня в целом в правильном направлении или страна движется по неверному пути?» [Статистические ряды 2020; Положение дел в стране 2020]. Описательная статистика по всем переменным представлена в таблице 1. Зависимая переменная колеблется между 8 и 33% ответивших положительно на вопрос о готовности присоединиться к протестам; в среднем каждый пятый россиянин на протяжении исследуемого периода был готов выступить против снижения уровня жизни. Общественный оптимизм, в свою очередь, является наиболее волатильным показателем, который менялся в диапазоне от – 71 (негативное мнение о направлении движения страны преобладало) до 42 со стандартным отклонением в 26 п. п.

² Левада-Центр также задаёт вопрос про готовность к политическим протестам, динамика которой сильно коррелирует с зависимой переменной в данном анализе. Временной ряд для экономических протестов является более удобным способом отображения оценок протестной активности, поскольку замеры по политической составляющей проводились нерегулярно; см.: [Положение дел в стране 2020].

Таблица 1

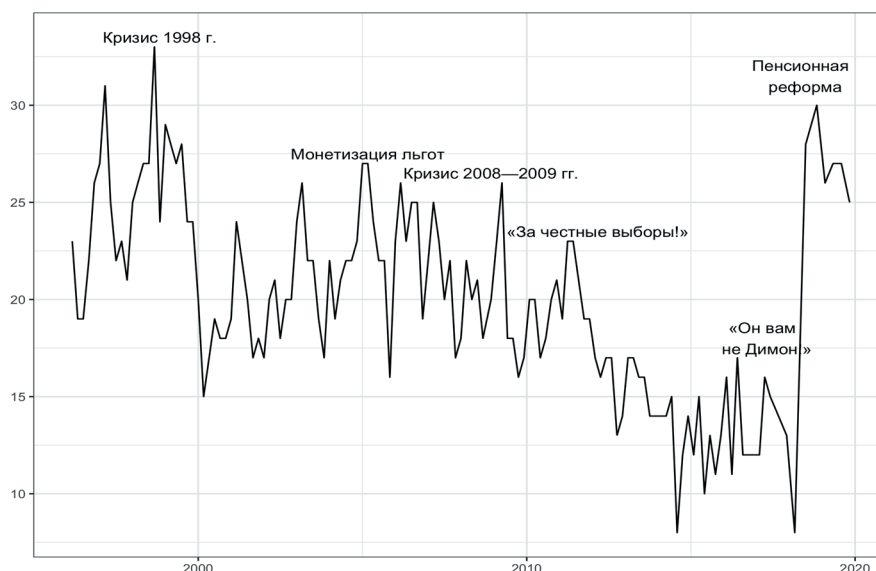
Описательная статистика основных переменных

Переменная	N	Среднее значение	Стандартное отклонение	Минимальное значение	Максимальное значение
Готовность протестовать	137	19,93	5,00	8	33
Безработица	137	7,55	2,29	4,0	14,1
Инфляция	137	1,25	3,36	- 0,3	38,4
Общественный оптимизм	137	-1,79	26,00	- 71,0	42

Источники: Статистические ряды 2020; Положение дел в стране 2020.

На рисунке 1 представлена динамика общественного мнения относительно возможности экономических протестов и готовности к ним присоединиться. Оценки потенциала протестов весьма волатильны: наименьшее значение приходится на август 2014 г., когда лишь 17% опрошенных считали, что протесты возможны, а 8% готовы были к ним присоединиться, а наибольшее значение приходится на сентябрь 1998 г., то есть сразу после августовского кризиса почти половина населения (48%) считала, что протесты против снижения уровня жизни возможны, а около трети (33%) готовы были к ним присоединиться.

Самый большой скачок в оценках произошёл между мартом и июлем 2018 г., когда доля тех, кто считает экономические протесты возможными, выросла с 17 до 41%, а доля готовых присоединиться — с 8 до 28%, очевидной причиной чего стало внесение в июне 2018 г. законопроекта о пенсионной реформе. Другие пики приходятся на мобилизацию против монетизации льгот в 2005 г., посткризисный 2009 г., на кампанию «За честные выборы!» 2011–2012 гг., российско-украинский кризис 2013–2014 гг., кампании «Анти-Платон» 2015–2016 гг. и «Он вам не Димон!» 2017 г., что подтверждает связь готовности протестовать с экзогенными возмущениями. Примечательно, что выборные периоды не выделяются повышенными протестными настроениями, что может быть связано с политическими бизнес-циклами.

Источник: Положение дел в стране 2020.

Рис. 1. Доля респондентов, готовых присоединиться к массовым выступлениям с экономическими требованиями, 1997–2019 гг.

Визуальный анализ динамики готовности протестовать также демонстрирует временной тренд на снижение среднемесячных показателей. Действительно, в период президентства Б. Н. Ельцина в среднем

25,2% опрошенных заявляли о своей готовности поддержать массовые выступления против снижения уровня жизни (стандартное отклонение — 3,5 п. п.), тогда как в период правления Путина аналогичный показатель составил 18,9% (стандартное отклонение — 4,6 п. п.). В то же время необходимо учитывать недоступность данных до 1997 г., также как и правоцензурированный характер данных: с 2018 г. протестные настроения резко выросли и по состоянию на конец 2019 г. не вернулись к своему долгосрочному среднему уровню.

Ключевая особенность временных рядов, создающая трудность для статистического анализа, это зависимость наблюдений друг от друга: текущие значения переменной могут быть связаны с предыдущими или соседними значениями, а также интегрироваться — накапливать эффекты предыдущих возмущений во времени [Box-Steffensmeier et al. 2014; Shin 2017]. Первичная диагностика предикторов с помощью коррелограмм (см. рис. П.1) свидетельствует о сильной временной зависимости в готовности протестовать либо в форме авторегрессионного процесса, либо в форме интеграции — аккумуляции эффектов от «шоковых воздействий» на эту переменную во времени. Коррелограммы для всех независимых переменных, кроме инфляции, также свидетельствуют об автокорреляции (см. рис. П.2–П.4). Динамика инфляции, судя по диаграмме частичной авторегрессии, имеет компонент скользящего среднего с одним лагом; визуальное обследование также говорит о цикличности — типичном поведении для данной переменной (см. рис. П.5).

Интеграция (накопление возмущений в динамической системе) — довольно распространённое явление в социальных процессах. В динамике общественного мнения, однако, в силу ограниченного размаха значений интеграция технически невозможна, поскольку накопление шоков по идее должно вести к неограниченному росту среднего значения и вариации [Freeman 2016; Grant, Lebo 2016]. Для проверки на интеграцию используются тесты Дики—Фуллера (Dickey—Fuller, DF), Филлипса—Перрона (Phillips—Perron, PP), Квятковского—Филлипса—Шмидта—Шина (Kwiatkowski—Phillips—Schmidt—Shin, KPSS) Все тесты имеют слабую мощность (первые два предрасположены к ошибкам первого рода) и не всегда согласуются между собой. Результаты тестов представлены в приложении (см. таблицу П.1). Только инфляция проходит два теста на стационарность. Стандартный подход в такой ситуации — провести процедуру очистки (*prewhitening*) данных от автокорреляции, интеграции, скользящего среднего и сезонности [Shin 2017]. Данная процедура была проведена для всех временных рядов в анализе путём нахождения модели ARIMA (*autoregressive integrated moving average*) с наименьшим значением функции логарифмического правдоподобия для каждой переменной и сохранения регрессионных остатков этой модели для последующего анализа. Полученные таким образом временные ряды проходят стандартные тесты на стационарность, а значит, могут быть использованы для дальнейшего анализа.

Результаты

В качестве базовой спецификации я использовал авторегрессионную модель с распределённым лагом (*autoregressive distributed lag* — ADL) на очищенных от авторегрессионного и циклического компонентов данных:

$$Y_t = \alpha_0 + \alpha_1 Y_{t-1} + \beta_1 X_t + \beta_2 X_{t-1} + \varepsilon_t,$$

где Y_t — готовность принять участие в протестах с экономическими требованиями в текущий период;
 X — матрица предикторов для временных периодов t и $t - 1$,
 β_1 и β_2 — векторы коэффициентов,
 ε_t — случайные возмущения.

В таблице 2 представлены три модели: (1) с отложенными эффектами инфляции и безработицы, (2) с включением одновременных эффектов, а также (3) с панелью бинарных индикаторов для экзогенных

шоков (кризисы 1998 и 2008 гг., реформа монетизации льгот и пенсионная реформа, кампания «За честные выборы!» 2011–2012 гг. и президентская кампания А. Навального 2017–2018 гг.) и индикаторами президентских сроков Б. Ельцина и В. Путина. Результаты подтверждают гипотезы исследования: рост инфляции и безработицы имеют отложенный отрицательный эффект на готовность поддержать выступления с экономическими требованиями. Общественный оптимизм имеет как отложенный, так и одновременный эффект в предсказанном направлении: чем больше доля тех, кто думает, что страна движется в правильном направлении, тем меньше доля готовых присоединиться к коллективным действиям. Содержательно безработица имеет наиболее сильную связь с готовностью протестовать: рост показателя на 1 п. п. ведёт к ожидаемому росту протестных настроений на 1,13 п. п. в последующий период при контроле на другие переменные в базовой модели. Учитывая, что такого рода скачки (более 1 п. п.) составляют около 5% всех наблюдений, абсолютный эффект безработицы кажется незначительным, однако статистика по этому показателю в России зачастую занижена и может скрывать реальные масштабы колебаний данного показателя [Manning, Shkaratan 2018].

Согласно базовой модели рост индекса потребительских цен на 1 п. п. сопровождается ростом протестных настроений на 0,39–0,84 п. п. в следующем периоде. В полной модели этот показатель теряет свою значимость, но сохраняет предсказанное направление (исключение из модели инфляции и безработицы в период t «возвращает» статистическую видимость предиктора; таким образом, слабая значимость может быть связана с недостаточным количеством степеней свободы). Инфляционные шоки (рост инфляции на 1 п. п. в месячном выражении) составляют чуть больше 9% наблюдений; в отдельных случаях, таких как в сентябре 1998 г., когда инфляция составила 38 п. п. против 3,7 п. п. в августе, взрывной рост цен сопровождался ростом готовности протестовать на 6 п. п. — с 26% в июле до рекордных 33% в сентябре 1998 г. Таким образом, инфляция также является важным триггером готовности защищать свои экономические интересы.

Таблица 2

**Модель авторегрессии с распределённым лагом
(зависимая переменная: готовность к участию в протестах)**

Независимые переменные	Модель 1	Модель 2	Модель 3
Готовность $_{t-1}$	- 0,03 (0,08)	- 0,04 (0,08)	- 0,05 (0,08)
Направление страны $_t$	- 0,16*** (0,04)	- 0,16*** (0,04)	- 0,16*** (0,05)
Инфляция $_t$	—	0,14 (0,09)	0,14 (0,11)
Безработица $_t$	—	0,40 (0,68)	0,47 (0,72)
Направление страны $_{t-1}$	- 0,11*** (0,03)	- 0,11*** (0,03)	- 0,11*** (0,04)
Инфляция $_{t-1}$	0,63** (0,24)	0,45* (0,27)	0,44 (0,29)
Безработица $_{t-1}$	1,13** (0,54)	1,07** (0,54)	1,13** (0,56)
Свободный член	- 0,03 (0,26)	0,03 (0,27)	0,15 (0,69)
Dummy-контроль	Нет	Нет	Есть
Число наблюдений	137	137	137
Скорректированный R^2	0,18	0,18	0,15
Остаточная ошибка	2,93 ($df = 131$)	2,91 ($df = 129$)	2,97 ($df = 122$)
F-статистика	6,78*** ($df = 5; 131$)	5,33*** ($df = 7; 129$)	2,72*** ($df = 14; 122$)

Примечания: ^(a) Зависимая переменная: готовность к участию в протестах. * $p < 0,1$; ** $p < 0,05$; *** $p < 0,01$.

Наконец, общественный оптимизм также определяет состояние готовности протестовать в предсказанном направлении: увеличение доли позитивно настроенных в отношении направления движения страны сопровождается одновременным ожидаемым снижением готовности присоединиться к коллективным действиям на 0,16 п. п. Кроме того, если общественный оптимизм рос в предыдущем периоде, можно ожидать снижения готовности к коллективным действиям на дополнительные 0,11 п. п. в последующие периоды. Содержательно это означает, что если доля граждан, оптимистически настроенных относительно направления движения страны, увеличивается, массовая готовность протестовать снижается в кратко- и долгосрочной перспективах. Учитывая, что этот показатель весьма волатилен, его эффект может приобретать нетривиальные размеры; например, между февралём и мартом 2014 г. преобладание оптимистов над пессимистами выросло с 10 до 34 п. п. Рост на 24 п. п., согласно модели, должен был одновременно снизить долю готовых протестовать на 3,8 п. п.; кроме того, дополнительное снижение на 2,6 п. п. ожидалось в следующий период после «шока». По факту, доля готовых выступить на тот момент и так была незначительна (14%) и не изменилась в последующий период, что говорит, в том числе, об ограничениях данной статистической модели³.

Насколько устойчивы полученные результаты? Включение дополнительных двух лагов всех переменных сохраняет направление и значимость основных предикторов, кроме первого лага инфляции. Все последующие лаги не являются статистически значимыми. Альтернативой авторегрессивной модели с распределённым лагом является модель коррекции регрессивных остатков (*error-correction model*), которая использует изменения (разницу между двумя последовательными измерениями во времени) в переменных вместо их уровневых значений. Такая модель особенно полезна в ситуации коинтеграции, когда нестационарные временные ряды имеют стационарную линейную комбинацию, то есть временные ряды находятся в долговременном равновесии (*long-run equilibrium*) между собой: несмотря на колебания, они не «расходятся» во времени, а поддерживают некоторую среднюю дистанцию [De Boef, Keele 2008].

Формальные тесты на коинтеграцию между отдельными и всеми временными рядами не позволяют удостовериться в наличии долговременного равновесия; кроме того, теоретических оснований предполагать наличие долговременного равновесия между переменными в анализе также недостаточно, поэтому в основном анализе была использована модель авторегрессии с распределённым лагом. Однако применение модели коррекции регрессионных остатков (см. таблицу П.1) лишь подтверждает наличие кратковременной и отложенной связи изменений общественного оптимизма с изменениями в готовности протестовать, а также наличие отложенного положительного эффекта инфляционных шоков и роста безработицы, размер которых лишь увеличивается и становится более значимым ($p < 0,05$ для инфляции). Таким образом, полученные результаты достаточно устойчивы к альтернативным спецификациям статистической модели и позволяют со значительной долей уверенности говорить о наличии долговременной положительной связи между инфляцией, безработицей и готовностью протестовать, а также об отрицательном кратко- и долгосрочном негативном эффекте роста общественного оптимизма.

Заключение

Готовность россиян принять участие в массовых выступлениях против падения уровня жизни и в защиту своих прав значительно колебалась в постсоветский период. После пиковых значений в 1997–

³ Отдельно стоит отметить, что связанные переменные (*bounded variable*) ведут себя по-разному в зависимости от того, насколько их эмпирические значения близки к границам значений. Поскольку доля готовых принять участие в протестах не может быть отрицательной или близкой к нулю, снизить значение этой переменной в районе минимальных значений гораздо труднее, чем в районе среднего или максимумов. Подробнее о такого рода трудностях см. дискуссию в журнале «Political Analysis» за 2016 г. (24 (1)).

1998 г. она существенно снизилась в период правления Владимира Путина. Тем не менее экзогенные шоки (экономические кризисы, национальные кампании и чувствительные для населения реформы наподобие монетизации льгот в 2005 г. или пенсионной реформы в 2018 г.) вызвали всплеск готовности протестовать и в период правления Путина. Учитывая, что данный временной ряд лучше всего исследуется при помощи модели, включающей одновременно авторегрессионный компонент и скользящее среднее первого порядка, можно заключить, что данный процесс имеет сильную инерционную составляющую: будучи выведенной из «равновесия» шоковым воздействием, готовность протестовать некоторое время «накапливается», прежде чем вернуться к долгосрочному среднему уровню.

Тот факт, что значительные политические или экономические события меняют представления граждан о возможных стратегиях политического участия, не является неожиданным: исследования мобилизации в демократических и авторитарных режимах демонстрируют, что граждане не просто готовы выходить на улицы в результате кризисов любой природы, но и осуществляют своё право на протест в активной форме. Более интересным вкладом данной работы в текущую дискуссию является подтверждение связи между объективными экономическими процессами, которые связаны с экономическим благополучием, — инфляцией и безработицей — и готовностью присоединиться к коллективным действиям. Результаты статистического моделирования очищенных временных рядов однозначно свидетельствуют в пользу гипотезы об отложенном эффекте инфляционных шоков и роста безработицы на готовность протестовать (H1). Хотя ежемесячный рост безработицы или индекса потребительских цен на 1 п. п. является достаточно редким явлением в исследуемый период, в целом анализ свидетельствует о систематической связи между этими индикаторами.

Кроме объективных общественных показателей, имеет значение субъективное восприятие положения дел в стране. Общественный оптимизм, измеренный как разница между долями положительных и отрицательных ответов на вопрос о том, в каком направлении движется страна (в правильном или неправильном), имеет кратко- и долгосрочную связь с готовностью к массовым выступлениям (H2). Чем больше уверенность в том, что страна движется в правильном направлении, тем меньше доля готовых протестовать. Более того, этот эффект распределён во времени, а значит, действия правительства, поддерживающие общественный оптимизм, наподобие присоединения Крыма в 2014 г., имеют долгосрочный эффект, снижающий готовность протестовать. Данные результаты устойчивы к альтернативным спецификациям модели, что добавляет уверенности в их надёжности.

В целом исследование подтверждает наличие связи между экономическим благополучием и готовностью граждан защищать свои интересы. Состояние экономики, как показывают многочисленные исследования, в принципе, определяет готовность граждан поддерживать инкубентов. В данной статье демонстрируется, что помимо голосования, изменения в экономическом положении связаны с уровнем готовности к участию граждан во внеинституциональных формах политического действия, подтверждая тезис И. Макаллистера и С. Уайта о том, что «базис протестного потенциала составляет экономическая неудовлетворённость, а не политическое недовольство» [McAllister, White 1994: 614]. Дальнейшие исследования могут сфокусироваться на заявленных механизмах, а также на связи между готовностью и реальным участием в коллективных действиях. Наконец, интерес представляет количественная оценка эффекта государственных интервенций (таких, как существенные политические реформы или внешнеполитические инициативы) на готовность протестовать.

Приложение

Диагностика временных рядов в анализе

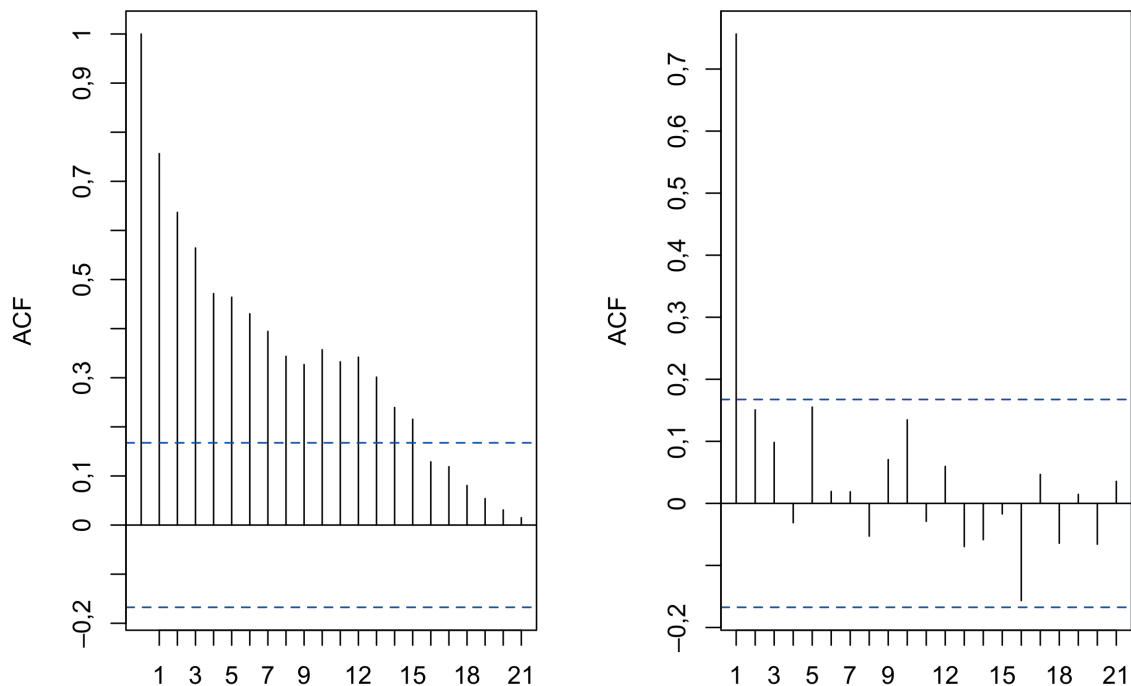

Рис. П.1. Функции автокорреляции и частичной автокорреляции (ACF/PACF) для переменной «Желание присоединиться к протестам с экономическими требованиями»

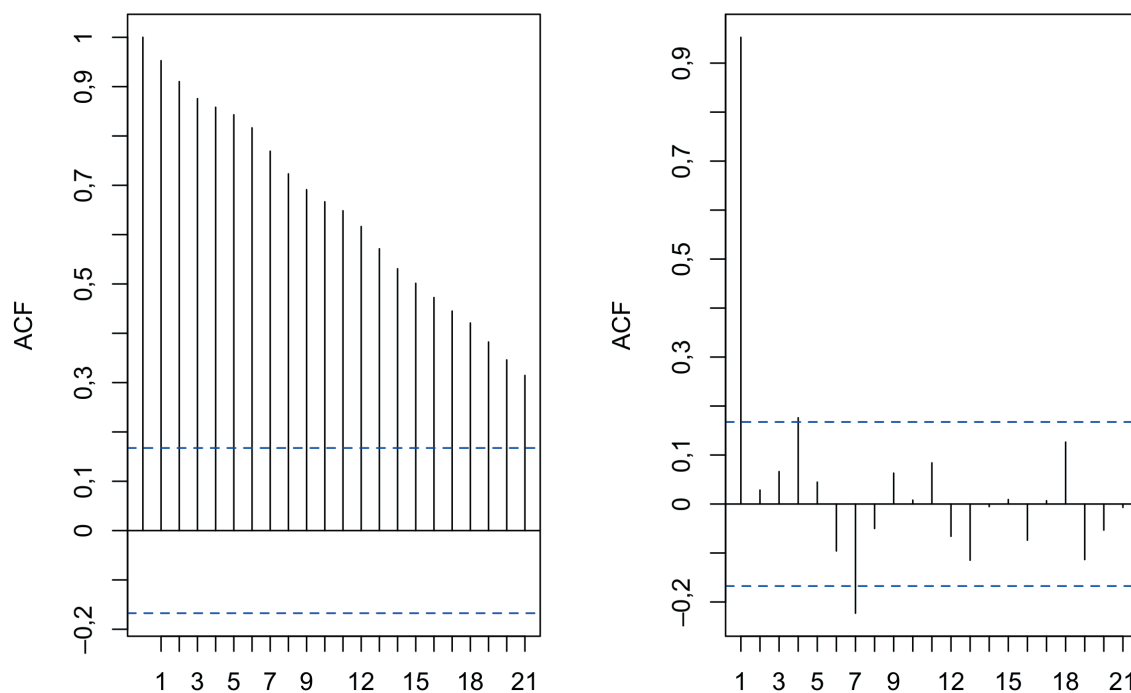

Рис. П.2. Функции автокорреляции и частичной автокорреляции (ACF/PACF) для переменной «Безработица»

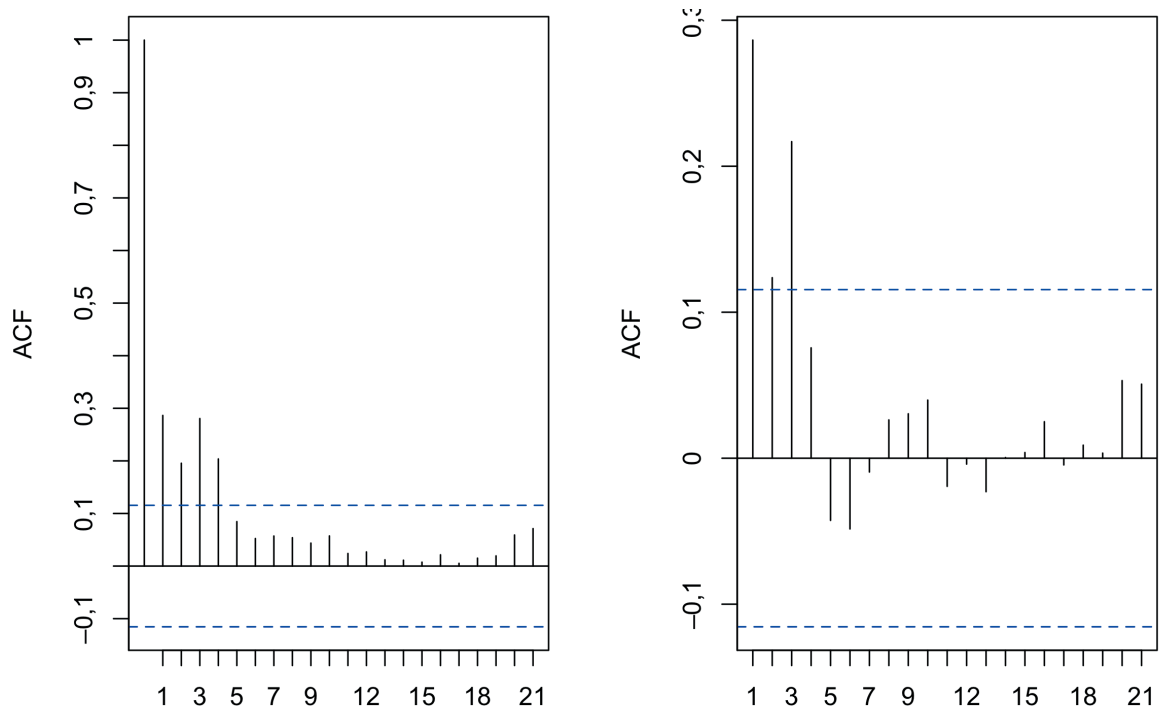

Рис. П.3. Функции автокорреляции и частичной автокорреляции (ACF/PACF) для переменной «Инфляция»

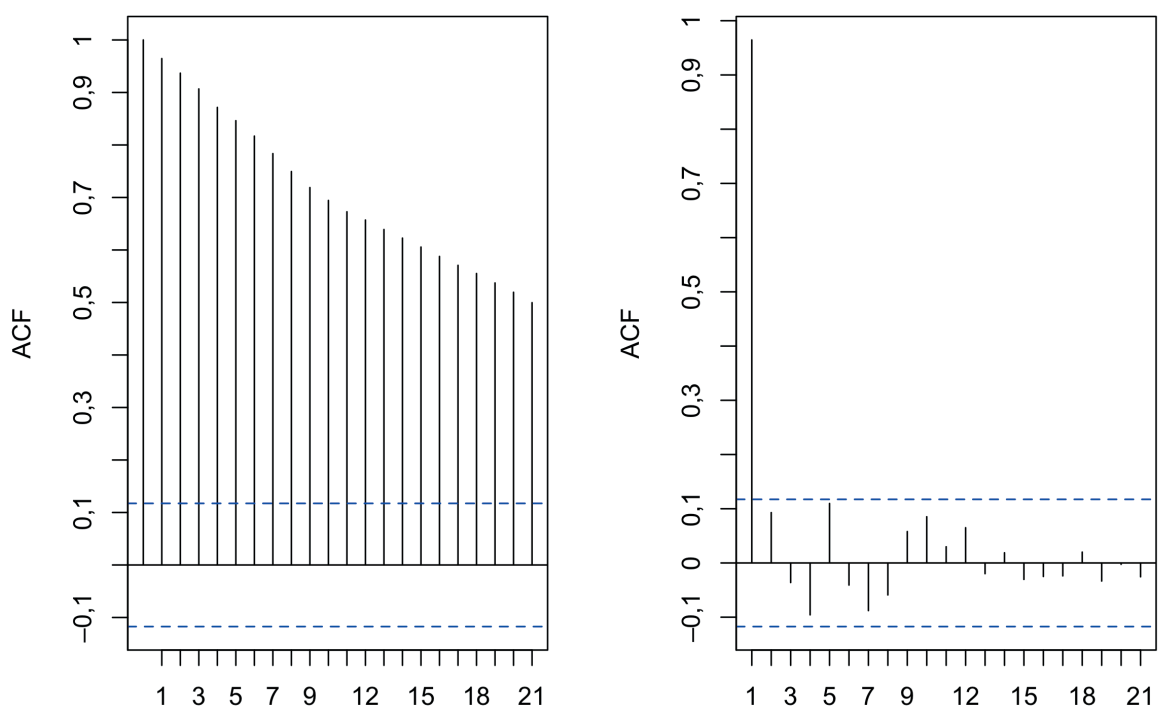
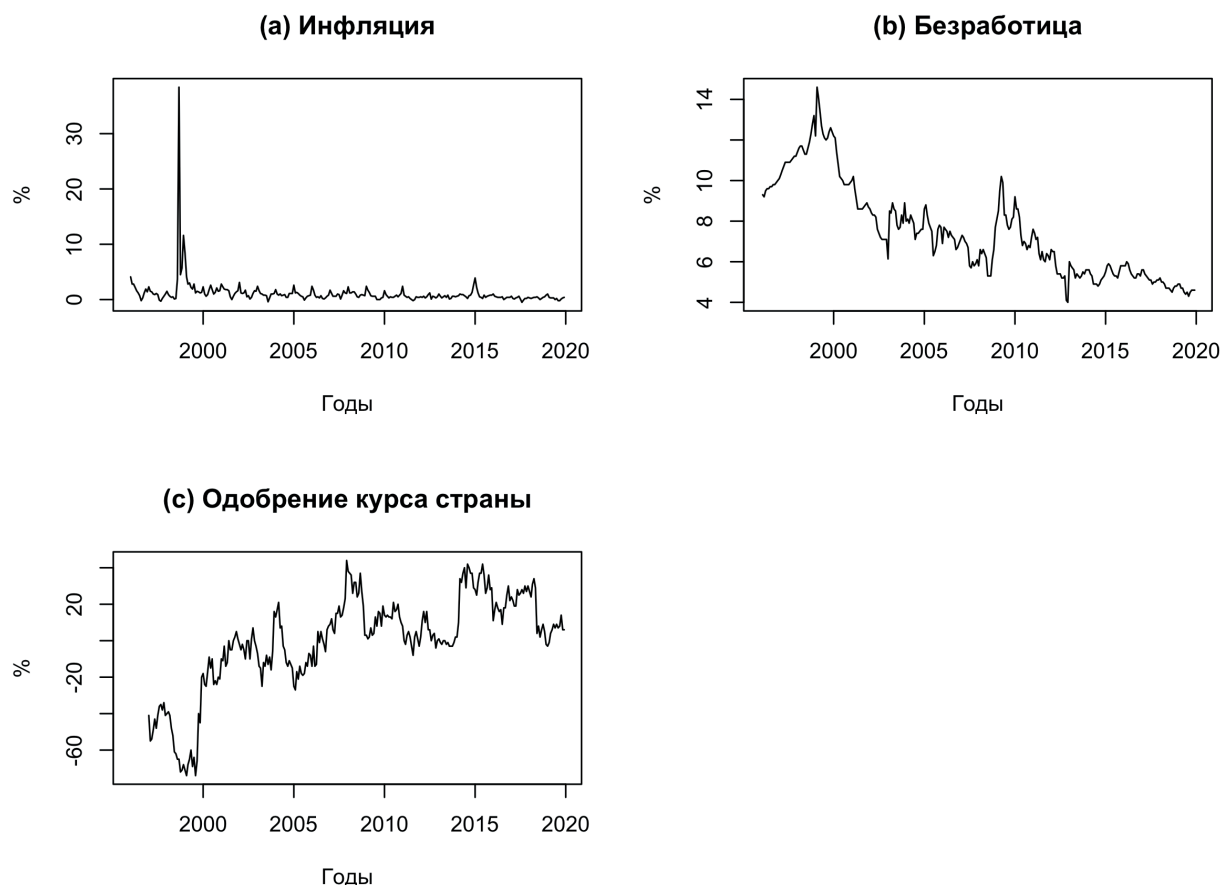

Рис. П.4. Функции автокорреляции и частичной автокорреляции (ACF/PACF) для переменной «Одобрение направления развития страны»

Источник: Статистические ряды 2020; Положение дел в стране 2020.

Рис. П.5 (а–с). Временные ряды для независимых переменных в анализе

Таблица П.1

Тестирование переменных на стационарность

Тесты	Переменные			
	Готовность участия в протестах	Инфляция	Безработица	Одобрение курса страны
DF I(1)	-2,30, $p < 0,5$	-4,62, $p < 0,01$	-2,52, $p = 0,36$	-2,79, $p = 0,25$
Phillips—Perron I(1)	-48,42, $p < 0,01$	-124,24, $p < 0,01$	-19,77, $p = 0,06$	-22,82, $p = 0,03$
KPSS I(0)	1,68, $p < 0,01$	0,58, $p = 0,02$	2,01, $p < 0,01$	1,67, $p < 0,01$

Примечание: Выделены тест-статистики с p -value < 0,05.

Литература

Положение дел в стране. 2020. URL: <https://www.levada.ru/indikatory/polozhenie-del-v-strane/>

Статистические ряды. 2020. Единый архив экономических и социологических данных. URL: <http://sophist.hse.ru/hse/nindex.shtml>

Радаев В. 2018. Миллениалы на фоне предшествующих поколений: эмпирический анализ. Социологические исследования. 3: 15–33.

- Bermeo N., Bartels L. (eds). 2014. *Mass Politics in Tough Times: Opinions, Votes and Protest in the Great Recession*. Oxford: Oxford University Press.
- Box-Steffensmeier J. et al. 2014. *Time Series Analysis for the Social Sciences*. New York: Cambridge University Press.
- Dalton R. 1996. *Citizen Politics in Western Democracies: Public Opinion and Political Parties in the United States, Great Britain, West Germany and France*. 2nd ed. Chatham, NJ: Chatham House.
- Dalton R. J., Welzel C. (eds). 2014. *The Civic Culture Transformed: From Allegiant to Assertive Citizens*. New York: Cambridge University Press.
- De Boef S., Keele L. 2008. Taking Time Seriously. *American Journal of Political Science*. 52 (1): 184–200.
- Dollbaum J. M., Semenov A., Sirotkina E. 2018. A Top-Down Movement with Grass-Roots Effects? Alexei Navalny's Electoral Campaign. *Social Movement Studies*. 17 (5): 618–625.
- Duch R., Stevenson R. 2008. *The Economic Vote: How Political and Economic Institutions Condition Election Results*. New York: Cambridge University Press.
- Fischer S., Huizinga J. 1982. Inflation, Unemployment, and Public Opinion Polls. *Journal of Money, Credit and Banking*. 14 (1): 1–19.
- Freeman J. R. 2016. Progress in the Study of Nonstationary Political Time Series: A Comment. *Political Analysis*. 24 (1): 50–58.
- Gandhi J., Reuter O. J. 2011. Economic Performance and Elite Defection from Hegemonic Parties. *British Journal of Political Science*. 44 (1): 83–110.
- Grant T., Lebo M. J. 2016. Error Correction Methods with Political Time Series. *Political Analysis*. 24 (1): 3–30.
- Grasso M. T. 2014. Age, Period and Cohort Analysis in a Comparative Context: Political Generations and Political Participation Repertoires in Western Europe. *Electoral Studies*. 33: 63–76.
- Gurr T. 1972. *Why Men Rebel?* Princeton: Princeton University Press.
- Hernández E., Kriesi H. 2016. The Electoral Consequences of the Financial and Economic Crisis in Europe. *European Journal of Political Research*. 55 (2): 203–224.
- Hibbs D., Jr. 1979. The Mass Public and Macroeconomic Performance: The Dynamics of Public Opinion toward Unemployment and Inflation. *American Journal of Political Science*. 23 (4): 705–731.
- Inglehart R. 2015. *The Silent Revolution: Changing Values and Political Styles among Western Publics*. Princeton: Princeton University Press.
- Inglehart R., Welzel C. 2005. *Modernization, Cultural Change, and Democracy: The Human Development Sequence*. New York: Cambridge University Press.

- Kramer G. H. 1983. The Ecological Fallacy Revisited: Aggregate-Versus Individual-Level Findings on Economics and Elections, and Sociotropic Voting. *The American Political Science Review*. 77 (1): 92–111.
- Lewis-Beck M., Stegmaier M. 2000. Economic Determinants of Electoral Outcomes. *Annual Review of Political Science*. 3 (1): 183–219.
- Manning N., Shkaratan O. 2018. *Work and Welfare in the New Russia*. New York: Routledge.
- McAdam D. 2010. *Political Process and the Development of Black Insurgency, 1930–1970*. Chicago: University of Chicago Press.
- McAllister I., White S. 1994. Political Participation in Postcommunist Russia: Voting, Activism, and the Potential for Mass Protest. *Political Studies*. 42 (4): 593–615.
- Rosenstone S. J. 1982. Economic Adversity and Voter Turnout. *American Journal of Political Science*. 26 (1): 25–46.
- Schäfer A., Streeck W. 2013. *Politics in the Age of Austerity*. New York: Polity Press.
- Semenov A. 2017. From economic crisis to political? Dynamics of contention in Russian Regions (2008–2012). *Austrian Journal of Political Science*. 45 (4): 33–43.
- Shin Y. 2017. *Time Series Analysis in the Social Sciences: The Fundamentals*. Berkeley: University of California Press.
- Shorter E., Tilly Ch. 1974. *Strikes in France 1830–1968*. New York: Cambridge University Press.
- Verba S., Nie N., Kim J.-O. 1978. *Participation and Political Equality*. Chicago: University of Chicago Press.
- Verba S., Schlozman K. L., Brady H. 1995. *Voice and Equality*. Cambridge: Harvard University Press.
- Volkov D. 2012. Putinism under Siege: The Protesters and the Public. *Journal of Democracy*. 23 (3): 5–62.

BEYOND BORDERS

Andrei Semenov

Arhythmic Tempo: Dynamics of Readiness to Join the Collective Actions in Russia (1996–2019)

SEMENOV, Andrei —

Candidate of Science in Politics, Senior Researcher, Center for Comparative History and Politics; Assistant Professor, Department of Political Science, Perm State University. Address: 614990, 15 Bukireva Str., Perm, Russian Federation.

Email: andreysesmenov@comparativestudies.ru

Abstract

The propensity of the public to protest is a dynamic process, the direction of which determines the level of political stability. Aggregate indicators of the readiness to act collectively against declining standards of life can be used as a thermostat that indicates the level of economic grievances in society. What explains these dynamics? Do incremental changes in objective economic indicators such as inflation or unemployment matter the most, or is it the subjective evaluation of the situation in the country that drives protest attitudes? In this paper, I argue that two mechanisms link inflation and unemployment to the readiness to join economic protests: first, high levels of both indicators increase the gap between actual and desired consumption levels; second, high levels of inflation and unemployment signal the lack of governmental competence. I also argue that the subjective evaluation of the direction of the country has an

independent effect on the aggregate level of readiness to join the collective actions with economic demands. Statistical analysis based on the autoregressive model with distributed lag (ADL) confirms the hypothesis of the consumer price index and unemployment's lagged impact on the readiness to protest, while public optimism exhibits both short- and long-term effects on the protest mood. The analysis also reveals the high level of persistence in the dynamics of protest attitudes. The study contributes to the discussion on the determinants of the mobilization and significance of objective and subjective economic grievances.

Keywords: protest; mobilization; economic grievances; political dynamics; inflation; unemployment; public optimism.

Acknowledgements

The study was conducted under financial support of Russian Foundation for Fundamental Research, project 19-011-00430 “Economic Hardships and Political Accountability in Electoral Authoritarian Regimes”.

The author thanks Margarita Zavadskaya, Vladimir Gel'man, the participants of seminars in Aleksanteri Institute (University of Helsinki) and European University at Saint-Petersburg, two anonymous reviewers and “Journal of Economic Sociology” editorial team for useful comments on the earlier versions of the article. The author also acknowledges the Academy of Finland mobility grant that allowed to develop the first draft of the paper.

References

- Bermeo N., Bartels L. (eds). (2014) *Mass Politics in Tough Times: Opinions, Votes and Protest in the Great Recession*, Oxford: Oxford University Press.
- Box-Steffensmeier J., Freeman J., Hitt M., Pevehouse J. (2014) *Time Series Analysis for the Social Sciences*, New York: Cambridge University Press.

- Dalton R. (1996) *Citizen Politics in Western Democracies: Public Opinion and Political Parties in the United States, Great Britain, West Germany and France*. 2nd ed., Chatham, NJ: Chatham House.
- Dalton R. J., Welzel C. (eds). (2014) *The Civic Culture Transformed: From Allegiant to Assertive Citizens*, New York: Cambridge University Press.
- De Boef, S., Keele, L. (2008) Taking Time Seriously. *American Journal of Political Science*, vol. 52, no1, pp. 184–200.
- Dollbaum J. M., Semenov A., Sirotkina E. (2018) A Top-Down Movement with Grass-Roots Effects? Alexei Navalny's Electoral Campaign. *Social Movement Studies*, vol. 17, no 5, pp. 618–625.
- Duch R., Stevenson R. (2008) *The Economic Vote: How Political and Economic Institutions Condition Election Results*, New York: Cambridge University Press.
- Fischer S., Huizinga J. (1982) Inflation, Unemployment, and Public Opinion Polls. *Journal of Money, Credit and Banking*, vol. 14, no 1, pp. 1–19.
- Freeman J. R. (2016) Progress in the Study of Nonstationary Political Time Series: A Comment. *Political Analysis*, vol. 24, no 1, pp. 50–58.
- Gandhi J., Reuter O. J. (2011) Economic Performance and Elite Defection from Hegemonic Parties. *British Journal of Political Science*, vol. 44, no 1, pp. 83–110.
- Grant, T., Lebo, M. J. (2016) Error Correction Methods with Political Time Series. *Political Analysis*, vol. 24, no 1, pp. 3–30.
- Grasso M. T. (2014) Age, Period and Cohort Analysis in a Comparative Context: Political Generations and Political Participation Repertoires in Western Europe. *Electoral Studies*, vol. 33, pp. 63–76
- Gurr T. (1972) *Why Men Rebel?* Princeton: Princeton University Press.
- Hernández E., Kriesi H. (2016) The Electoral Consequences of the Financial and Economic Crisis in Europe. *European Journal of Political Research*, vol. 55, no 2, pp. 203–224.
- Hibbs D., Jr. (1979) The Mass Public and Macroeconomic Performance: The Dynamics of Public Opinion toward Unemployment and Inflation. *American Journal of Political Science*, vol. 23, no 4, pp. 705–731.
- Inglehart R. (2015) *The Silent Revolution: Changing Values and Political Styles among Western Publics*, Princeton: Princeton University Press.
- Inglehart R., Welzel C. (2005) *Modernization, Cultural Change, and Democracy: The Human Development Sequence*, New York: Cambridge University Press.
- Kramer G. H. (1983) The Ecological Fallacy Revisited: Aggregate-Versus Individual-Level Findings on Economics and Elections, and Sociotropic Voting. *The American Political Science Review*, vol. 77, no 1, pp. 92–111.
- Lewis-Beck M., Stegmaier M. (2000) Economic Determinants of Electoral Outcomes. *Annual Review of Political Science*, vol. 3, no 1, pp. 183–219.

- Manning N., Shkaratan O. (2018) *Work and Welfare in the New Russia*, New York: Routledge.
- McAdam D. (2010) *Political Process and the Development of Black Insurgency, 1930–1970*, Chicago: University of Chicago Press.
- McAllister I., White S. (1994) Political Participation in Postcommunist Russia: Voting, Activism, and the Potential for Mass Protest. *Political Studies* vol, 42, no 4, pp. 593–615.
- Polozhenie del v strane [Developments in the Country] (2020) Available at: <https://www.levada.ru/indikatory/polozhenie-del-v-strane/> (accessed 17 January 2020) (in Russian).
- Radaev V. (2018) Millenialy na fone predshestvuyushchikh pokoleniy: empiricheskiy analiz [Millenials at the Bac Drop of the Previous Generations: Empirical Analysis]. *Sociological Studies = Sotsiologicheskie Issledovaniya*, no 3, pp. 15–33 (in Russian).
- Rosenstone S. J. (1982) Economic Adversity and Voter Turnout. *American Journal of Political Science*, vol. 26, no 1, pp. 25–46.
- Schäfer A., Streeck W. (2013) *Politics in the Age of Austerity*, New York: Polity Press.
- Semenov A. (2017) From Economic Crisis to Political? Dynamics of Contention in Russian Regions (2008–2012). *Austrian Journal of Political Science*, vol. 45, no 4, pp. 33–43.
- Shin Y. (2017) *Time Series Analysis in the Social Sciences: The Fundamentals*, Berkeley: University of California Press.
- Shorter E., Tilly Ch. (1974) *Strikes in France 1830–1968*, New York: Cambridge University Press.
- Statisticheskie ryady [Statistical Time-Series] (2020) *United Archive of Economic and Sociological Data*. Available at: <http://sophist.hse.ru/hse/nindex.shtml> (accessed 17 January 2020) (in Russian).
- Verba S., Nie N., Kim J.-O. (1978) *Participation and Political Equality*, Chicago: University of Chicago Press.
- Verba S., Schlozman K. L., Brady H. (1995) *Voice and Equality*, Cambridge: Harvard University Press.
- Volkov D. (2012) Putinism under Siege: The Protesters and the Public. *Journal of Democracy*, vol. 23, no 3, pp. 55–62.

Received: August 8, 2019

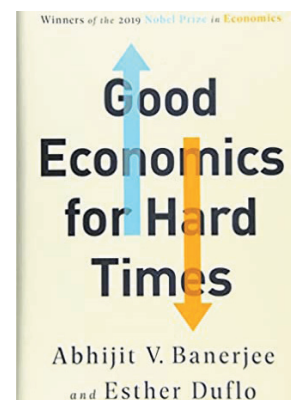
Citation: Semenov A. (2020) Nerovnyy temp: dinamika gotovnosti k ekonomicheskim protestam v Rossii (1996–2019) [Arhythmic Tempo: Dynamics of Readiness to Join the Collective Actions in Russia (1996–2019)], *Journal of Economic Sociology = Ekonomicheskaya sotsiologiya*, vol. 21, no 4, pp. 107–124. doi: 10.17323/1726-3247-2020-4-107-124 (in Russian).

НОВЫЕ КНИГИ

Н. Н. Мещерякова

Социальные последствия липкой экономики

Рецензия на книгу: Banerjee A. V., Esther D. 2019. *Good Economics for Hard Times: Better Answers to Our Biggest Problems*. New York: Public Affairs. 432 p.

МЕЩЕРЯКОВА

Наталья

Николаевна — доктор

социологических наук, профессор Национального исследовательского Томского

политехнического

университета. Адрес:

Россия, 634050, Томск, проспект Ленина, д. 30.

Email: natalia.tib@mail.ru

Книга «*Good Economics for Hard Times: Better Answers to Our Biggest Problems*» («Приемлемая экономика для трудных времён: лучшие решения для сложнейших задач») — ответ нобелевских лауреатов по экономике (2019 г.) Абхиджита Банерджи и Эстер Дюфло на фундаментальные вызовы современности. На страницах книги её авторы затрагивают следующие вопросы: почему экономисты и другие социальные исследователи предлагают неэффективные ответы на глобальные вызовы? В чём опасность стереотипного мышления и устаревших экономических схем и теорий? Почему нельзя полагаться только на интуицию учёного, в чём сила кропотливых социальных исследований, основанных на экспериментальных методах, тщательной обработке фактов? Почему сегодня нет универсальных рецептов экономического роста и каждый национальный вариант социально-экономического развития становится, по сути, уникальным? Какую роль в этом варианте играют традиции и ценности? Почему рост неравенства по доходу превращается в поляризацию идеологий и политических позиций, ведёт к росту нетерпимости, расизму, трайбализации и проч.? Как идеологические подходы и популизм становятся искажающей линзой реальности? Почему гнев и отчаяние, связанное с личными травмами и неудачами, превращаются в антииммигрантскую риторику и возведение разделительных стен на государственных границах? Почему идея безусловного базового дохода не находит эмпирического подтверждения, и чем её можно заменить?

Всех читателей и исследователей, кто интересуется данными проблемами, ждёт масштабное, тщательное исследование, основанное на обобщении и анализе обширного круга прикладных исследований широчайшего регионального охвата. Авторы книги стремятся освободиться от довлеющих в науке стереотипов, опираться только на факты и их экспериментальное подтверждение. Книга написана очень лёгким — но не легковесным — языком, с определённой долей юмора.

Ключевые слова: липкая экономика; трайбализация; поляризация; неравенство; иммиграция; безусловный базовый доход.

Абхиджит Винаяк Банерджи и Эстер Дюфло стали в 2019 г. лауреатами Нобелевской премии по экономике. Уже это обстоятельство подогревает интерес к их новой книге, вышедшей в том же 2019 г. и посвящённой ответу

на вопрос, какая экономика будет хороша для наших трудных времён. Но это не чисто экономическая работа. Как написали сами авторы в последнем предложении своей книги, «экономика слишком важна, чтобы оставлять её только экономистам» [Banerjee, Duflo 2019: 326]. Книга представляет собой масштабное и по глобальности вопросов, и по охвату мировой территории междисциплинарное исследование. В центре внимания этого исследования находится вопрос о том, как экономика влияет на общество, а общество — на экономику. Сразу же приоткрою завесу над позицией авторов: разобраться в приоритетах этого влияния, по их мнению, всё равно что ответить на извечный вопрос о курице и яйце. Но прослеживание этой взаимообусловленности — дело интереснейшее, которое мы предпринимаем вместе с ними.

Авторам, как и многим другим исследователям сегодня [Harcourt, Fassin 2019], свойственно катастрофичное ощущение мира. Тревожность порождает взрывообразный рост неравенства, экологические и политические катастрофы и набор банальностей в наших руках, предназначенных для того, чтобы всего этого избежать. Рецензируемая книга о том, почему экономисты терпят неудачи, а политики ослепляют нас. Учёные с целью построения более гуманного мира пытаются написать рецепт хорошей экономики. Но постановке диагноза на страницах своих исследований они уделяют больше времени и внимания, чем рецептам лечения.

Одним из центральных понятий в книге является «липкая экономика», то есть негибкая, неэластичная. «Липкий» — это общий экономический термин, который может быть приложен к любой переменной, устойчивой к изменениям. В российской исследовательской литературе широкого хождения это понятие не имеет, тем более интересно, что вкладывают в него авторы рецензируемой книги. А они используют его шире, чем это принято, не только применительно к финансовым переменным.

Итак, что же не так с мировой экономикой и обществом?

Откажитесь от стереотипов мышления

Интереснейшие страницы книги посвящены развенчанию годами существующих в науке стереотипов мышления. Делается это на конкретных примерах, показывающих отрицательные стороны закона спроса и предложения, влияния мировой торговли на рост неравенства и др. Больше всего достаётся забронзовевшим экономическим теориям, составляющим основу классического экономического образования, но не имеющим подтверждения в реальности. По крайней мере, в сегодняшней реальности. Но такие теории зачастую ложатся в основу принимаемых управленческих решений.

Например, действительно ли валовой внутренний продукт на душу населения является главным показателем благополучия общества? Авторы книги предостерегают от упрощенного подхода к оценке благосостояния по доходу или уровню потребления. «Нам нужно гораздо больше, чтобы иметь полноценную жизнь; нам требуются уважение общества, комфортная жизнь для семьи и друзей, возможность сохранять чувство собственного достоинства, деликатность, удовольствие. Сосредоточенность на одном только доходе — это не просто удобный ярлык, это искажающая линза, которая часто ведёт самых умных экономистов по неверному пути, политиков — к неправильным решениям, а слишком многих из нас — к ошибочным навязчивым идеям» [Banerjee, Duflo 2019: 9]. Стремление к безудержному росту экономики и ВВП как его выражению оказалось причиной конфликта между экономическим ростом и сохранением экологического баланса планеты.

Между тем *эпоха экономического роста закончилась*. Для развитых стран она завершилась ещё в 1970-е гг. И только экономики догоняющего типа развития поддерживают иллюзию, что всё ещё возможно. Анализ истории мировой цивилизации говорит о том, что бурный экономический рост — это

как раз исключение из правила. Тридцать лет после окончания Второй мировой войны, до кризиса ОПЕК в 1973 г., — это Славное тридцатилетие (*The Glorious Thirty*), когда ВВП на душу населения в Европе ежегодно увеличивался на 3,8%. Но кто сказал, что так будет всегда?

Как полагают Банерджи и Дюфло, мало что можно будет сделать с долгосрочным ростом, когда процесс накопления капитала исчерпает свои возможности и его доходность будет достаточно низкой; а рост экономики достаточно трудно измерить. Например, как оценить новые технологии социальных медиа — Facebook, Instagram, Twitter — по их «реальной стоимости» и включить эту составляющую в ВВП? Авторы книги считают, что экономический рост вообще находится вне нашего контроля и, учитывая это, возможно, пришло время отказаться от одержимости им. Самый важный вопрос, на который экономисты могут с пользой ответить в богатых странах, заключается не в том, как сделать эти страны ещё богаче, а в том, как улучшить качество жизни их среднего гражданина. Хотя экономисты могли бы сказать что-то полезное и о развивающемся мире, где рост иногда сдерживается вопиющим злоупотреблением экономической логикой.

Мы до сих пор пребываем в мире стереотипов, согласно которым граждане богатых стран живут в ожидании бесконечного и постоянно растущего процветания, а политические лидеры привыкли измерять свой успех с точки зрения одного критерия — темпа роста валового внутреннего продукта страны. Это подталкивает их к дружественной бизнесу (*business friendly*) политике, которую авторы книги характеризуют как политику для богатых и против бедных. Хотя идея о том, что снижение налогов для богатых ведёт к экономическому росту, после многолетних повторений видными экономистами стала мантрой, основанной на интуиции: накопленные за эти же десятилетия данные не подтверждают её.

Вместе с тем навязчивая идея роста, лежащая в основе революции Рейгана—Тэтчер, с которой ни один из последующих мировых политических лидеров не стал спорить, нанесла длительный ущерб. И последствия приоритета экономического роста лежат прежде всего в плоскости социальных отношений. Политика помощи чрезмерно зависимым корпорациям и снижения налогов для богатых в таких странах, как США, Великобритания, Ирландия, привела к чрезмерной поляризации общества и социальной катастрофе. В то же время в таких странах, как Дания, Германия и ряд других, где планка налогообложения богатых не снижалась, подобных негативных тенденций в обществе исследованиями не фиксируется.

Коснёмся ещё одного стереотипа, который лежит, скорее, в плоскости идеологии, чем экономики, хотя обосновывается экономическими терминами. Авторы книги анализируют расхожее мнение, которое называют «соблазнительный силлогизм». Оно опирается на хрестоматийный закон спроса и предложения и кажется простым и очевидным. Выглядит это мнение так: уровень жизни в странах Запада выше, чем в других регионах мира, поэтому все стремятся сюда. Приезжие переполняют рынок труда, соглашаются на работу за более низкую оплату, чем местное население, тем самым занимая его рабочие места и снижая уровень жизни. Этой риторикой охотно пользуются политики; её логика проста, соблазнительна и ошибочна, считают авторы книги.

Банерджи и Дюфло, опираясь на конкретные эмпирические исследования, опровергают два взаимосвязанных заблуждения. Первое: всё население мира стремится переселиться в богатые страны Запада. На ряде примеров авторы книги показывают, что бегут ни от нищеты, а от насилия, когда оставаться в родных местах просто опасно. Экономические стимулы сами по себе часто недостаточны, чтобы заставить людей двигаться. Опровергая второе заблуждение, авторы доказывают, что даже относительно большой приток низкоквалифицированных мигрантов не наносит серьёзный ущерб местному населению, в том числе наиболее похожему на мигрантов с точки зрения квалификации.

Почему классическая теория спроса и предложения — чем больше у вас чего-то, тем ниже цена — не применима к иммиграции?

Во-первых, приток новой группы работников, как правило, увеличивает общий потребительский спрос, поскольку новички тратят деньги: ходят в магазины и рестораны, стригутся и проч. Это создаёт рабочие места, и, в основном, рабочие места для других низкоквалифицированных людей, а также компенсирует изменение предложения рабочей силы, оставляя заработную плату и безработицу неизменными.

Во-вторых, низкоквалифицированная миграция может повысить спрос на рабочую силу, поскольку она замедляет процесс механизации. Перспектива надёжного снабжения низкооплачиваемыми рабочими делает менее привлекательным внедрение трудосберегающих технологий.

В-третьих, там, где было больше мигрантов, больше местных низкоквалифицированных работников перешли с ручной работы на нематериальную и сменили работодателей. При этом они также перешли на работу с более сложными задачами, которая требовала большего объёма коммуникации и технического содержания. Иными словами, такая ситуация косвенно способствует росту социального капитала местного населения.

В-четвёртых, мигранты готовы выполнять задачи, которые местные жители решают неохотно; например, они косят газоны, переворачивают гамбургеры, заботятся о нуждах младенцев или больных людей. Потому, когда число мигрантов растёт, цены на эти услуги, как правило, снижаются, что помогает местным рабочим и освобождает их для выполнения других работ. Высококвалифицированные женщины, в частности, имеют больше шансов выйти на работу, когда вокруг много мигрантов. Выход высококвалифицированных женщин на рынок труда, в свою очередь, повышает спрос на низкоквалифицированную рабочую силу (уход за детьми, питание, уборка).

Таким образом, влияние миграции на экономику и общество столь сложное, что описывать его в терминах спроса и предложения значит упрощать данный феномен до потери объяснительной теорией своей силы. Исследователи полагают, что, несмотря на мнение Карла Маркса (удар ещё по одной фундаментальной теории), труд не является обычным товаром. Необходимо тщательное и без стереотипов описание причинно-следственных отношений между социальными и экономическими явлениями.

Опросы в США показывают, что чем меньше иммигрантов живёт в штате, тем меньше их любят. Почти половина жителей штатов, где почти нет иммигрантов, таких как Вайоминг, Алабама, Западная Вирджиния, Кентукки и Арканзас, считают, что иммигранты представляют угрозу для американской культуры и ценностей [Jones et al. 2016]. Это говорит о том, что беспокойство связано с потерей идентичности, а не только с экономикой.

Чем опасны стереотипы? Политические решения, принятые на столь шатких основаниях, ведут отдельные общества к социальной катастрофе. Жёсткая политика, направленная на поддержание экономического роста и объёмов ВВП, способствовала резкой поляризации изучаемых обществ. Авторы противопоставляют как положительный опыт политических решений, касающийся экономического развития в таких странах, как Дания, Швеция, Нидерланды, Германия, опыту США, Великобритании и предостерегают на примерах этих последних развивающиеся страны.

Главные опасности современного общества

Поляризация, которая более всего беспокоит исследователей, касается в первую очередь уровня дохода. Она выражается в том, что богатые становятся ещё богаче, а остальные, по меньшей мере, стагнируют.

С 1990 г. абсолютные показатели бедности, доля тех, кто живёт менее чем на 1,90 дол. в день, сократились вдвое. Это, конечно, связано и с тем, что определение крайней нищеты, которое используется мировым сообществом, устанавливает слишком низкую планку. Тем не менее нижние 50% мирового населения выиграли от мирового роста, подъёма некоторых национальных экономик и реализации международных программ по снижению уровня абсолютной бедности. Ещё более выиграли 1% самых состоятельных людей в богатых странах (плюс растущее число сверхбогатых в развивающихся странах), которые в совокупности обеспечили поразительные 27% общего роста мирового ВВП. Единственные, кто практически ничего не получил, это средние 49%, включая почти всех жителей Европы и Соединённых Штатов [Alvaredo et al. 2018].

Банерджи и Дюфло полагают, что мы живём в экономике, в которой «победитель получает всё». Те, кому посчастливилось оказаться в нужное время в нужном месте, иметь нужные навыки или руководствоваться правильными идеями, становились богатыми, иногда — сказочно богатыми, умея извлекать выгоду из возможности использовать свои особые таланты в глобальном масштабе. Для остальных всё не так радужно. Высококвалифицированные работники, в первую очередь связанные со сферой IT, получают все дивиденды современного уровня технологического и социально-экономического развития. Они выигрывают даже от новых технологий (искусственный интеллект, роботы и автоматизация в целом), которые лишают рабочих мест множество других категорий работников. Рост доходов ведёт к появлению новых рабочих мест — поваров и шофёров, садовников и нянь, но это рабочие места с низкой доходностью, и разрыв в её уровне только нарастает.

Ещё одной мантрой последних десятилетий в социальных науках является рост мобильностей [Urry 2000]. Но конкретные эмпирические исследования показывают, что если в 1950-х гг. 7% населения США ежегодно переезжало в другой округ, то в 2018 г. переселенцев было уже меньше 4%. Спад начался в 1990 г. и ускорился в середине 2000-х. Побережье привлекает всё больше и больше образованных работников, в то время как менее образованные, по-видимому, концентрируются в глубине страны, особенно в старых промышленных городах на востоке. Исследователи объясняют это тем, что для невысококвалифицированных работников непомерные расходы прежде всего на жильё в богатых городах перевешивают бóльшие, чем в бедных штатах, доходы от оплаты труда. Межпоколенческая мобильность также в США резко снизилась, и в настоящее время она здесь существенно ниже, чем в Европе.

Прибыль и тяготы оказались очень неравномерно распределены, и наряду с миграцией они определяют современный политический дискурс. Многие в США и Великобритании недовольны своим экономическим положением, склонны винить в этом иммиграцию и либерализацию торговли, а не растущее перераспределение ресурсов в пользу очень богатых.

Поляризация, связанная с неравномерным распределением совокупного общественного блага, проявляется и в тенденции занимать и выражать крайние позиции в политическом дискурсе. В политической сфере авторы книги выделяют такой феномен, как трайбализация. Она выражается не только в единстве политических взглядов, но и социальных; по крайней мере, это установлено среди жителей США опросными методами. Американцы сходятся, «как гроздь винограда» [Hawkins et al. 2018], во взглядах на распределение ролей между мужчинами и женщинами, по вопросам иммиграции и торговли, налогов и роли правительства. Принадлежность к этому условному племени единомышленников является предпосылкой их электорального поведения в большей степени, чем доход, пол или возраст.

Резкая сегментация электората гораздо глубже, чем просто политические разногласия. Американцы разных политических оттенков дошли до ненависти друг к другу. В 1960 г. примерно 5% республиканцев и демократов сообщили, что они будут недовольны, если их сын или дочь вступят в брак вне их политической партии. К 2010 г. почти 50% республиканцев и более 30% демократов «чувствовали

себя несколько или очень несчастными», оказавшись в ситуации межпартийного брака [Iyengar, Sood, Lelkes 2012].

Авторы книги пишут, что, по мере того, как люди теряют способность слушать друг друга, демократия становится менее значимой и приближается к переписи различных племён, каждое из которых голосует больше на основе племенной лояльности, чем разумного баланса приоритетов. Политическая полемика становится всё более агрессивной. Неприкрытая враждебность по отношению к людям других рас, вероисповеданий, национальностей и даже полов стала основной чертой популистских лидеров во всём мире. Тот факт, что избиратели ставят во главу угла расу, этническую принадлежность или религию, вовсе не означает, по мнению авторов, что они пафосно относятся к этим характеристикам. Избиратели понимают, что политические лидеры предпочитают разыгрывать этническую или расовую карту, когда это удобно. Одна из причин, по которой они всё ещё голосуют за этих политиков, заключается в глубоко циничном отношении к политической системе, поскольку, по их глубокому убеждению, все политики более или менее похожи. Другими словами, этническое или фанатичное голосование часто является просто выражением безразличия.

Правительства делают очень мало для решения самых насущных проблем современности, в частности, для сокращения поляризации населения по доходу¹. Это питает гнев и недоверие, разрушает общественный договор, делает нас неспособными действовать сообща. Рост неравенства лежит в основе роста социальной напряжённости и ощущения несчастья.

Ущемлённое достоинство и гнев

Большинство американцев, чьи зарплаты и доходы стагнировали, а сами они сталкиваются с постоянно увеличивающимся разрывом между богатством, которое они видят вокруг себя, и финансовыми проблемами, которые испытывают, встают перед выбором: взять ответственность на себя за то, что они не извлекают выгоду из возможностей, которые, по их мнению, предлагает им общество, или возложить её на кого-то, кого можно обвинить в краже их рабочих мест.

Выбор не такой простой. Исследования показывают, что в США произошли беспрецедентный рост смертности среди малообразованных белых в среднем возрасте и снижение их ожидаемой продолжительности жизни. Во всех расовых группах в США, кроме белых, смертность снижается. Иные англоязычные страны, придерживающиеся в целом схожей с США социальной модели, а именно Великобритания, Австралия, Ирландия и Канада, также претерпевают аналогичные изменения, хотя и более медленно. Во всех других богатых странах смертность снижается, и происходит это быстрее для необразованных групп населения, где она изначально была ниже, чем для образованных. Как доказывают исследования, рост смертности среди белых мужчин и женщин среднего возраста в Америке обусловлен устойчивым ростом так называемых смертей от отчаяния — от алкогольных и наркотических отравлений, самоубийств, цирроза печени как результата алкоголизма, а также замедлением прогресса в борьбе со смертельными заболеваниями [Case, Deaton 2017].

Банерджи и Дюфло не считают такое положение вещей результатом низких (или неравных) доходов как таковых. В конце концов, положение чернокожих в экономическом плане за этот период не улучшилось, и на них низкие доходы не влияют. Также не было никакого всплеска смертности в Западной Европе даже после стагнации доходов во время Великой рецессии. Среди менее образованных белых американцев любого возраста каждая последующая когорта была более склонна к трудностям в общении, из-

¹ Имеются в виду те страны, которые отказались от повышенного налогообложения сверхдоходов, в первую очередь — США.

быточному весу, психическим расстройствам и симптомам депрессии, а также к обострению хронических заболеваний. Именно совокупный потенциал этих проблем и привёл к росту смертности. В целом белый рабочий класс, не получивший высшего образования, рухнул после 1970-х гг., и это, вероятно, было результатом специфического неравномерного экономического роста, который пережила страна.

Но альтернатива отчаянию — гнев. Когда общий рост либо останавливается, либо не приносит пользы среднему обывателю, необходим козёл отпущения. Это особенно верно для Соединённых Штатов, но происходит и в Европе. Излюбленные многими политиками и более широкой общественностью отвлекающие факторы — иммигранты и открытая торговля. Ещё раз повторим, что простые обыватели в своих личных несчастьях винят «понаехавших», а не перераспределение ресурсов в пользу самых богатых. Белые лишаются работы. Социальные обстоятельства сближают их с чёрными, обостряется чувство превосходства и униженности одновременно, это поворачивается против чёрных же. Взгляды радикализуются.

Сквозная тема рецензируемой книги: неразумно ожидать, что рынки всегда будут давать справедливые, приемлемые или даже эффективные результаты. «Дух этой книги состоит в том, чтобы подчеркнуть: нет никаких железных законов экономики, мешающих нам построить более гуманный мир, но есть много людей, чьи слепая вера, личные интересы или простое непонимание экономики заставляют утверждать, что это так» [Banerjee, Duflo 2019: 256]. Авторы предлагают отказаться от десятилетиями довлеющих стереотипов наподобие стремления к бесконечному росту ВВП и присмотреться тщательнее к накопленному опыту частных социальных программ, по участию в которых у авторов богатый опыт.

Нет универсальных рецептов развития экономики

Учёные не сторонники идеи универсального развития мирового рынка. Весь их масштабный опыт эмпирических исследований бедности в первую очередь говорит: то, что работает в одной экономике и одном обществе, не работает в других. И объяснить каждый такой частный случай можно, только тщательно проанализировав соответствующий кейс.

На практике большое значение имеют идеи и ценности. Зачастую именно они определяют тот или иной выбор, а не рациональные соображения. Вдохновлённые новыми экологическими и этическими принципами, некоторые известные бренды в наши дни навязывают стандарты качества продукции сверх любых нормативных требований и рациональных соображений, что ещё больше затрудняет выход на рынок новых стран-экспортёров. Исследователи на большом объёме материала и на конкретных примерах доказывают, что от свободной торговли выигрывают те, кто раньше других преуспел и захватил рынок, имеет определённую репутацию.

Учитывая этнические корни Абхиджита Банерджи, авторы уделили много внимания индийской экономике. Неэффективность индийского менеджмента, несмотря на все успехи последних десятилетий, они объясняют отсутствием внутреннего стимула к росту, значимостью неэкономических соображений (например, лучше оставить фирму сыну, даже если он и не очень хороший специалист, чем нанять внешнего управляющего, и проч.). Традиционализм, пережитки кастовости — это то, с чем невозможно не считаться в данной стране. В Индии молодёжь, получившая образование, претендует на работу в государственной или квазигосударственной организации (например, в банке государственного сектора). Заявки на 90 тыс. низкооплачиваемых рабочих мест на государственных железных дорогах подали 28 млн человек [Dasgupta 2018]. Государственных вакансий на всех не хватает, и молодые люди предпочитают сидеть дома в ожидании работы, которая им вряд ли достанется, хотя семьи не могут себе позволить их содержать. Иная работа их не устраивает: слишком много часов, слишком много времени, проведённого стоя, слишком много переходов с одного места на другое, слишком мало зар-

платы. Авторы книги пишут, что отчасти проблема связана с несоответствием ожиданий. Но рынки труда, замороженные таким радикальным несоответствием, растрачивают ресурсы впустую.

Ценности, какими бы они ни были, в большей степени определяют мнения и поведение, чем рациональные соображения. В этом смысле Макс Вебер, ожидавший, что целерациональное поведение будет подменять собою ценностно-рациональное, оказался не прав.

Что можно учесть для России

Книга удивительным образом игнорирует Российскую Федерацию. Тем более удивительным, что Эстер Дюфло начинала свою академическую карьеру, изучая советскую экономику. Её магистерская диссертация посвящена истории первой пятилетки в СССР. В 1991 г. Эстер была на улицах Москвы среди протестующих против ГКЧП. Но, если не считать частного экономического правила «Вы делаете вид, что нам платите; мы делаем вид, что работаем», российский опыт в книге не учтён. Это не означает, что книга не интересна и не имеет значения для российского читателя. Скорее всего, широчайший эмпирический материал, который они столь скрупулёзно проанализировали на примере других стран, им был просто недоступен по России. Тот же вопрос встаёт перед российскими социологами и экономистами: где материалы полевых исследований и результаты применения экспериментальных методик? Есть ли программы адресной поддержки малоимущих семей и научный анализ эффективности этих мер?

Лауреаты Нобелевской премии по экономике считают, что ВВП — это средство, а не цель. Несомненно, полезное средство, особенно когда оно создаёт рабочие места, повышает заработную плату или пополняет государственный бюджет, чтобы потом его перераспределить. Но конечной целью остаётся повышение качества жизни среднего человека, и особенно самого бедного. А качество жизни — это больше, чем просто потребление. Большинство людей хотят сохранять достоинство и уважение. Они заботятся о здоровье своих родителей, об образовании своих детей, о том, чтобы их голоса были услышаны, и о том, чтобы иметь возможность осуществлять свои мечты. Более высокий ВВП может быть одним из способов достижения таких целей, но только *одним из способов*, и нет доказательств, что лучшим. На самом деле, качество жизни в разных странах со средним уровнем дохода очень сильно различается. Например, Шри-Ланка имеет более или менее тот же ВВП на душу населения, что и Гватемала, но материнская, младенческая и детская смертность в Шри-Ланке намного ниже (и сопоставима с США).

Авторы книги доказывают, что значительные успехи последних десятилетий достигнуты путём сосредоточения политики на конкретных результатах, даже в тех странах, которые были и остаются очень бедными. Нужно обратить внимание на ключевые проблемы и понять, что работает для их решения. Это кропотливая работа. Вложение денег само по себе не обязательно даёт реальное образование или крепкое здоровье. Но хорошая новость заключается в том, полагают авторы, что они знают, как добиться прогресса. Одним из больших преимуществ внимания к чётко определённым мероприятиям является то, что эти стратегии имеют измеримые цели, поэтому могут быть прямо оценены. С такими мероприятиями можно экспериментировать, отказываясь от тех, которые не работают, и совершенствуя те, которые имеют положительный потенциал.

Авторы сожалеют (и мы вполне можем к ним присоединиться), что основная часть ресурсов НИОКР в наши дни направлена на машинное обучение и другие методы больших данных, предназначенные для автоматизации существующих задач, а не на исследование потенциала новых рабочих мест, например. Упор на автоматизацию существующих рабочих мест повышает вероятность того, что нынешняя волна инноваций нанесёт серьёзный ущерб работникам.

Исследователи на большом объёме эмпирического материала показывают, почему идея безусловного базового дохода (*universal basic income* — UBI) не находит экспериментального подтверждения. Во-первых, её реализация стоит слишком дорого. Подсчитано, что для США стоимость её осуществления эквивалентна всему федеральному бюджету, или равна 20% экономики США [Lowrey 2018; Yang 2018]. Во-вторых, UBI не отменяет необходимость создания новых рабочих мест. Большинство людей, как показывают эмпирические исследования, действительно хотят работать, и не только потому, что им нужны деньги; работа даёт ощущение наличия цели в жизни, принадлежности к чему-то значительному, укрепляет чувство собственного достоинства. Людям трудно найти смысл своего существования вне структуры своей работы.

Многолетнее Американское обследование использования времени (American Time Use Survey — ATUS) показывает, что с 1960-х гг. время, затрачиваемое на досуг, существенно увеличилось как для мужчин, так и для женщин. Начиная с 2004 г. значительную часть этого времени молодые люди посвящали видеоиграм. Для всех остальных групп большая часть этого времени была поглощена телевизором. Кажется, что людям очень трудно самостоятельно понять, как привнести смысл в свою жизнь. Большинство из них нуждается в дисциплине, обеспечиваемой структурированной рабочей средой. Люди, у которых больше свободного времени (пенсионеры, безработные, те, кто не является рабочей силой), менее склонны к волонтерству, чем те, кто работает полный рабочий день [Volunteering in the United States 2016].

Абхиджита Банерджи и Эстер Дюфло больше привлекает модель гибких гарантий защищённости (*flexicurity*), которую они демонстрируют на датском материале. Эта модель обеспечивает гибкость рынка труда, потому что люди могут быть уволены довольно легко, когда они больше не нужны, но уволенные субсидируются, чтобы они не понесли больших экономических потерь, и есть согласованные усилия правительства, чтобы вернуть работника (возможно, после существенной переподготовки). По сравнению с системой занятости, где работники в основном предоставлены сами себе (как в США), датский вариант подразумевает, что потеря работы не трагедия, а нормальная фаза жизни, которую правительственные программы помогают пройти с наименьшими моральными и материальными издержками. Модель гибких гарантий защищённости позволяет легче приспосабливаться к изменениям обстоятельств и избегать серьёзных конфликтов, чем это происходит в странах (например, во Франции), где затруднено увольнение работников с постоянными трудовыми контрактами. И это тоже следует учесть в российском опыте.

Исследователи предлагают просчитать, какие профессиональные ниши в силу специфики труда в них не могут быть роботизированы. Уход за пожилыми людьми и детьми, образование — всё это отрасли, где прирост производительности от автоматизации, по крайней мере на данный момент, ограничен. Действительно, вполне вероятно, что роботы никогда не смогут полностью заменить человеческое прикосновение в уходе за очень молодыми или очень старыми, хотя вполне способны эффективно дополнить его. Сравнительные преимущества использования людей в уходе и обучении означают, что относительная производительность этих секторов будет всё больше отставать по мере того, как машины будут закрепляться в других секторах. Соответственно, уход и обучение привлекают меньше частных инвестиций. В то же время забота о пожилых людях, безусловно, является достойной социальной задачей, которая в настоящее время недостаточно обслуживается. Существуют огромные потенциальные выгоды для общества от инвестиций в улучшение образования и ухода за детьми в раннем возрасте. Это будет стоить денег, но, если эти деньги будут потрачены на то, чтобы хорошо платить людям за стабильную, престижную работу, они достигнут двух важных целей: производство чего-то полезного для общества и обеспечение большого количества значимых профессий. В условиях роста неравенства во всём мире грамотное перераспределение на уровне государства становится всё важнее!

Заключение

Джеймс Крэбтри в рецензии, опубликованной в газете «Financial Times» [Crabtree 2019], отмечает, что сильной стороной работы Банерджи и Дюфло являются не абстрактные экономические теории, а конкретные программы помощи, точечные интервенции, которые могут сделать жизнь уязвимых социальных групп лучше. Мир «липкий», люди не столь охотно меняют свой образ жизни и место проживания, как это принято считать. Однако Крэбтри всё же критикует нобелевских лауреатов за то, что они не предложили, как продвигать свои идеи на политическом уровне, на уровне принятия управленческих решений.

Более серьёзный критический анализ предлагает Лаура Болл [Ball 2020]. Она задаётся вопросом, могут ли хорошо продуманные эксперименты стать основанием для вмешательства правительства в экономику. Рецензент приветствует общий посыл книги: хорошая экономика — это та, что основана на тщательно контролируемых экспериментах, а плохая управляется интуицией и замшелыми теориями. Сила авторов в их обширном эмпирическом опыте участия в программах экономической помощи в странах третьего мира. Не случайно Нобелевскую премию они получили с формулировкой «за экспериментальный подход к борьбе с глобальной бедностью». Но для Болл кажется не совсем убедительными перенесение этого опыта в США, которые не являются основной областью исследований Банерджи и Дюфло, и их призыв к значительному расширению роли правительства в регулировании экономики как «единственно возможному выходу» из нынешних экономических затруднений. Вмешательство подразумевает увеличение налогообложения высоких доходов и расширение программ социальной помощи. Для доказательства эффективности этих мер авторам, с точки зрения рецензента, не хватает того, что делает их позицию сильной по другим регионам мира, то есть подтверждённых экспериментальных данных.

Хочется заострить внимание ещё на одном важном моменте. Авторы книги предлагают точечные интервенции в экономику, исходя из определённых допущений, подкреплённых эмпирическим опытом. Например, они подразумевали более медленную автоматизацию рутинных процессов на производстве и более медленное высвобождение трудовых кадров невысокой квалификации, которые следует интегрировать в профессиональные ниши, требующие не столько высокой квалификации, сколько постоянства социальных контактов, то есть в уход за детьми и пожилыми людьми в первую очередь. Но пандемия 2020 г. изменила всё. Она стала тем джокером (то есть заранее непредсказуемым событием), который пустил течение предсказанных процессов по иному руслу, и, возможно, навсегда.

Если, по логике рассуждений исследователей, автоматизация процессов уравнивалась дешёвиной рабочей силы, поэтому собственники не спешили вкладываться в модернизацию, то после начала пандемии человеческая рабочая сила, в отличие от механизированной, оказалась очень уязвимой. Бастиин Хуанг, специалист по автоматизации и робототехнике, уже в 2019 г. упрекала Amazon в некотором лукавстве [Huang 2019], когда представители этой компании заявляли, что полной автоматизации складских комплексов не будет ещё 10 лет, поскольку трудно обучить роботов видеть мир и нельзя сравнить использование роботизированных захватов с ловкостью человеческих рук. Затраты на рабочую силу составляют в среднем 65% операционных бюджетов большинства складских объектов. Учитывая эту колоссальную цифру, нетрудно понять, почему компания стремится автоматизировать всё, что возможно, любые процессы. Эпидемия COVID-19 ускоряет автоматизированное будущее [Huang 2020].

Востребованность рабочих мест, где необходимы социальные контакты, наоборот, сократилась, и прежде всего за счёт сферы услуг и туристического бизнеса. Если автоматизация долгосрочный тренд, то рынок труда с высоким уровнем социальных контактов будет, скорее всего, колеблющимся и зависимым от эпидемической обстановки, а значит, для этой сферы занятости понадобятся специализированные гибкие государственные программы социальной помощи, переобучения и т. д.

Также пандемия показала экономическую эффективность непроизводительных расходов, прежде всего в сфере здравоохранения. В длительной перспективе здоровое население, чья медицинское сопровождение происходит на высоком уровне на протяжении всей жизни, которому оказывается высокотехнологичная помощь не только в кризисные моменты, менее уязвимо во время пандемии. Следовательно, такой подход требует меньше государственных расходов на лечение, реабилитацию, влечёт меньше потерь человеческих производительных сил, обеспечивает более быстрое восстановление экономики и проч. Все эти моменты, от ускорения социальных изменений, для которых рандомизированные контролируемые исследования оказываются неповоротливыми, до экономической рентабельности инвестиций в неэкономические сферы общественной жизни, усложняют ту социально-экономическую реальность, которую нарисовали авторы книги, и требуют дальнейшего анализа.

Литература

- Alvaredo F. et al. 2018. *World Inequality Report 2018: Executive Summary*. English version. Paris: World Inequality Lab.
- Ball L. 2020. Can Well-Designed Experiments Make the Case for Government Intervention? *National Review*. March 19. URL: <https://www.nationalreview.com/magazine/2020/04/06/can-well-designed-experiments-make-the-case-for-government-intervention/>
- Banerjee A. V., Duflo E. 2019. *Good Economics for Hard Times: Better Answers to Our Biggest Problems*. New York: Public Affairs.
- Case A., Deaton A. 2017. Mortality and Morbidity in the 21st Century. *Brookings Papers on Economic Activity*. March 23. URL: <https://www.brookings.edu/bpea-articles/mortality-and-morbidity-in-the-21st-century/>
- Crabtree J. 2019. Good Economics for Hard Times by Abhijit Banerjee and Esther Duflo. Practical Solutions to Help the “Left Behind”. *Financial Times*. November 25. URL: <https://www.ft.com/content/3cb678e2-0d13-11ea-b2d6-9bf4d1957a67>
- Dasgupta N. 2018. More Than 25 Million People Apply for Indian Railway Vacancies. *Reuters*. March 29. URL: <https://www.reuters.com/article/us-india-unemployment-railways/more-than-25-million-people-apply-for-indian-railway-vacancies-idUSKBN1H524C>.
- Harcourt B. E., Fassin D. (eds). 2019. *A Time for Critique*. New York: Columbia University Press.
- Hawkins S. et al. 2018. Hidden Tribes: A Study of America’s Polarized Landscape. *More in Common*. URL: <https://www.moreincommon.com/hidden-tribes>.
- Huang B. 2019. What Amazon Doesn’t Want You to Know About Its Automation Strategy. *The Startup*. October 31. URL: <https://medium.com/swlh/what-amazon-doesnt-want-you-to-know-about-its-automation-strategy-9046dd9289aa>
- Huang B. 2020. Will COVID-19 Accelerate an Automated Future? *The ROBOTREPORT*. March 29. URL: <https://www.therobotreport.com/will-covid-19-accelerate-an-automated-future/>
- Iyengar Sh., Sood G., Lelkes Y. 2012. Affect, Not Ideology: A Social Identity Perspective on Polarization. *Public Opinion Quarterly*. 76 (3): 405–431. URL: <http://doi.org/10.1093/poq/nfs038>

- Jones R. P. et al. 2016 (March). *How Americans View Immigrants and What They Want from Immigration Reform: Findings from the 2015 American Values Atlas*. Washington, DC: Public Religion Research Institute.
- Lowrey A. 2018. *Give People Money: How a Universal Basic Income Would End Poverty, Revolutionize Work, and Remake the World*. New York: Crown.
- Urry J. 2000. *Sociology beyond Societies. Mobilities for the Twenty-First Century*. London; New York: Routledge.
- Volunteering in the United States, 2015. 2016. *Economic News Release*. February 25. URL: <https://www.bls.gov/news.release/volun.nr0.htm>
- Yang A. 2018. *The War on Normal People: The Truth About America's Disappearing Jobs and Why Universal Basic Income Is Our Future*. New York: Hachette Books.

NEW BOOKS

Nataliya Meshcheryakova

Sticky Economy's Social Consequences

Book Review: Banerjee A. V., Duflo E. (2019) *Good Economics for Hard Times: Better Answers to Our Biggest Problems*, New York: Public Affairs. 432 p.

MESHCHERYAKOVA, Nataliya N. — Professor of Sociology at Tomsk Polytechnic University. Address: 634050, Lenin Str., 30 Tomsk, Russian Federation.

Email: natalia.tib@mail.ru

Abstract

The book *Good Economics for Hard Times: Better Answers to Our Biggest Problems* is the answer of the 2019 Nobel laureates in Economics Abhijit Banerjee and Esther Duflo to the fundamental challenges of modernity. Its pages are devoted to the questions: why do economists and other social researchers offer ineffective responses to global challenges? What are the dangers of stereotypical thinking and outdated economic schemes and theories? Why can't we rely only on the scientist's intuition? What is the power of painstaking social research based on experimental methods and careful processing of facts? Why are

there no universal recipes for economic growth? Why is each national variant of socioeconomic development unique? What role do traditions and values play in these options? Why does the growth of income inequality turn into a polarization of ideologies and political positions, leading to an increase in intolerance, racism, tribalization, and so on? How do ideological approaches and populism become a distorting lens of reality? Why do the anger and despair associated with personal injuries and failures turn into anti-immigrant rhetoric and wall-building? Why does the idea of a universal basic income not find empirical support and what can replace it?

All readers and researchers who are interested in these issues will be introduced to a large-scale, thorough study based on the generalization and analysis of a wide range of social surveys and other studies with the widest regional coverage. The authors strive to dispense with the prevailing stereotypes in science, relying only on facts and their experimental confirmation. The book is written in a very lucid literary style, with a certain amount of humor.

Keywords: sticky economy; tribalization; polarization; inequality; immigration; universal basic income .

References

Alvaredo F., Chancel L., Piketty T., Saez E., Zucman G. (2018) *World Inequality Report 2018: Executive Summary*. English version, Paris: World Inequality Lab.

Ball L. (2020) Can Well-Designed Experiments Make the Case for Government Intervention? *National Review*. March 19. Available at: <https://www.nationalreview.com/magazine/2020/04/06/can-well-designed-experiments-make-the-case-for-government-intervention/> (accessed 23 April 2020).

Banerjee A. V., Duflo E. (2019) *Good Economics for Hard Times: Better Answers to Our Biggest Problems*, New York: Public Affairs.

Case A., Deaton A. (2017) Mortality and Morbidity in the 21st Century. *Brookings Papers on Economic Activity*. March 23. Available at: <https://www.brookings.edu/bpea-articles/mortality-and-morbidity-in-the-21st-century/> (accessed 10 January 2020).

- Crabtree J. (2019) Good Economics for Hard Times by Abhijit Banerjee and Esther Duflo. Practical Solutions to Help the “Left Behind”. *Financial Times*. November 25. Available at: <https://www.ft.com/content/3cb678e2-0d13-11ea-b2d6-9bf4d1957a67> (accessed 10 January 2020).
- Dasgupta N. (2018) More Than 25 Million People Apply for Indian Railway Vacancies. *Reuters*. March 29. Available at: <https://www.reuters.com/article/us-india-unemployment-railways/more-than-25-million-people-apply-for-indian-railway-vacancies-idUSKBN1H524C> (accessed 10 January 2020).
- Harcourt B. E., Fassin D. (eds) (2019) *A Time for Critique*, New York: Columbia University Press.
- Hawkins S. Yudkin D., Juan-Torres M., Dixon T. (2018) Hidden Tribes: A Study of America’s Polarized Landscape, *More in Common*. Available at: <https://www.moreincommon.com/hidden-tribes> (accessed 25 January 2020).
- Huang B. (2019) What Amazon Doesn’t Want You to Know About Its Automation Strategy. *The Startup*. October 31. Available at: <https://medium.com/swlh/what-amazon-doesnt-want-you-to-know-about-its-automation-strategy-9046dd9289aa> (accessed 10 January 2020).
- Huang B. (2020) Will COVID-19 Accelerate an Automated Future? *The ROBOTREPORT*. March 29. Available at: <https://www.therobotreport.com/will-covid-19-accelerate-an-automated-future/> (accessed 23 April 2020).
- Iyengar Sh., Sood G., Lelkes Y. (2012) Affect, Not Ideology: A Social Identity Perspective on Polarization. *Public Opinion Quarterly*, vol. 76, no 3, pp. 405–431.. Available at: <https://pcl.stanford.edu/research/2012/iyengar-poq-affect-not-ideology.pdf> (accessed 25 January 2020).
- Jones R. P., Cox D., Cooper B., Lienesch R. (2016) *How Americans View Immigrants and What They Want from Immigration Reform: Findings from the 2015 American Values Atlas*, Washington, DC Public Religion Research Institute.
- Lowrey A. (2018) *Give People Money: How a Universal Basic Income Would End Poverty, Revolutionize Work, and Remake the World*, New York: Crown.
- Urry J. (2000) *Sociology beyond Societies. Mobilities for the twenty-first century*, London; New York: Routledge.
- Volunteering in the United States, 2015. (2016) *Economic News Release*, February 25. Available at: <https://www.bls.gov/news.release/volun.nr0.htm> (accessed 27 January 2020).
- Yang, A. (2018) *The War on Normal People: The Truth About America’s Disappearing Jobs and Why Universal Basic Income Is Our Future*, New York: Hachette Books.

Received: February 17, 2020

Citation: Meshcheryakova N. (2020) Sotsial’nye posledstviya lipkoy ekonomiki [Sticky Economy’s Social Consequences. Book Review on Banerjee A. V., Duflo E. (2019) *Good Economics for Hard Times: Better Answers to Our Biggest Problems*, New York: Public Affairs. 432 p.]. *Journal of Economic Sociology = Ekonomicheskaya sotsiologiya*, vol. 21, no 4, pp. 125–138. doi: [10.17323/1726-3247-2020-4-125-138](https://doi.org/10.17323/1726-3247-2020-4-125-138) (in Russian).

А. А. Субботин

Homo Sapiens Socialis

Рецензия на книгу: Буайе П. 2019. *Анатомия человеческих сообществ. Как сознание определяет наше бытие*. М.: Альпина нон-фикшн. 436 с.

СУББОТИН Александр Алексеевич —

аспирант кафедры демографии Высшей школы современных социальных наук (факультет) МГУ имени М. В. Ломоносова (Москва, Россия); гостевой исследователь Лаборатории цифровой и вычислительной демографии Института демографических исследований Макса Планка (Росток, Германия). Адрес: Россия, 119234, Москва, Ленинские горы, д. 1, стр. 13А.

Email: aasubbotin@yahoo.com

Ното sapiens представляет собой наибольшую загадку науки. Главное свойство этого биологического вида — разум, но каковы законы сознания и как их незнание мешает развитию представлений о различных сферах функционирования общества? На эти и другие актуальные вопросы когнитивистики пытается ответить в книге «Анатомия человеческих сообществ. Как сознание определяет наше бытие» профессор Университета Вашингтона в Сент-Луисе Паскаль Буайе. Издание рецензируется для того, чтобы потенциальный читатель смог понять, насколько автор убедителен в решении поставленных им самим задач — проблем новой науки, основы которой он намерен заложить. Таковых проблем франко-американский эволюционный психолог насчитывает шесть: «Что лежит в основе межгрупповых конфликтов?», «Зачем нужна информация?», «Почему существуют религии?», «Что такое естественная семья?», «Как может общество быть справедливым?», «Может ли наш разум постичь общество?». Отвечая на данные вопросы, Буайе оперирует множеством фактов из различных как естественно-научных, так и гуманитарных дисциплин. Учёный стремится показать и опровергнуть предрассудки многих господствующих концепций; например, снять традиционную для науки последних столетий оппозицию между природой и культурой. Антрополог приводит множество увлекательных данных, в том числе из личного полевого опыта, и делает это простым языком. Однако в итоге большая часть гипотез объясняется эволюцией человека и необходимостью групп одновременно консолидироваться внутри себя и противостоять другим сообществам. Книга может быть полезна всем, кто интересуется антропологией и устройством общества, а также законами мышления.

Ключевые слова: коалиции; эволюция; религия; семья; этнография; антропология; нации; группы; сотрудничество; рынок; Homo sapiens.

Введение: мотивация авторского подхода

Книга одного из самых читаемых социологов современности Паскаля Буайе «Анатомия человеческих сообществ. Как сознание определяет наше бытие» рассматривает мышление и социальную активность *Homo sapiens* через призму особенностей эволюции этого вида. Автор книги, франко-американский социальный и культурный антрополог, профессор Университета Вашингтона в Сент-Луисе является также одним из видных представителей когнитивного религиоведения. Его предыдущая книга «Объясняя религию: Природа религиозного мышления» (2002) (рус. пер. 2016) рас-

сказывала о причинах появления у *Homo sapiens* убеждений в существовании сверхъестественного и вызвала обсуждение специалистов в соответствующих сферах. В рецензии на книгу П. Буайе отечественный учёный, кандидат исторических наук, преподаватель истории Русской православной церкви в Казанской духовной семинарии А. А. Хохлов изначально признаёт одновременно неоднозначность и актуальность издания. Главной положительной стороной книги он признаёт полевым научный опыт Буайе [Хохлов 2018: 251], а также разделение религии и веры. Однако оценка религии как побочного продукта работы мозга вызывает у рецензента критику, потому что, доказывая эту концепцию, франко-американский антрополог обращается к теории мемов¹ Ричарда Докинза, а не к нейронной основе деятельности сознания [Хохлов 2018: 253]. Пол Гриффитс иронизирует над заглавием труда Буайе, отмечая, что определить сущность сверхъестественного пытались Цицерон, Дэвид Юм, Карл Маркс и Зигмунд Фрейд, причём каждый из них полагал свою концепцию итоговой [Griffiths 2002]. Отмечает он и то, что, согласно франко-американскому социологу, люди достаточно часто используют религию как сделку с потусторонним миром: они молятся «стратегическим агентам полного доступа»², а не всем сущностям подряд [Griffiths 2002].

В новой книге Буайе спектр рассматриваемых проблем стал много шире: «Возможны ли иные проблемы семьи?», «Что лежит в основе межгрупповых конфликтов?», «Зачем нужна информация?», «Почему существуют религии?», «Как может общество быть справедливым?», «Может ли наш разум постичь общество?». Автор не отвечает на поставленные им вопросы строго последовательно; скорее, он попеременно возвращается к ним, затрагивая новые факты на те же темы. Однако именно представлениям о сверхъестественном, несмотря на то что они относятся к сфере основных и первичных его интересов, внимания в издании уделено не так уж и много. Возможно, потому что религия — не самое распространённое (хотя и не самое редкое) социальное явление (кроме того, у автора существует книга, посвящённая религии), а франко-американского учёного интересуют в первую очередь общие законы коллективного поведения. «Анатомия человеческих сообществ...» состоит из предисловия, разбитых на ряд разделов введения, заключения и основной части — «Шесть проблем новой науки». В книге рассматривается довольно длительный период истории человека — от начала эволюции (обращение к развитию анатомии) и до наших дней. Иногда Буайе пытается спрогнозировать будущее, но к его чести стоит заметить, что слишком далеко он всё же не заходит, ограничиваясь именно вероятностными изменениями общества, а не *Homo sapiens* как биологического вида (что предсказать вряд ли возможно).

К религии Буайе относится скептически, что неудивительно, поскольку изучал он данное явление как этнограф. Свои исследования он проводил в Камеруне среди племён, находящихся на более ранней ступени развития по сравнению с западными цивилизациями. Среди верований в таких племенах преобладает практическое поведение в виде жертвоприношений, почитания предков, заклинаний по вызову или прекращению дождя, с каковыми «не связано никакое учение, никакой устойчивый набор представлений, с которыми последователи этих практик согласны и готовы их объяснить» (с. 192)³. Шаман здесь не жрец и не священник, а своего рода наёмный работник. Он выступает в роли исполнителя услуг, обязанного иметь специфические способности, как, например, умение диагностировать — у врача, но эти способности не развиваются в процессе, они либо даны от природы и связаны с принадлежностью к определённому клану, либо получены раз и навсегда вследствие инициации. Если же шаман не справляется с работой, то вождь или совет племени могут спокойно нанять другого

¹ Согласно теории Р. Докинза, мемы представляют собой единицу значимой информации — идею, передаваемую от человека к человеку; иногда английское слово *meme* транслитерируется как «мим», поскольку понятие происходит от греческого корня со значением «подражание»; см. подробнее в книге Р. Докинза «Эгоистичный ген» [Dawkins 1976; Докинз 2013].

² Стратегические агенты полного доступа (*full-access strategic agents*) имеют доступ ко всей информации, относящейся к определенному положению дел, и могут каким-либо образом вмешиваться в ситуацию и влиять на неё [Griffiths 2002].

³ Нумерация страниц приводится по pdf-версии книги и может отличаться от печатной версии. — *Примеч. авт.*

«специалиста», не испытывая никаких угрызений совести перед неким культом как системой или перед божеством. Первобытные и соответствующие им по обрядовому и смысловому составу верования объяснены, таким образом, у Буайе достаточно профессионально и подробно. Мало того, в ходе разговора о них учёный не выводит, но констатирует один из основных законов человеческого мышления, который был известен ещё Канту: «Воображение не творит из ничего, *ex nihilo*, а перетасовывает уже существующие идеи» (с. 185–186).

От полевой работы происходит и интересное для читателя обращение к образу пришельца-антрополога — возможно, именно так примитивные цивилизации воспринимают самих европейцев. Но Буайе распространяет приём на все сферы активности *Homo sapiens*, которые переосмысливает, что напоминает гуманитарии отстранение — одну из теорий В. Б. Шкловского⁴. Более того, у Буайе этот метод представляет собой одну из основ рассуждения: учёный призывает «видеть странное в привычном» (с. 26). Следует заметить, что ни на Шкловского, ни на рассматриваемого им Л. Н. Толстого автор книги никоим образом не ссылается, но этот факт не позволяет сделать вывод ни о незнании предмета, ни о намеренном умолчании. Зато Буайе опирается в своих социологических рассуждениях, о чём прямо упоминает, на психологию и теорию эволюции (с. 15).

Эти теоретические основы важны для Буайе потому, что не являются чисто идейными конструкциями, а основаны на эмпирических данных, в том числе о работе человеческого мозга. Можно сказать, что Буайе стремится к целостному взгляду, объединяющему теорию и практику познания. Антрополог опирается на Ибн Халдуна (арабский социальный философ XIV в., исследовавший в том числе феномен коллектива), Шарля Луи Монтескье, Алексиса де Токвиля, Адама Смита, Макса Вебера. Все эти предшественники современной социологии апеллировали к естественным причинам развития общества, избегая объяснений реальных фактов эзотерическими и метафизическими предпосылками. Использует автор рецензируемой книги и труды современных специалистов по вопросам эволюции — таких, как Роб Бойд, Питер Ричерсон и Ричард Докинз. Это соотносится с тем, что важнейший массив эмпирических данных Буайе (особенно относительно религии) составляют также личные наблюдения во время экспедиций в общества, находящиеся на более низкой ступени развития, чем современная западная цивилизация. Можно даже назвать общий подход учёного к комплексу рассматриваемых им проблем прагматическим, поскольку всё — и работа мозга, и верования — интересует его по степени полезности для эволюции.

Почему люди такие, какие есть

Однако, когда речь заходит о религиозных представлениях более философского плана, Буайе попросту занимается пересказом теорий предшествующих исследователей. А именно, сообщив, что религии духовного формата возникают в процветающих обществах (с. 209–215) как попытка высокомерного крена от гедонизма в сторону аскетизма, Буайе всего лишь развенчивает ряд мелких мифов об особенностях этой социальной сферы. Любую попытку ответа на заданный им самим же вопрос: «Почему существуют религии?» — франко-американский антрополог полагает ненаучной, сравнивая практическую пользу религии для эволюции и социума со спортом: то и другое — формы групповой активности и часто соперничества (с. 229–230). Бесспорно, Буайе приводит варианты грядущего бытования религии в современном информационном обществе, а именно путь индифферентности, духовность и создание коалиций (с. 232–235). Первый из этих вариантов уже обсуждался, поскольку были высказаны замечания относительно не необходимости религии для развития общества и (или) индивидуальной морали. Второй выражается в непринадлежности к конкретному строению культуры: вместо него —

⁴ Термином «отстранение» В. Б. Шкловский называл описание явления как впервые увиденного, например: «Л. Толстой, описывая спектакль с точки зрения посетителя, впервые видящего сцену, говорит так: “На сцене были ровные доски посередине, с боков стояли крашенные картины, изображавшие деревья, позади было протянуто полотно...”» [Квятковский 1966: 188–189]. Орфография обусловлена, возможно, случайной опiskeй.

изучение различных метафизических практик для создания личных синтетических представлений о сверхъестественных силах и способах коммуникации с ними. В этом видится некий возврат на уровень шаманизма, но более интеллектуального и личностно ориентированного плана. Третий вариант заключается в том, что религия может служить средством консолидации обществ — не всегда позитивным и гуманным, но достаточно эффективным.

Больше внимания, чем религии, в книге уделено семье, ведь она, как известно, ячейка общества, или, согласно Буайе, вариант коалиции. Антрополог просвещает читателя, объясняя, что общепринятое в европейской цивилизации понимание семьи не является распространённым: многие племена и культуры понимают родственные связи и наследование иначе. Где-то допустимо не только многожёнство, но и многомужество (там, где мало женщин и (или) требуется много труда для обработки земли, как в Тибете). Не везде существует и брак в том виде, в котором его заключают в наши дни в большинстве государств. Цель Буайе, приводящего такие обширные сведения, показать, что же есть общего среди столь несвязанной гетерогенности. Для учёного важно, как это общее демонстрирует возникшие в ходе эволюции отличия *Homo sapiens* от других биологических видов, и какова роль этих новшеств.

Главное отличие человека от прочих млекопитающих в том, что другим видам никакие некровные родственники не известны (с. 256). Кроме того, у людей существуют и прародители — предки, утратившие фертильность, однако способные помочь молодым в воспитании детей (с. 254). Подчинённое положение женщин в обществе Буайе объясняет тоже эволюцией человека, то есть физиологической невозможностью сочетать прямохождение и большой объём головы плода, поэтому младенцы рождаются не готовыми к отдельной жизни и нуждаются в постоянном присутствии матери. Именно поэтому она не может (1) заниматься добычей пищи и тем более (2) обороной наравне с мужчиной (разумеется, как и из всех правил, возможны индивидуальные исключения), но из этих двух традиционных гендерных ограничений, по мнению исследователя, важнее второе. Упрощая множество рассуждений Буайе, можно резюмировать, что он считает главной функцией мужчины в союзе защиту женщины от других мужчин (с. 266). Но большая часть полового отбора происходит бессознательно, и это невозможно проследить быстро — эволюции требуются миллионы лет. Однако даже на животных, разводимых с конкурсной целью, визуальные отличия, возникнувшем в ходе отбора, то есть изменение фенотипа, можно проследить всего за несколько поколений, но в рамках эволюции эти подвижки незначительны и ничтожно связаны. Причина здесь и та, что человек относится к видам, живущим долго и усердно заботящимся об относительно небольшом потомстве, то есть следующим «медленным», или К-стратегиям выживания. Многие виды — как правило, менее развитых существ — придерживаются противоположной г-стратегии⁵, то есть быстро размножаются и не слишком заботятся о многочисленном потомстве. Распространяя стратегию неуверенности на другие условия жизни (допустим, на состояние здравоохранения и продолжительность жизни), можно сделать не слишком утешительное предположение, что более высокая рождаемость в развивающихся странах и низкая в развитых — и, вообще, весь второй демографический переход — могут быть связаны с неосознанной сменой стратегий.

Но Буайе исследует семью не только в аспектах деторождения и воспитания потомства. Его эволюционный подход показывает брак и складывающиеся вследствие его новые отношения между группами родственников как пример создания коалиции. Отсюда необходимость публичного заключения брака, то есть свадьбы, как вида коммуникации, сообщающего третьим лицам, что жених и невеста больше не могут считаться потенциальными партнёрами, но получают друг на друга взаимные права, которыми не обладают другие члены группы, и готовы выполнять взятые на себя обязательства в соответствии с местными обычаями (с. 284–285).

⁵ «Поскольку репродуктивный потенциал в логистическом уравнении является переменной, для его обозначения используется строчная буква <...> Ёмкость среды в логистическом уравнении является постоянной, для его обозначения используется заглавная буква» [Шабанов et al. 2014: 115–124].

Коалиция — второй опорный пункт Буайе наряду с эволюцией, поэтому он к ней постоянно возвращается, обозначая этим понятием любую группу лиц вне зависимости от её размера — от минимальной «ячейки общества» из двух человек (и стоит повторить: вероятно, именно по этой причине франко-американский исследователь затрагивает семью) до наций и государств. Возможно, одной из имплицитных идей антрополога является мысль о коалиции как достижении эволюции человека. Примеры о строящих один муравейник муравьях или о совместно охотящихся хищниках не подойдут — насекомые и менее развитые, чем *Homo sapiens*, млекопитающие, а также птицы, рыбы и рептилии не договариваются, поскольку их ведёт инстинкт. Люди же, даже не осознавая это рационально, при создании и функционировании коалиций используют разум, поскольку приверженность «своим» не инстинкт, а расчёт (с. 70).

Буайе начинает рассуждения о коалициях с психологического эксперимента (в книге приведено их несколько). Эксперимент по образованию случайных групп доказывает, что люди склонны вставать на сторону своего сообщества, даже если им точно известно, что создано оно экспериментаторами и на время. В другом подобном эксперименте антрополог рассматривает механизмы распределения условных благ, похожие на деление настоящих, и приходит к выводу, что делёж происходит не столько по нормам равенства или справедливости, сколько учитывает затрату усилий и иерархию группы.

Группы существуют повсюду, законы их всеобщие. По мнению Буайе, изначальной причиной создания человеческих сообществ была необходимость защищаться, что делать легче в группе, и этот эволюционный механизм разделения на «своих» и «чужих» действует до сих пор. Напоминающие инициацию обряды связаны с тем, что группа придерживается принципов распределения согласно вкладу в общее дело, и новички вызывают интуитивное ощущение «зайцев» в транспорте: получить блага в соответствии с членством в коалиции её недавние участники по идее уже могут, а внести достаточно весомый вклад явно не успеют.

Теория групп распространяется Буайе и на такие сообщества, как нации, и на этнические конфликты. Антрополог полагает, будто представители одного этноса интуитивно рассматривают другую национальность как особей иного биологического вида и часто — как потенциальную угрозу. Подобное объяснение Буайе доказывает тоже экспериментом: участникам требовалось сообщить, что же держит в руках мужчина на картинке — орудие труда или оружие. Нарочно представлялись такие изображения, что выбор ответа зависел от восприятия опрашиваемых, для которых этнически идентичные люди оказались держащими инструмент, в то время как тот же самый предмет у имеющих необычный облик воспринимался как опасное средство нападения. Проведший описанный опыт автор теории социального доминирования профессор психологии из Кембриджа (США) Джим Сиданиус объединил получившиеся факты в «гипотезу о мужчинах из подчинённой группы» (с. 97)⁶. Буайе дополняет предшественника: поскольку испокон веков по высказанным выше анатомическим, а затем и социальным причинам война — прерогатива мужчин, именно мужчины склонны к межгрупповому соперничеству и восприятию мира через призму коалиций, в которых они должны состоять. Женщины же более склонны к межличностному общению (с. 293), и их влияние возрастает в те периоды, когда мирная жизнь выводит на первый план вопросы экологии (с. 290).

Следующей важнейшей темой книги стоит признать информацию — предмет общения и основу объединений *Homo sapiens*. Буайе интересуют прежде всего способы циркулирования информации от человека к человеку — как в процессе обучения, так и простого общения: информация есть коммуникация. Здесь учёный следует своему же правилу: без распознавания нет информации (с. 35), то есть усвоение знаний ребёнком является умением выделить важное в потоке множества впечатлений. Однако если человек способен вычленивать важную информацию из неважной, то почему существует так называемая

⁶ Джим Сиданиус считает именно эту категорию главной целью агрессии, поскольку основные столкновения групп происходят между мужчинами.

мусорная культура (*junk culture*) (с. 136)? Цель эволюции любого вида, и человек здесь не исключение, выжить и при этом по возможности как можно больше размножиться (с. 248–249), а для этого нужно уметь определить угрозу. Таким образом, ошибочная перестраховка из-за недостоверных сведений биологически оправданнее, чем игнорирование ложной тревоги. Например, если власть не вызывает у населения достаточного доверия, государство распознаётся как опасность, и ему полезнее противостоять, чем подчиняться. Систему подобных умозаключений, или взглядов простого неискущённого человека на происходящее в обществе, Буайе называет фолк-социологией⁷, которая не описывает реальность, но полезна как инструмент координации в коалициях. Буайе не призывает к контролю над обществами, потому что на то, как работает фолк-социология, влияют слишком многие факторы: передача традиций, например, происходит как следствие их популярности и престижа, а эти два аспекта могут конкурировать, о чём учёный, впрочем, не пишет. Например, представления харизматического лидера Петра I о том, как отмечать Новый год, отличались от общепринятых среди его подданных, но постепенно заменили старые традиции. Можно упрекнуть франко-американского антрополога в игнорировании им мутаций как фактора эволюции и социальных мутаций как фактора общественных изменений. Иначе говоря, автор рецензируемой книги, рассуждая о движении жизненных форм и развитии социума, всё же не отвечает на вопрос, как появляется новое.

Будучи специалистом по вопросам общества, учёный стремится понять, как оно может быть справедливым. Существует ли общая для всех социальная идея в данной сфере или она меняется от места к месту, так как на неё влияют экономические системы и иные факторы? Буайе почти в самом начале книги заявляет: идеалы по-разному понимаются в современном западном социуме, в аграрных традиционных обществах и в первобытного типа группах охотников-собирателей (с. 30). Конечно, существуют общие интуитивные представления в природе человека, свойственные даже детям, но это не уровень политических институтов, должных поддерживать порядок в обществе. Упомянув Жан-Жака Руссо в качестве первого заинтересовавшегося социальной справедливостью и затем упрекнув социологов в том, что они «ненаучно» опирались на представления философов, Буайе далее обращается к излюбленной теме эволюционного развития человеческой психики. Подобно Евгению Онегину, антрополог положительно относится к Адаму Смиту, правда, потому что английский пионер наук об обществе заговорил о важности эмпатии. Однако Буайе понимает её более рационально, чем Адам Смит, и полагает основой кооперации, а кооперация — это разновидность коалиции. Возникновение коалиций в ходе добычи пищи в наиболее примитивных обществах и стало основой дальнейших более сложных экономических построений. Безусловно, нельзя оставлять кого-то без какого-либо ресурса вообще, но пропорциональное разделение не единственно верное и возможное. Подобные представления — о добровольности сделок, согласии на эквивалент обмена, характере распределения (с. 377–378) — древние и интуитивные, но распространяются даже на позднейшие современные политические меры, такие как прогрессивное налогообложение или установление предельного дохода (с. 380). Парадоксальным образом к процветанию ведёт не такая буквально понимаемая «справедливость», а всё большее и большее вовлечение различных наций в международный рынок (с. 382–383).

Хотя торговля как таковая существует несколько тысячелетий, а глобальная — со времён Промышленной революции, древнюю психологию обмена расширение его масштабов радикально не изменило, поэтому большинство понимает рынки в рамках возникшего в ходе эволюции социального шаблона. Отсюда происходят и «популярные» концепции справедливости, которые Буайе называет фолк-экономикой или «народными» экономическими представлениями (с. 365). Несмотря на вопиющую ненаучность, они крайне важны для политики, так как помогают понять электорат. Одна из таких идей — об общей ограниченности богатств человечества. Согласно данному стереотипу мышления если одни люди или группы, в том числе страны, получают больший доход, другие автоматически

⁷ Термин антрополога Лоуренса Хиршфелда означает обыденное знание о социальном мире.

беднеют (с. 366–367). Ещё одна «народная» концепция касается ценообразования. Игнорируя сложные экономические факторы, обычный избиратель считает, что стоимость товара на рынке безоговорочно диктует его наиболее крупный производитель (с. 367). Однако столь простые представления определяются не только доверием к прессе или эгоизмом. Значительную ответственность несёт эволюция мозга в ходе древних межгрупповых взаимодействий, влияющая и на тот факт, что и поставщики, и покупатели предпочитают работать с уже знакомыми организациями (с. 372). Отсюда же проистекает большее внимание к менее крупной фирме при равенстве цен, поскольку мозгу она напоминает меж- или даже внутриплеменной обмен с теми, с кем есть личный контакт (с. 373). Парадокс торговли разрешается следующим образом: её создали интуитивные идеи справедливости, но затем между «отцами» и «детьми» возникли логические противоречия (с. 387). Произошло это потому, что когнитивные инструменты, которыми человек пользуется для понимания современной сложной экономики, были предназначены для объяснения взаимодействий в малых масштабах. Другая проблема заключается в конфликте между разными наборами интуитивных предпочтений: пока что мозг людей не развился до того уровня, который позволил бы судить о справедливости абсолютно определённо. Следовательно, бессмысленно упрекать основную массу *Homo sapiens* в непонимании непопулярных правительственных мер.

Критика и заключение

Главные выводы книги проистекают из отношения её автора к эволюции и информации. Культура является лишь частью обеих, как и свойства коммуникации — ещё одной основной темы исследования. Но все они — эволюция, информация, коммуникация — имеют отношение к развитию разума, а он, в свою очередь, выстраивает коллективы с различными временными и пространственными характеристиками, то есть формирует общества. Таким образом, человек — вид не только мыслящий, но и прежде всего социальный.

Любое общество поддерживается традициями и, как ни странно, конфликтами. Внешняя борьба, будь то война между странами или противоборство компаний в небольшом городке, сплавивает его. Внутренние противоречия могут как изменить структуру социума, так и укрепить существующую. Теория двойной наследственности, или биокультурной эволюции, согласно Буайе, описывает передачу информационных концептов, но лишь частично, поскольку, кроме подражания, происходит постоянная корректировка передаваемых сигналов, и одни стереотипы накладываются на другие, но всё это лежит в глубинных слоях психики. Например, подсознательное восприятие участников других сообществ как представителей иных биологических видов усиливает конкуренцию, похожую на борьбу за пищевые ресурсы в биоценозе. Отсюда групповые конфликты — один из основных двигателей истории. Иначе говоря, получается подобие замкнутого круга: законы эволюции определяют мышление общества, но во многих его сферах, в том числе в экономике, не поспевают за темпами современного развития. Поэтому массовые представления, которые франко-американский исследователь характеризует словом «фолк», кажутся специалистам столь нелепыми. И так, биологические и общественные особенности *Homo sapiens* одновременно заставляют его заботиться о социальном и ограничивают в постижении нового.

Таким образом, отношение Буайе к социуму нельзя назвать однозначным. Трактую общество как продукт эволюции, он как будто проводит аналогию между его появлением и двумя предыдущими великими случайностями — возникновением Вселенной в результате Большого взрыва и зарождением жизни на Земле. Эти последние два процесса не только спонтанны, но и не наблюдаемы, однако все они составляют своего рода триаду «неживая природа — живая природа — ноосфера», ненамеренно подтверждая гипотезу В. И. Вернадского [Вернадский 1991]. Эта догадка впечатляет, даже если остаётся лишь читательской идеей, так как Буайе Вернадского не упоминает. Впрочем, разве это минус? Воз-

возможность предполагать, развивать идеи автора дальше — лучшее, что может предложить нон-фикшн любому, кто обращается к изданиям данного жанра. К тому же листать «Анатомию человеческих сообществ» просто интересно, потому что разнообразие фактов вызывает желание обратиться ко многим первоисточникам, откуда они позаимствованы. Нередко с автором хочется поспорить, но дискуссионность — не недостаток для научной литературы.

Заместитель главного редактора журнала «Эксперт Юг» (Ростов-на-Дону) Николай Проценко, справедливо замечая, что издание представляет собой, скорее, компиляцию, главным недостатком считает даже не подобную бессодержательность, а, помимо уже обозначенной выше попытки стереть одну из фундаментальных философских оппозиций, отрицание концепций Дж. Локка и Ж. Ж. Руссо [Проценко 2019]. Эти философы дали одно из первых материалистических объяснений социальных процессов. Иначе говоря, Проценко упрекает и франко-американского учёного в идеализме. И даже если понимать идеализм не как учение, противопоставленное в том числе марксизму, ибо в этом последнем бытие определяет сознание, а не наоборот, то с точки зрения той же фолк-, но не социологии, а науки в целом, Буайе уж точно идеалист [Проценко 2019], ибо хочет постичь наиболее фундаментальные установки социума, но отрицание разделения природы и культуры — то, в чём в первую очередь отечественный публицист упрекает зарубежного исследователя, — мешает отделить общества, созданные человеком, от сформированных эволюцией групп животных.

Существуют и другие работы, которые критически рассматривают книгу «Анатомия человеческих сообществ», причём в обратном Проценко ключе: по мнению журналиста информационного агентства Regnum Дмитрия Буянова, антрополог выступает с пафосом, характерным для материалистов XVIII века. Упрёк на этот раз — в узком эволюционизме. Отмечая наличие интересных наблюдений, рецензент критикует утверждение Буайе, что целостная психика — иллюзия, а поведение определяется случайной суммой доставшихся от эволюции не обязательно согласованных импульсов. В итоге он сравнивает рассмотрение человека Буайе с притчей о слоне и слепых, которые трогают разные части тела слона и в результате описывают его по-разному [Буянов 2020]. Зарубежные рецензенты не столь критичны к рассматриваемому труду: Симон Лавуа характеризует его сдержанно нейтрально, акцентируя когнитивистику и отрицание роли религии [Lavoie 2019], а Гевни Парк фактически просто пересказывает книгу, обращая внимание на социальную составляющую — роль групп и когнитивных процессов и оценивая религию как адаптивный фактор [Park 2019].

Отсюда вывод: предметом исследования Буайе является человек общественный, что, по всей видимости, и есть авторская версия не только содержания, но и направленности эволюции *Homo sapiens*. Важность книги для информационного общества состоит в том, что её автор пытается рассмотреть мышление на основании теории эволюции. Пусть упрёки в намерении построить «общую теорию всего» в адрес Буайе довольно справедливы, но, чтобы его стремление не оказалось лишённым содержания, следует многое постичь в плане как фактов, так и их интерпретаций. Да, «святой троицей» системы Буайе являются эволюция, коалиция и информация, но кто сказал, что для социума они не важны?

Литература

Буайе П. 2019. *Анатомия человеческих сообществ. Как сознание определяет наше бытие*. М.: Альпина нон-фикшн.

Буянов Д. 2020. Наука о человеке: от поиска освобождения — к оправданию несвободы. *Regnum*. 24 мая. URL: <https://regnum.ru/news/society/2960059.html>

Вернадский В. И. 1991. *Научная мысль как планетное явление*. М.: Наука.

Докинз Р. 2013. *Эгоистичный ген*. М.: АСТ; CORPUS.

Квятковский А. П. 1966. Остраннение. В кн.: Квятковский А.П. *Поэтический словарь*. М.: Советская энциклопедия; 188–189.

Маркс К., Энгельс Ф., Ленин В. И. 1984. *О диалектическом и историческом материализме*. М.: Политиздат.

Проценко Н. 2019. Теория несуществующего всего: почему Паскаль Буайе так переоценен. *Горький*. 18 декабря. URL: <https://gorky-media.turbopages.org/s/gorky.media/reviews/teoriya-nesushhestvuyushhego-vsego-pochemu-paskal-buaje-tak-pereotsenen/>

Хохлов А. А. 2018. Паскаль Буайе о природе религиозного мышления. Рецензия на монографию: Буайе П. *Объясняя религию. Природа религиозного мышления*. М.: Альпина нон-фикшн, 2017. 496 с. *Христианское чтение*. 1: 250–255.

Шабанов Д. А. et al. 2014. Внутрипопуляционные онтогенетические стратегии скороспелости и тугорослости: определение на примере бесхвостых амфибий. *Вестник Харьковского национального университета имени В. Н. Каразина. Серия «Биология»*. 22 (1126): 115–124.

Энгельс Ф. 2020. *Происхождение семьи, частной собственности и государства*. СПб.: Азбука.

Dawkins R. 1976. *The Selfish Gene*. New York: Oxford University Press.

Griffiths P. J. 2002. Religion Explained: The Evolutionary Origins of Religious Thought (Faith Seeking Explanation). *First Things: A Monthly Journal of Religion and Public Life*. January: 53–57.

Lavoie S. 2019. Minds Make Societies: How Cognition Explains the World Humans Create by Pascal Boyer. *Anthropologica*. 61 (2): 366–367.

Park G. 2019. Minds Make Societies: How Cognition Explains the World Humans Create. *Perspectives on Science and Christian Faith*. 71 (3): 195–199.

Alexander Subbotin

Homo Sapiens Socialis

Book Review: Boyer P. (2019) *Anatomiya chelovecheskikh soobshchestv. Kak soznanie opredelyaet nashe bytie* [Minds Make Societies: How Cognition Explains the World Humans Create], Moscow: Alpina non-fiction (in Russian). 436 p.

SUBBOTIN, Alexander — Postgraduate student at the Demography Department of Higher School of Contemporary Social Sciences, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia; Guest researcher at the Laboratory of Digital and Computational Demography, Max Planck Institute for Demographic Research, Rostock, Germany. Address: 119234, Leninskie Gory Str., 1–13A, Moscow, Russian Federation.

Email: aasubbotin@yahoo.com

Abstract

Homo sapiens is the greatest mystery of science. The main property of this biological species is the mind, but what are the laws of consciousness and how does ignorance of these laws hinder the development of ideas about various spheres of functioning of society? These and other relevant issues of cognitive science are tackled in the book *Minds Make Societies: How Cognition Explains the World Humans Create* by Pascal Boyer, a professor at the University of Washington. This work is reviewed so that potential readers can understand how convincing the author is in solving the tasks he sets—the problems of a new science, the foundations of which he intends to lay. The French-American evolutionary psychologist poses six questions: What is the basis of intergroup conflicts? Why do we need information? Why do religions exist? What is natural family? How can society be fair? Can our minds comprehend society? In answering these questions, Boyer uses a variety of facts from various disciplines of natural science and humanities. The scholar seeks to show and refute the

prejudices of many prevailing concepts, for example, the traditional opposition between nature and culture, which has dominated for several centuries. The anthropologist provides a lot of fascinating data, including from personal field experience, and does so using simple language. However, in the end, most hypotheses are explained by human evolution and the need for groups to simultaneously consolidate within themselves and resist other communities. The book could be useful to anyone interested in anthropology and the structure of society, as well as laws of thought.

Keywords: coalitions; evolution; religion; family; ethnography; anthropology; nations; groups; cooperation; market; Homo sapiens.

References

- Boyer P. (2019) *Anatomiya chelovecheskikh soobshchestv. Kak soznanie opredelyaet nashe bytie* [Minds Make Societies: How Cognition Explains the World Humans Create], Moscow: Alpina non-fiction (in Russian).
- Buyanov D. (2020) Nauka o cheloveke: ot poiska osvobozhdeniya — k opravdaniyu nesvobody [The Science of a Person: From the Search for Liberation to the Justification of Unfreedom]. *Regnum*, 24 May. Available at: <https://regnum.ru/news/society/2960059.html> (accessed 22 June 2020) (in Russian).
- Dawkins R. (1976) *The Selfish Gene*, New York: Oxford University Press.
- Dawkins R. (2013) *Egoistichnyy gen* [The Selfish Gene], Moscow: AST; CORPUS (in Russian).
- Engels F. (2020) *Proiskhozhdenie sem'i, chastnoy sobstvennosti i gosudarstva* [The Origin of the Family, Private Property, and the State], Saint-Petersburg: Azbuka (in Russian).

- Griffiths P. J. (2002) Religion Explained: The Evolutionary Origins of Religious Thought (Faith Seeking Explanation). *First Things: A Monthly Journal of Religion and Public Life*, January, pp. 53–57.
- Khokhlov A. A. (2018) Paskal' Buaje o prirode religioznogo myshleniya. Retsenziya na monografiyu: Buaje P. Ob'yasnyaya religiyu. Priroda religioznogo myshleniya. M.: Al'pina non-fikshn, 2017. 496 s. [Pascal Boyer about the Nature of Religious Thought. Review of the Monograph: Boyer P. Explaining Religion. The Nature of Religious Thinking. Moscow: Alpina non-fiction, 2017. 496 p.]. *Khristianskoe chtenie = Christian Reading*, no 1, pp. 250–255 (in Russian).
- Kvyatkovsky A. P. (1966) Ostrannenie [Ostrannenie]. *Poeticheskiy slovar'* [Poetical Dictionary], Moscow: Sovetskaya entsiklopediya, pp. 188–189 (in Russian).
- Lavoie S. (2019) Minds Make Societies: How Cognition Explains the World Humans Create by Pascal Boyer. *Anthropologica*, vol. 61, no 2, pp. 366–367.
- Marx K., Engels F., Lenin V. I. (1984) *O dialekticheskom i istoricheskom materializme* [Dialectical and Historical Materialism], Moscow: Politizdat (in Russian).
- Park G. (2019) Minds Make Societies: How Cognition Explains the World Humans Create. *Perspectives on Science and Christian Faith*, vol. 71, no 3, pp. 195–199.
- Protsenko N. (2019) Teoriya nesushchestvuyushchego vsego: pochemu Paskal' Buaje tak pereotsenen [The Theory of Nonexistent Everything: Why Pascal Boyer is so Overrated]. *Nekommercheskiy proekt o knigah i chtenii «Gor'kiy»* [Gorky Non-Profit Project about Books and Reading], 18 December. Available at: <https://gorky-media.turbopages.org/s/gorky.media/reviews/teoriya-nesushchestvuyushchego-vsego-pochemu-paskal-buaje-tak-pereotsenen/> (accessed 22 June 2020) (in Russian).
- Shabanov D. A., Korshunov A. V., Kravchenko M. A., Meleshko E. V., Shabanova A. V., Usova E. E. (2014) Vnutripopulyatsionnye ontogeneticheskie strategii skorospelosti i tugoroslosti: opredelenie na primere beskhvostykh amfibi [The Intrapopulation Developmental Strategies of Precocity and Stuntedness: Determination by the Example of Anurans]. *The Journal of V. N. Karazin Kharkiv National University. Series: Biology*, vol. 22, no 1126, pp. 115–124 (in Russian).
- Vernadsky V. I. (1991) Nauchnaya mysl' kak planetnoe yavlenie [Scientific Thought as a Planetary Phenomenon]. Moscow: Nauka (in Russian).

Received: July 8, 2020

Citation: Subbotin A. (2020) Homo Sapiens Socialis [Homo Sapiens Socialis. Book review: Boyer P. (2019) *Anatomiya chelovecheskikh soobshchestv. Kak soznanie opredelyaet nashe bytie* [Minds Make Societies: How Cognition Explains the World Humans Create], Moscow: Alpina non-fiction (in Russian). 436 p.], *Journal of Economic Sociology = Ekonomicheskaya sotsiologiya*, vol. 21, no 4, pp. 139–149. doi: [10.17323/1726-3247-2020-4-139-149](https://doi.org/10.17323/1726-3247-2020-4-139-149) (in Russian).

КОНФЕРЕНЦИИ

Д. Р. Лебедева

Международный исследовательский семинар «Разнообразии режимов власти и влияния в хозяйственных отношениях»¹

НИУ ВШЭ, 3–4 июля 2020 г., Москва, Россия

**ЛЕБЕДЕВА Дарья
Руслановна** —

выпускница
бакалаврской
программы
«Социология»
факультета социальных
наук НИУ ВШЭ,
стажёр-исследователь
Лаборатории экономико-
социологических
исследований
Национального
исследовательского
университета «Высшая
школа экономики».
Адрес: Россия, 101000,
Москва, ул. Мясницкая,
д. 9/11.

Email: dlebedeva@hse.ru

Международный исследовательский семинар «Разнообразии режимов власти и влияния в хозяйственных отношениях» («The Varieties of Power in the Economy») прошёл 3–4 июля 2020 г. в Москве. Её организатором выступила Лаборатория экономико-социологических исследований Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики». Основной целью семинара стало обсуждение с позиции экономической социологии и анализа хозяйственных отношений концепции власти, подчинения и структур управления.

Ключевыми докладчиками выступили Алёна Леденёва, профессор Университетского колледжа Лондона в Великобритании, и Валерий Якубович, профессор Бизнес-школы ESSEC во Франции. В докладах они поделились своим пониманием проблематики разнообразия проявления власти в экономике.

К участию в семинаре были приглашены сотрудники ЛЭСИ и внешние исследователи. В числе внешних участников были Елена Богданова (Гётеборгский университет — University of Gothenburg), Тамара Кусимова (Центрально-Европейский университет — Central European University), Алексей Победоносцев (Европейский университетский институт во Флоренции — The European University Institute in Florence), Ольга Сиденко (Воронежский государственный университет) и Дарья Щеглова (НИУ ВШЭ, Институт образования), Мария Тысячнюк (Висконсинский университет в Мадисоне — University of Wisconsin-Madison), Пана Улла, Станислав Климович и Катарина Блюм (Свободный университет Берлина — Freie Universität Berlin), Майя Шмидт (Университет Уппсалы — Uppsala University).

Участники семинара сосредоточили внимание на проблематике форм влияния и контроля в экономическом обмене. На примере совершенно разных социальных сфер и институциональных полей исследователям удалось показать не только множественность форм влияния и контроля в хозяйственных отношениях, но и амбивалентность власти.

Ключевые слова: экономическая социология; власть; разнообразие режимов влияния; легальность; легитимность; амбивалентность.

¹ Более подробное описание повестки семинара и программа выступлений доступны на сайте: <https://ecsoclab.hse.ru/ecsocworkshop/>

В традиции экономической социологии понятия «сети», «культура», «институты» и их влияние на экономические отношения постулируются в качестве базовой аксиоматики, в то время как концепция власти и разворачивание властных отношений в объяснении хозяйства всё ещё кажутся нераскрытыми, оставаясь «невидимым» измерением экономического обмена [Smelser, Swedberg 2005: 5].

Более того, современная социологическая теория предлагает различные способы концептуализировать властные отношения. И способы их интегрирования в традицию экономсоциологии не всегда понятны для исследователей. Именно с этой целью — обратить внимание на мотивы повиновения (*compliance*) разных акторов; соотношение различных режимов влияния; условия возникновения разрывов, совпадений и прочих отношений между легальностью и легитимностью; поиск альтернативных механизмов установления контроля над рыночными процессами в условиях динамики капитализма — Лаборатория экономико-социологических исследований (ЛЭСИ) НИУ ВШЭ организовала 3–4 июля 2020 г. открытый международный исследовательский семинар.

Семинар проходил два дня, в течение которых участники интенсивно обсуждали ряд теоретических вопросов, связанных с проблематикой многообразия режимов влияния и структур управления в различных экономических сферах. В качестве почётных докладчиков к участию в работе семинара были приглашены Алёна Леденёва, профессор Университетского колледжа Лондона в Великобритании, и Валерий Якубович, профессор Бизнес-школы ESSEC во Франции. В докладах они рассказали о направлениях своей текущей исследовательской деятельности и о том, какие аспекты властной проблематики в хозяйственных отношениях в них можно обозначить.

Семинару предшествовала кропотливая работа организаторов. Участники выслали расширенные аннотации своих статей, затем с целью обсуждения принятых проектов прошла серия письменных семинаров-практикумов (*writing seminars*). В течение семи недель участники обсуждали проекты и завершённые тексты, что помогло сфокусировать работу вокруг проблематики власти. Уже на этом этапе было очевидно, сколь разнообразны способы концептуализировать понятие «власть».

Более того, обсуждение позволило участникам не только получить обратную связь и тем самым усилить проект своего исследования, но и в целом иначе взглянуть на свои исследовательские темы и способы их теоретизирования. После серии обсуждений все участники выслали доработанные тексты, которые были доступны на момент проведения семинара, что дало возможность ещё раз взглянуть на труды друг друга. К сожалению, из-за пандемии коронавируса и ограничительных мер многие столкнулись с проблемами доступа к полю и вынуждены были креативно их преодолевать.

Формат семинара

Утром 3 июля участники семинара собрались в конференц-зале НИУ ВШЭ. Его оживленная атмосфера особенно выделялась на фоне практически пустого здания университета, которое традиционно в это время бывает заполнено студентами и абитуриентами. Мероприятие открыл заведующий Лабораторией экономико-социологических исследований Вадим Валерьевич Радаев. Он отметил, что ограничения, связанные с мерами по борьбе с распространением коронавируса, к сожалению, не позволили активно осветить событие, публично продвигать семинар и приглашать слушателей (в том числе внешних). Кроме того, не все докладчики и сотрудники лаборатории смогли приехать лично, поэтому мероприятие проходило в смешанном (*blended*) формате. Также В. В. Радаев определил основные принципы работы семинара: меры предосторожности, порядок выступлений докладчиков и рецензентов, последующих обсуждений, регламент работы.

Непривычный для Лаборатории смешанный формат работы (онлайн и офлайн) был организован для наиболее широкого охвата участников и предоставления каждому возможности принять участие в семинаре. Основным каналом стала платформа Zoom, где дублировались для равной вовлечённости всех участников выступления и дискуссии. Туда же в чат направлялись все вопросы и комментарии, что помогло консолидировать и структурировать обсуждения. Стоит отметить, что Лаборатория впервые столкнулась с таким форматом, когда при личном присутствии работа была построена ещё и онлайн. Однако, вопреки всем опасениям, подобный формат оказался очень продуктивным.

В работе семинара приняли участие два ключевых докладчика. Остальное время было предоставлено выступлениям участников. Открывая семинар, В. В. Радаев предупредил, что для организации основной программы был выбран довольно жёсткий регламент, заимствований на конференциях Общества социальных и эпидемиологических исследований алкоголизма им. Кеттил Брюн (Kettil Brun Society). Сессии были структурированы следующим образом: в рамках сессии каждому из двух докладчиков было отведено по 10 минут; затем тоже за 10 минут дискуссант должен был осветить общие для двух работ аспекты, различия между ними и дать свой отзыв на работы и показать способы усилить каждое исследование. После этого докладчикам тоже за 10 минут следовало ответить на вопросы дискуссанта и комментарии других участников. Выбор такого регламента работы был обусловлен прежде всего стремлением наиболее ёмко организовать работу, совместив как непосредственно выступления и их последующее обсуждение в формате рецензии, так и общие дискуссии по мотивам каждого доклада. Такой дисциплинирующий формат помог избежать разнесения программы на секции и организовать взаимодействие всех участников.

Выступления ключевых докладчиков

Содержательно семинар открыл пленарный доклад Алёны Леденёвой, профессора Школы славянских и восточно европейских исследований Университетского колледжа Лондона в Великобритании. Её выступление на тему «Молчание системы: невидимое доминирование или мотивационная амбивалентность (по следам глобального проекта по неформальности)» — «*Silence of system: Invisible Domination or Motivational Ambivalence*» («Evidence of the Global Informality Project») — отсылало к проекту «Глобальная энциклопедия неформальности» («The Global Encyclopaedia of Informality»)². С 2014 г. этот проект постоянно растёт (на данный момент в нём участвуют 223 учёных из различных стран мира), освещая различные аспекты невидимых, но тем не менее обладающих социальной властью неформальных практик³.

В рамках программы семинара профессор Леденёва говорила о природе власти, о молчании систем, режимах доминации и различных паттернах, которые могут быть обнаружены в проблематике неформальной экономики по всему миру. Она отметила, что у концепции неформального нет чёткого определения, но есть своя история. И в рамках работы с неформальными практиками на самом базовом уровне их организации в повседневности индивидов исследовательницу всегда интересовало, как компоненты социальной системы концептуализируются её носителями, инсайдерами.

А. Леденёва объяснила, что, как правило, формальная система артикулируется акторами как «молчаливая сила», её все признают и считают самоочевидной, однако её власть анонимна, комплексна, с ней невозможно и бесполезно бороться. Соответственно, действуя вопреки системе, акторы предпочитают неформальные паттерны устройства повседневности, личного потребления, социальных взаимодействий, на выявлении и систематизации которых и сфокусировалась в своей исследовательской деятель-

² См. подробнее: www.in-formality.com

³ Подробнее ознакомиться с проектом, а также скачать «Глобальную энциклопедию неформальности» («The Global Encyclopaedia of Informality») можно на сайте www.in-formality.com

ности профессор Леденёва. Она отметила методологические затруднения в изучении неформальных практик, поскольку зачастую имплицитно они несут для инсайдеров принципиально иные смыслы, нежели наблюдаемые обывателем или исследователем со стороны. Это неизбежно порождает амбивалентную природу неформальности, которая обеспечивает функционирование системы.

Профессор Леденёва предложила выделять четыре формы амбивалентности: (1) содержательная, проявляющаяся как двоемыслие (*substantive, doublethink*); (2) нормативная — двойные стандарты, подчинение нормам на основе разделения групп на «мы» и «они» (*normative, double standards*); (3) функциональная двойственность норм и правил (*functional, double deed*); (4) мотивационная как сочетание различных стимулов и мотиваций акторов (*motivational, double incentives*). Амбивалентность, по словам профессора Леденёвой, не стоит понимать в парадигме дихотомий, но в то же время амбивалентность не всегда предполагает синтез. Очень часто категории формального и неформального нестрого полярны, и в социальной реальности разделить их оказывается невозможно.

В заключение своего доклада А. Леденёва подчеркнула, что неформальное становится способом решения акторами проблемы сложности системы (*ways of getting things done*). Но при этом в академической среде в силу институциональной логики науки продолжает воспроизводиться уклон (*bias*) в сторону изучения записанных, артикулированных, формальных феноменов. Однако недостаточное внимание к серым зонам не учитывает важный пласт социальной реальности. «Но изучать сложность интересно», — заключила профессор Леденёва, напомнив о важности любопытства и смелости исследователя и задав тем самым тон всему семинару.

Доклад Алёны Леденёвой вызвал активное обсуждение. В частности, участники заинтересовались многочисленными кейсами неформальных феноменов советского и постсоветского общества, воодушевлённо теоретизировали близкие к личному опыту практики неформальности. Также возникали вопросы о том, не является ли сегодня различие формального и неформального перформативным, не создаёт ли пространство для законодательных манипуляций (например, в случае неоднозначного разделения взятки и подарка). Большое обсуждение спровоцировало сложное понятие амбивалентности, его концептуализации и отличия от двойственности (*ambiguity*).

После обеденного перерыва состоялось выступление второго почётного докладчика — профессора Бизнес-школы ESSEC во Франции Валерия Якубовича. Центральным для его лекции «Менеджмент как инновационная технология» («*Management as an Innovative Technology*») стал вопрос о том, каким образом в условиях технократического подхода к управлению на практическом и теоретическом уровнях происходит цифровизация широкого спектра управленческих практик. В докладе профессор решил не углубляться в детальный эмпирический анализ своего исследования, а предложил в перспективе его работы шире взглянуть на менеджмент как на технологию. Рассматривая менеджмент и организационные практики с точки зрения технологии, он анализировал, каким образом технологии управления (особенно — управление научно-исследовательскими и опытно-конструкторскими работами (НИОКР), то есть *R & D management*), структуры менеджмента и организационные практики меняются под влиянием цифровых технологий. Профессор отметил, что в современной теории попарно осмысляется связь и взаимное влияние управления, технологий и инноваций, однако на пересечении всех трёх ключевых понятий возникает лакуна в знании, которую профессор уподобил Бермудскому треугольнику.

Основным посылом исследования профессора Якубовича стало то, что цифровые трансформации и нововведения изменяют как организационный контекст деятельности (сложно не замечать обстоятельства всеобщей диджитализации общества), так и непосредственные инструменты (*tools*) управления. Например, отмечается тренд к осуществлению менеджмента через использование больших данных

на основе цифрового следа сотрудников, за счёт чего отслеживаются их активность на рабочем месте, эффективность, соблюдение трудовых норм.

Затем докладчик обратился к сюжету о том, как нововведения в менеджменте — он назвал их, вслед за концептуализацией Дж. Биркиншоу и соавторов [Birkinshaw, Hamel, Mol 2008], менеджериальными инновациями — проходят процедуры патентования. Тем самым, по словам профессора Якубовича, инновации в управлении становятся предметом обсуждения в поле властных экономических отношений в терминах легальности и легитимности. Докладчик обратил внимание на противоречие: на данный момент, хотя процедура патентования и легализации активно развивается, легитимность такого рода патентов остаётся под вопросом. Это делает проблему легитимности менеджериальных инноваций весьма интересным предметом дальнейших наблюдений и изучения, и докладчик пригласил всех к обсуждению и сотрудничеству.

Доклад профессора Якубовича вызвал живой интерес участников. Возникли вопросы к методологии описанного исследования и использованию технологий машинного обучения, к влиянию диджитализации и технологизации управления на «человеческие» отношения в компании, а также по поводу сочетания в процессе патентования и реализации в управленческой технологии менеджериальных знаний и непосредственно цифровых инструментов.

Так, работы почётных докладчиков обогатили семинар, показав новые способы видеть власть там, где влияние хозяйственных акторов, легальность и легитимность принимаются как данность. Кроме того, было показано, что властные отношения не просто многообразны, но амбивалентны и не раскладываются на привычные дихотомии.

Сессии семинара

Докладчиками первой сессии, модератором которой была Диляра Ибрагимова, стали Вадим Радаев и Борис Белявский, а их дискуссантом выступила Зоя Котельникова. Исследования докладчиков были сфокусированы прежде всего на организационных исследованиях и многообразии видов власти в межфирменных контрактных отношениях внутри цепей поставок — на видимом злоупотреблении властью и формах оппортунизма в межфирменных отношениях в цепях поставок, властной асимметрии и невидимых механизмах власти в глобальных цепях поставок.

Евгения Балабанова, Андрей Шевчук и Денис Стребков (дискуссантом которых стал Валерий Якубович) говорили в своих докладах о способах приобретения работниками власти и голоса в современных трудовых отношениях, экстернализации контрактов фрилансеров в России и соответствующей деформализации их деятельности.

Во время второй сессии выступили Андрей Яковлев, который представил исследование, проведённое совместно с Ниной Ершовой и Ольгой Уваровой, Улла Папе (Свободный университет Берлина) рассказала о совместном со Станиславом Климовичем и Катариной Блюм исследовании; модератором стал Андрей Шевчук, а рецензентом — Вадим Радаев. Докладчики сфокусировались на макроконтексте властных отношений в хозяйственных системах — на вовлечённости бизнеса в систему государственной поддержки в России, специфике сетевого взаимодействия бизнеса с государством на региональном уровне, а также на управлении декриминализации хозяйственных практик на функционирование рынка (как рынок с точки зрения моральных норм реагирует на введение и снятие правовых ограничений).

Затем свои исследования представили Леонид Косалс и Зоя Котельникова, дискуссантом которых была Алёна Леденёва. В своих докладах они рассказали о работе над пониманием легальности и легитим-

ности в хозяйственных отношениях и обратились к вопросу о том, как могут быть взаимосвязаны эти концепты. Исследование Зои Котельниковой эффективно и интересно продемонстрировало процесс борьбы экономических агентов за легальности и легитимность на примере рынка контрафакта и защиты интеллектуальной собственности в поведении транснациональных корпораций (ТНК) в 12 секторах товаров повседневного спроса, или быстро оборачиваемых потребительских товаров (*fast moving consumer goods* — FMCG).

В заключительной для первого дня семинара сессии и модерлируемой Еленой Бердышевой свои исследования представили Марек Домбровский, Александр Куракин (его исследование было проведено в соавторстве с Александром Никулиным); дискуссантом был Леонид Косалс. В рамках сессии оказалось важным обсудить проблему взаимосвязи и взаимовлияния (*interdependence*) систем рыночной капиталистической экономики и демократии, причём проблема была рассмотрена в специфическом контексте посткоммунистических стран, обсуждались модели взаимодействия российских сельских сообществ с сельскохозяйственным производством и агробизнесом, их развития и функционирования в этих условиях.

Также с докладом по своему исследованию выступил Иван Павлюткин; его рецензентом стал Борис Белявский. И. Павлюткин обратился к рынку образования и поднял тему борьбы за власть на примере глобальной рейтинговой системы: каким образом участие университетов в ней и институциональный контекст влияют на академические организации, их стратегическое позиционирование, в какой мере глобальная рейтинговая система может вызывать гомогенизацию университетов.

Второй день семинара открыла сессия о сензитивных рынках и аспектах хозяйственных отношений с асимметричным распределением власти (модератор Денис Стребков). В качестве докладчиков первыми выступили Елена Бердышева и Регина Решетева, а рецензентом была Елена Богданова. Докладчики уделили внимание моральному измерению реализации власти рыночными акторами. Был затронут вопрос о том, как рынки выступают производителями культуры, (пере)определяя смыслы и культурные категории продукта (*definitional power*) на примере рынка инновационных лекарств от рака. Оказалось весьма интересным и то, каким образом в российском обществе при недоверии государству и разочаровании в нём рынок становится площадкой для политического заявления российских потребителей через паттерны циничного потребления.

Затем свои доклады представили Диляра Ибрагимова (совместная работа с Алей Гусевой, профессором социологии Бостонского университета) и Полина Жидкова; рецензентом выступила Яна Крупец. Исследовательницы сфокусировались на гендерном аспекте финансовых отношений в российском контексте, в частности — на финансовой автономии жён в семье, приобретении ими власти и прав (*empowerment*) через участие в управлении семейными финансами, а также — на детерминантах разногласий по поводу денег между супругами.

Идея социальной обусловленности хозяйственных отношений в случае прямого обсуждения акторами редистрибуции власти подробно развивалась и во время следующей сессии, которую модерировала Евгения Балабанова. Со своими докладами выступили Мария Давиденко и Виктор Альберт, Елена Богданова (Гётеборгский университет); дискуссантом стала Анна Круглова. Исследователи приглашали к обсуждению рынка жилья и конфликтов, возникающих на фоне неолиберализации и джентрификации в городском развитии. Исследователи обратились к представлениям горожан об их районе (на примере Академического района г. Москвы, Юго-Западный административный округ) и факторам участия людей в протестной активности в защиту исторической памяти, к социальному конструированию ценности и цены жилья в ходе их прямого обсуждения акторами (через анализ кейса реновации в г. Гётеборге, Швеция).

Марина Чернышова и Ольга Кузина, Майя Шмидт (Университет Уппсалы), дискуссантом которых выступил Андрей Шевчук, постарались в своих работах понять, каким образом формируются социальные связи между людьми в процессе экономических отношений, обратившись к логикам обоснования практик благотворительности малого и среднего бизнеса в российских малых городах, а также к тематическому анализу корпуса академических текстов по проблеме экономики совместного потребления (*sharing economy*). Их доклады были в значительной степени связаны с обсуждением морально нагруженных концептов, вызвав множество вопросов и спровоцировав бурную полемику в чате. Это напомнило исследователям о специфике экономико-социологического подхода к анализу хозяйственных отношений, инкорпорированных в моральные и социально-культурные категории и зачастую противопоставленных рациональному инструментальному поведению. Доклады продемонстрировали, насколько скрытыми и дисперсными оказываются властные практики.

В ходе третьей сессии (модератор Анна Круглова) свои исследования представили Алексей Победоносцев (Европейский университетский институт во Флоренции), Мария Тысячнюк (исследование, проведённое в Висконсинском университете в Мадисоне совместно с Сарой Тейтельбаум, Андреем Петровым и Леа Хоровиц), дискуссантом которых выступила Елена Бердышева. Докладчики уделили внимание конфигурации властных отношений в распределении ренты от коммерциализации национальных природных богатств и представили, как используется и трансформируется государством-рантье ресурсная рента от добычи нефти в Венесуэле, как осуществляются и регулируются переговоры по поводу внедрения Принципов предварительного информированного согласия (Free Prior and Informed Consent — FPIC).

Затем Ольга Сидоренко (Воронежский государственный университет) и Дарья Щеглова (НИУ ВШЭ, Институт образования), Илья Павлов, исследования которых рецензировала Анастасия Казун, в своих докладах говорили об изменениях в обществе и коммуникативном пространстве на примере двух социальных групп — чиновников и предпринимателей в России (исследование О. Сидоренко и Д. Щегловой), а также миллениалов, испытывающих на себе процессы информационной сегрегации в социальных сетях (исследование И. Павлова). Тема информационной сегрегации вызвала особенно оживлённое методологическое и содержательное обсуждение участников семинара, продемонстрировав интерес к фундаментальному сдвигу в социальных отношениях в результате цифровизации.

В заключительной сессии семинара приняли участие Юлия Белова и Тамара Кусимова (Центрально-Европейский университет); дискуссантом выступил Денис Стребков. Представленные доклады касались регулирования практик потребления алкоголя (автор обратилась к кейсу введения временных ограничений на его продажу в современной России) и соответствующих механизмов уклонения индивидов от формальных норм. Также обсуждалась проблематика конструирования ценности и аутентичности русской кухни в контексте гастрополитики в Москве после введения продовольственного эмбарго в 2014 г.

Доклад Дарьи Лебедевой (дискуссант Регина Решетева; модератор Дарья Щеглова) касался смыслов повседневного участия молодых москвичей в практиках заботы об окружающей среде, что становится для них способом приобретения голоса в экологической повестке. Стоит отметить, что доклады сессии были сфокусированы на повседневных практиках, обогатив предшествующие дискуссии о власти с позиции макроакторов и социальных структур.

* * *

Подводя итоги семинара, Зоя Котельникова отметила ценность проведённых обсуждений на тему отношений власти в хозяйстве, обратив внимание на то, что такие отношения часто принимаются как

данность и остаются вне исследовательского фокуса. Власть сама по себе имеет амбивалентную природу и способна как создавать возможности для автономного поведения, так и, напротив, ограничивать действия акторов. Также важно было подчеркнуть, что участники семинара работали не с единой монолитной концепцией власти, а видели её различные проявления, в том числе — скрытые или коллективные формы. Согласно одним исследованиям, власть может нести угрозу, в то же время в ряде работ было показано, что она является инструментом, с помощью которого возможно предотвращать возможные угрозы социальному порядку.

Живое обсуждение вызвали планы участников международного семинара доработать свои исследования для англоязычной коллективной монографии из серии «Societies and Political Orders in Transition» («Общества и политические порядки в переходный период») международного издательства Springer, чтобы подготовить книгу в 2020–2021 гг., и русскоязычных препринтов серии «Социология рынков» ЛЭСИ. Говоря о перспективах дальнейшей работы над темой, Зоя Котельникова призвала сфокусировать исследовательские интересы (как в рамках подготовки коллективной монографии, так и для работы, которую собирается продвигать Лаборатория) и не идти по пути отражения максимальной вариации власти как концепта в целом.

Затем слово взяла Елена Бердышева, один из организаторов работы семинара. Она подчеркнула, что в Лаборатории есть традиция летом собираться на несколько дней для академических обсуждений — например, в рамках проходящих каждые два года летних школ⁴. Международный семинар обогатил историю этой практики атмосферой строго научного обмена. «Очень приятно, что мы все говорим на одном научном языке», — отметила Елена Сергеевна, обращая внимание всех участников на то, что собравшиеся исследователи стали частью имеющей большой потенциал академической сети, и Лаборатория экономико-социологических исследований очень заинтересована в её поддержании и расширении.

Участники семинара также отмечали, что при всей непредсказуемости внешних условий работа прошла успешно. Смешанный формат мероприятия, комбинация онлайн- и офлайн-работы обогатили ход обсуждения. Использование чата дисциплинировало, поскольку комментарии, вопросы и ответы нужно было четче структурировать и яснее выражать свои мысли; читать комментарии было очень интересно, а по сравнению с классическими конференциями со множеством секций, которые невозможно посетить, такая форма работы показалась удобнее. Одна из исследовательниц также заметила, что подобные мероприятия предполагают перерывы и организацию специальных переговорных (*breakout rooms*), чтобы участники могли сохранять традицию внеаудиторного общения и формирования академических сетей, столь важных для формата конференции. Вероятно, все эти замечания будут учтены, поскольку, как говорят эксперты, онлайн-формат в посткоронавирусном мире станет новой нормой повседневности. Но в то же время нельзя недооценивать значимость физического соприсутствия участников, возможность дообсудить темы в перерывах.

Многие участники назвали проведённые обсуждения в высшей степени разносторонними и насыщенными. Интересно отметить, что в рецензиях многих дискуссантов в той или иной форме озвучивалась важность дальнейшего использования в качестве гипотез полученных исследователями результатов, поскольку это не даёт выводам «повиснуть в воздухе».

В силу очень жёсткого графика не удалось обсудить все комментарии, которые давали участники. Однако благодаря этим комментариям стала очевидна ценность смешанного формата мероприятия. Вопросы и замечания остались в чате, что позволило зафиксировать все возникающие инсайты, важные для теоретического обогащения каждого исследования в отдельности и проблематики семинара в целом.

⁴ Более подробную информацию о летних школах см. на сайте ЛЭСИ https://ecsoclab.hse.ru/summer_schools_ru

В заключительном слове Вадим Радаев подчеркнул как успешность проведённого семинара с точки зрения выбранной формы работы (в том числе была отмечена эффективность использования чата для дискуссии), так и продуктивность интенсивной исследовательской деятельности. Общий уровень содержания семинара, по мнению профессора Радаева, был достаточно высоким, что даёт обоснованные надежды на продолжение совместной исследовательской деятельности и взаимодействия между участниками мероприятия.

Прозвучало много слов благодарности всем участникам, откликнувшимся на приглашение к работе, а также коллективу организаторов, приложившему много усилий, чтобы мероприятие состоялось, собиравших буквально по крупицам программу, организационную и менеджеральную составляющие.

Подводя итог, стоит ещё раз отметить, что в рамках международного семинара основная тема властных отношений в хозяйственных отношениях обсуждалась с позиции совершенно разных исследовательских парадигм, удалось высветить множественные источники власти, формы её проявления и реализации, а также её амбивалентный характер [Ледяев 2019].

Красной нитью в обсуждаемых исследованиях прошёл сюжет о том, что зачастую акторы явно не преследуют цели установления контроля над рыночными процессами, но реализуют свои личные интересы, гражданственность, моральные императивы, а теоретизирование властных отношений несводимо к конвенциональным исследовательским дихотомиям (например, легальное и легитимное, формальное и неформальное, добровольное и принудительное).

В этом году академическое сообщество обратило внимание на значимую дату — 100 лет со дня смерти М. Вебера, который внёс огромный вклад в формирование социологического знания и проблематику властных отношений. И всё же участники международного семинара поставили под сомнение неоспоримость концепции власти как принуждения, насилия, подчинения. На конкретных интересных и неочевидных примерах они показали многогранность концептуализации власти, предложив альтернативные способы подхода к теме. Соотношение легальности и легитимности, механизмы расширения прав и возможностей (*empowerment*), три измерения власти [Lukes 2005], совместная власть (*concreted power*) [Haugaard 2012], взаимодействие макроакторов в хозяйственных отношениях, власть в рамках социологии повседневности — эти и многие другие способы теоретизирования властных отношений активно обсуждались в течение международного семинара.

В заключение стоит вспомнить системообразующий для экономической социологии концепт социальной укоренённости [Granovetter 1982]. В контексте проблематики власти такой акцент оказывается важным ещё и потому, что подчёркивает не только множественные формы борьбы акторов за власть, но и разнообразные внутренние смыслы, которыми они руководствуются в хозяйственных практиках. Выступления спровоцировали интересную методологическую дискуссию о «проклятии парадоксов» в академической традиции, которая продолжилась и во время перерыва. Как объяснили участники, «проклятие парадоксов» отсылает к принятой в традиции академических исследованиях начинать исследование с проблемы-парадокса. Из-за этого иногда учёным приходится искусственно создавать парадокс, «притягивая за уши» противоречие.

Важно обратить внимание ещё на один тезис, вероятно, довольно важный для обогащения теоретической дискуссии о режимах влияния и структур управления в обществе: институты, оформляющие хозяйственные отношения и служащие их социальным контекстом, не статичные структуры — им свойственна процессуальность. Именно внимание к тому, как они разворачиваются, конструируются, реализуются (*enact*) в социальных отношениях и переговорах акторов позволяет, по всей видимости, раскрыть глубинные паттерны их функционирования и социальных отношений, в которые они вовлекают социальные группы.

На наш взгляд, основная цель международного семинара оказалась успешно достигнута. Впрочем, он стал лишь первым шагом к обсуждению проблематики разнообразия режимов влияния и властных практик в рамках экономической социологии. Вместе с тем мероприятие собрало для камерного и продуктивного обсуждения представителей совершенно разных исследовательских областей, профессиональных интересов и академических традиций. Семинар показал, что это разнообразие не становится помехой для продуктивного обсуждения общей темы, оно лишь обогащает совместную работу единой тематической сети.

После длительного периода коронавирусных ограничений мероприятие позволило восполнить дефицит научного общения и поддержать активную академическую деятельность. Как справедливо заметили организаторы, семинар стал важным шагом в стимулировании и расширении сети, которую хотелось бы построить вокруг Лаборатории экономико-социологических исследований, прежде всего — из исследователей, причастных к работе международного семинара. И оказалось в высшей степени важным и ценным, что сотрудники ЛЭСИ и внешние исследователи встретились и обсудили интересующие их проблемы, обменялись академическими планами, получили комментарии к своим работам, позволяющие развивать исследования.

Литература

- Ледяев В. Г. 2019. Концептуальный анализ власти: Проблематика и современные тенденции. *Политическая наука*. 3: 14–29. DOI: <http://www.doi.org/10.31249/poln/2019.03.01>
- Birkinshaw J., Hamel G., Mol M. J. (2008). Management Innovation. *The Academy of Management Review*. 33 (4): 825–845. DOI: <https://doi.org/10.2307/20159448>
- Granovetter M. 1985. Economic Action and Social Structure: The Problem of Embeddedness. *American Journal of Sociology*. 91 (3): 481–510.
- Haugaard M. 2012. Rethinking the Four Dimensions of Power: Domination and Empowerment. *Journal of Political Power*. 5 (1): 33–54.
- Lukes S. 2005. *Power: A Radical View*. Basingstoke, UK: Palgrave Macmillan.
- Smelser N., Swedberg R. 2005. Introducing Economic Sociology. In: Smelser N., Swedberg R. (eds). *The Handbook of Economic Sociology*. Princeton: Princeton University Press; 3–25.

CONFERENCES

Daria Lebedeva

International Workshop “The Varieties of Power in the Economy”

Laboratory for Studies in Economic Sociology, NRU HSE, July 2–3, 2020, Moscow, Russia

LEBEDEVA, Daria —

BA student in Sociology;
Research assistant at
Laboratory for Studies in
Economic Sociology, National
Research University Higher
School of Economics.
Address: 20 Myasnitskaya
Str., Moscow, 101000,
Russian Federation.

Email: dlebedeva@hse.ru

they shared their understanding of the topics and how they can be incorporated in various conceptual frameworks within economic sociology.

Abstract

The international workshop ‘The Varieties of Power in the Economy’ was held from July 3 to 4, 2020 in Moscow, Russia. The seminar was organized by the Laboratory for Studies in Economic Sociology (LSES) at the National Research University Higher School of Economics, Moscow. The seminar primarily aimed to initiate a discussion on power practices, modes of influence, compliance, and governance structures in the economy.

The keynote speakers of the workshop were Alena Ledeneva, Professor of Politics and Society at the School of Slavonic and East European Studies (University College London, UK) and Valery Yackubovich, Professor at the Management Department (SSEC Business School, France). In their lectures

Apart from LSES, the seminar engaged researchers from various research institutions, backgrounds, and traditions. Invited speakers included Elena Bogdanova (University of Gothenburg), Tamara Kusimova (Central European University), Aleksei Pobedonostsev (The European University Institute in Florence), Olga Sidenko (Voronezh State University), Daria Shcheglova (HSE University—Institute of Education), Maria Tysiachniouk (University of Wisconsin-Madison), Ulla Paper, Stanislav Klimovich, and Katharina Bluhm (Freie Universität Berlin), and Maya Shmidt (Uppsala University).

The researchers took a closer look at their academic fields and identified the issues of power practices, forms of influence, and control in economic exchange. By examining completely different social spheres and institutional fields, the participants discussed the ambivalence of power and the variety of power relations and practices in the economy.

Keywords: economic sociology; power; varieties of economic power; legality; legitimacy; ambivalence.

References

- Birkinshaw J., Hamel G., Mol M. J. (2008). Management Innovation. *The Academy of Management Review*, vol. 33, no. 4, pp. 825–845. DOI: <https://doi.org/10.2307/20159448> (accessed 27 July 2020).
- Granovetter M. (1985) Economic Action and Social Structure: The Problem of Embeddedness. *American Journal of Sociology*, vol. 91, no 3, pp. 481–510.
- Haugaard M. (2012) Rethinking the Four Dimensions of Power: Domination. and Empowerment. *Journal of Political Power*, vol. 5, no 1, pp. 33–54.

Ledyaev V. Konceptual'nyy Analiz vlasti: Problematika i Sovremennye Tendentsii [Conceptual Analysis of Power: Basic Issues and Current Trends]. *Political Science = Politicheskaya Nauka*, no 3, pp. 14–29. DOI: <http://www.doi.org/10.31249/poln/2019.03.01> (accessed 27 July 2020) (in Russian).

Lukes S. (2005) *Power: A Radical View*, Basingstoke, UK: Palgrave Macmillan.

Smelser N., Swedberg R. (2005) Introducing Economic Sociology. *The Handbook of Economic Sociology* (eds. N. Smelser, R. Swedberg), Princeton: Princeton University Press, pp. 3–25.

Received: July 20, 2020

Citation: Lebedeva D. (2020) Mezhdunarodnyy issledovatel'skiy seminar «Raznoobrazie rezhimov vlasti i vlijaniya v khozjaystvennykh otnosheniyakh» NIU VShE, 3–4 iyul'ya 2020 g., Moskva, Rossiya [International Workshop “The Varieties of Power in the Economy”. Laboratory for Studies in Economic Sociology, NRU HSE, July 2–3, 2020, Moscow, Russia], *Journal of Economic Sociology = Ekonomicheskaya sotsiologiya*, vol. 21, no 4, pp. 150–161. doi: [10.17323/1726-3247-2020-4-150-161](https://doi.org/10.17323/1726-3247-2020-4-150-161) (in Russian).

NEW TEXTS

Polina Zhidkova

Types of Financial Disagreements in Families: Qualitative Evidence from Russia

ZHIDKOVA, Polina — PhD Student, European PhD in Socio-economic and Statistical Studies; Research Fellow, Laboratory for Studies in Economic Sociology; National Research University Higher School of Economics. Address: 101000, 20 Myasnitskaya Str., Moscow, Russian Federation; 4E Sedanstr., Berlin, 13581, Germany.

Email: papopova@hse.ru

Abstract

Financial disagreements have been previously identified in the literature as the main predictor of divorce in families as well as the most difficult and prolonged type of disagreement among spouses. However, the topic of financial conflicts between spouses remains undertheorized and has been insufficiently studied empirically in Russia. This study attempts to fill this gap in answering the question of how financial disagreements in families can be classified. To resolve this research problem, 35 Russian married or cohabiting couples were interviewed. In-depth interviews were conducted with each of the partners separately to determine their positions and compare their views within the couple. The results show that financial disagreements are normalized phenomena in the life course of Russian couples. However, the issue seems to be very sensitive, and the qualitative methodology allowed for the detection that partners may feel embarrassed and stressed while discussing the reasons for financial conflicts. Nevertheless, five types of financial disagreements were identified based on their underlying reasons: price conflicts, conflicts about necessity, conflicts of goals, conflicts due to a lack of planning, and conflicts of values. The last type seems to be one of the most difficult and unpleasant types of family conflicts, as it shows that partners hold different and often incompatible positions regarding the family's finances. This result highlights the importance of using a relational sociology approach while studying marital financial disagreements. Also, the identified typology can serve as a guide for studying financial conflicts in families more deeply and for family therapy and divorce prevention.

Keywords: financial disagreements; marital conflicts; money management; decision making in households; partners' values; qualitative methods.

Acknowledgments

The reported study was funded by the RFBR, with project number 19-311-90058. The author wishes to thank Dilyara Ibragimova for research supervision, Elena Berdysheva and Anna Kruglova for useful comments on the first drafts of the paper, and Prof. Dr. Philipp Lersch, Nicole Kapelle, Thereza Nutz, Manuel Schechtl, Daria Tisch, and Kilian Ruess for fruitful discussion of the article's last draft.

Introduction

The results of an opinion poll [Levada-Centre 2016] showed that in 2016, 37% of Russian families had conflicts due to a lack of money, and 16% of the spouses quarreled because of their spending decisions. At the same time, as many of the

other causes of disagreements in families have lost their “popularity” (e. g., in 2011, alcoholism was a problem in 9% of families, whereas in 2016, this figure dropped to 6%), the percentage of families in which financial issues dominate has grown over the last five years [Levada-Centre 2016]. Money is one of the core aspects of family life, and partners have to deal with financial decisions on a daily basis. Therefore this topic is not an issue that can just be silenced. Moreover, financial decisions embody power mechanisms and, consequently, inequality, (dis)satisfaction, and injustice within a couple [Pahl 1983]. Further, the significant effect of financial disagreements on divorce rates has been widely studied [Amato, Rogers 1997; Britt, Huston, Durband 2010; Cubbins, Vannoy 2004; Dew 2009; 2011; Dew, Britt, Huston 2012]. In Russia, the issue of family stability is quite acute because the dynamics of divorces continue to be alarming,¹ and attention has been drawn to the fact that more and more newly formed couples tend to break up [Zakharov 2015]. Under such circumstances, research on financial disagreements and the reasons behind them in Russian families seems to be necessary to maintain the functioning of the family unit and decrease divorce rates.

As Zelizer [2002] has noted, money is a significant issue in family relationships, but scholars know very little about the financial processes within couples' lives. This blind spot seems to be the outcome of the general research topic distribution, the lack of data availability, and, in particular, the course of Russian history. The overall topic of financial behavior came to sociologists' attention relatively recently in the late 1980s, when the new economic sociology came into view. In Russia, interest appeared a little later, and this can partly be attributed to objective circumstances—the sphere of finance, in general, began to develop only during the post-Soviet period.

Social researchers have focused on financial management (see, for example, [Ibragimova 2012; 2016; Ibragimova, Guseva 2015; Pahl 1983; 1990; 1995; Vogler, Brockmann, Wiggins 2006]) and all its aspects, including making decisions about purchases [Sun 2010; Zagorsky 2003], control over money resources, division of labor [Brines 1993; Cubbins, Vannoy 2004; Ridgeway 2011], the inequality in spousal relations [Vovk 2007; McLanahan, Percheski 2008; Halpern-Meekin, Turney 2016], and the interaction between partners [Heavey et al. 1993]. In recent years, the topic of financial power has also been revived [Vogler 1998; Trentham, Larwood 2001; Vogler, Lyolette, Wiggins 2008; Blossfeld, Drobnič 2009; Ibragimova 2016]. One can also find research on the impact of both financial management and conflict over money on divorce [McGonagle, Kessler, Schilling 1992; Addo, Sessler 2010; Dew, Dakin 2011; Dew, Britt, Huston 2012;]. However, an investigation into financial conflict's nature, its reasons, and its specific structure is missing in this huge body of literature. If psychologists can be said to focus on the course of the financial conflict and the patterns of communication leading to its emergence (see, for example, [Gudmunson et al. 2007; Mitchell et al. 1962]), sociologists touch upon this topic rather superficially. Moreover, the studies showing the negative impact of financial disagreements on divorce consider the subject as a whole without differentiating disagreements by their patterns. Thus, the main questions of this study are as follows: What kind of financial disagreements do Russian families face? What are the reasons for their emergence, and what attitudes do partners hold toward this issue?

These questions are crucial to be answered, as existing studies could create the picture that financial disagreements are an absolute evil for family stability and, in most cases, lead to divorce. However, family life may not be so easily divided into absolute categories; every aspect of marriage has its own features, reasons, and processes. Financial conflicts are also different in essence; it may therefore not be so accurate to measure them as a whole issue. This is why this investigation set the task of understanding the nature of financial disagreements and their reasons.

This article contributes to the sociological literature on financial matters within the family by further examining financial disagreement and researching those types of financial disagreements that can be empirically iden-

¹ In 2018, for every 1,000 people, there were 6.2 marriages and 4.0 divorces [The Demographic Yearbook of Russia 2019].

tified. Using the results of 35 in-depth interviews with Russian couples, this paper offers a new typology of financial disagreements by showing that the existing classification, made almost 30 years ago [Kirchler 1990], is quite limited for Russian modernity. It also supports debate on the importance of studying intra-family communication about money, which is generally considered by sociologists and psychologists to be one of the most sensitive and understudied issues [Trachtman 1999; Dew, Britt, Huston 2012; Romo, Abetz 2016].

Conflict Theory and the Reasons for Financial Conflict

The following section presents an overview of theories focusing on marital and financial conflicts. The aim here is not only to present a background of the research, but to also identify those ideas about the reasons that cause financial disagreements within the couple.

Why does Financial Conflict Occur?

The family stress theory [Conger et al. 1994] argues that the existence of economic pressure on the family creates many stressful situations and increases the conflict atmosphere. However, even in cases where the spouses have sufficient resources to meet common needs, the financial issue remains, as money is always limited to some extent. The needs and desires of family members in relation to money spending may exceed their existing opportunities. Moreover, regardless of the available funds, some family members may feel deprived due to the distribution of access to resources and the possibilities to spend them. Therefore, the level of power perceived by family members and the recognition of one's own values can be significant. Making decisions about money, which in turn can be related to financial disagreements, remains under the influence of values and their perception [Papp, Cummings, Goeke-Morey 2009].

This approach is supported by relational sociology [Zelizer 2012] in the following way. R. Belk and M. Wallendorf [1990] have argued that money is a unique subject, since it can be defined as profane (it is used in everyday life and is something ordinary) and as sacral (because of the meanings and values that are embedded in it). The controversy between these two kinds of values embedded into money creates the necessity of relational work [Bandelj, Wherry, Zelizer 2017]. According to Zelizer, the relational sociology places social relations into economic action [Zelizer 2012]. Individuals have to track whether their exchange means correlate with various types of social relations [Wherry 2017]. Thus, studies have found that parents are more likely to discuss the topics of drugs or sex with children than to share the mechanisms of financial management within the family [Atwood 2012].

In capitalist societies, money is associated with the concept of power, which in turn is embedded in one of the most dominant topics of today—the problem of (in)equality. Such a close relationship leads to the fact that the topic of money necessarily creates conflict because the origin of any, especially financial, conflicts is concentrated in the confrontation around resources. Power can be considered one of the most important resources in relationships, and money seems to be its simplest and ubiquitous indicator and an asset at the same time. It turns out that money can be both a mechanism that reflects and supports this inequality [Pahl 1983].

When considering power relations, the traditional model of the family looks like this: if the husband earns more than his wife and acts as the main breadwinner of the family, then she is obliged to take on more household chores. However, if the wife earns more than her husband, then the distribution of responsibilities is often more inclined toward equality (an egalitarian division of household chores) than to the situation where the woman is basically the breadwinner, and the man is busy at home [Cubbins, Vannoy 2004]. This model modification proves once again that the topic of money and power, as well as the conflict arising from them, has to be deeply investigated. This is because the model, while first assuming the inversion of men's and women's roles, questions the displacement of the male traditional role, causing internal tension and increas-

ing both dissatisfaction and the number of reasons for disagreement. To study the issue of power within the family in the context of financial disagreements, it is useful to consider Lukes's typology of power within a couple [Vogler 1998]. Lukes identified three types of power: overt (power is openly manifested or conquered through the means of open conflict), covert (power is manifested through conflict avoidance and the use of hidden manipulation techniques), and latent (power is acquired through ideology, which is imposed by one of the partners; here, the latent conflict of values is usually encountered).

Moreover, financial problems in families are pivotal, as this aspect of life can hardly be ignored by either spouse. Couples encounter money and shopping decisions and other forms of financial behavior every day, so it is difficult to just silence or circumvent such problems [Dew, Dakin 2011]. For example, Addo and Sassler's study [Addo, Sassler 2010] found that the financial management model had a significant impact on the frequency of conflicts and their intensity. Others say that money in the family is uniquely associated with such hidden characteristics as power and control, because the sense of injustice, that at least one of the spouses might have, is a predictor of financial disagreements [Dew, Britt, Huston 2012].

In this regard, it is not surprising that the results of many studies [Amato, Rogers 1997; Dew 2009; 2011; Britt, Huston, Durband 2010; Dew, Britt, Huston 2012] show that financial disagreements are one of the main predictors of divorce. J. Dew, S. Britt, and S. Huston's [2012] regression model showed that conflicts over finances exhibited the highest ratio, with conflicts over sexual relations holding second place for men, and conflicts on the children's upbringing as second for women.

Existing Typologies of Financial Conflict

A financial conflict can have different sides. First, it can be a conflict associated with an argument between spouses about the purpose of using money (e.g., about the need for something or the reliability of saving money); in this case, it could also be a conflict about the profane value of money. Second, such conflicts can be focused on the value and meaning of money, which implies its sacredness. In the second case, this would also be a conflict of values, which is neither superficial nor easily solvable (contrary to L. Coser's [2000] opinion). Nevertheless, empirical studies show that any disagreements about finances are reported by the spouses as the longest, most irreconcilable, and most crucial for further relationships. Moreover, if the conflict is related to deeper values concerning money, the spouses more often use "negative" tactics in the conflict process. For instance, they may refuse to compromise, raise their voices, or resort to insults [Dew, Britt, Huston 2012].

In prior studies of families (and their financial behavior), only one classification of financial disagreements [Kirchler 1990] stands out:

- Probability conflict: In a purchasing situation, the spouses agree on the need and value of the product, but they cannot come to a common decision regarding the quality of alternatives within the product category.
- Value conflict: The spouses disagree on the ethical acceptability of a product.
- Distribution conflict: The spouses disagree over their individual resource allocation in the matter of a purchase.

As this typology might be the only one relevant today, there are still some questions that need to be answered: Is it exhaustive? Further, is it suitable for Russian data? This empirical study aims to bring clarity to these issues.

Methodology

The present study is based on qualitative interviews that allowed for in-depth immersion into the financial matters of each family and the potential types of financial disagreement. Since qualitative research is important to build on contrasting cases (for comparison and the construction of relative conclusions) [Stainberg et al. 2009], and because of the discovered theoretical premises (i.e., increased conflict over finances in newly formed families [Cubbins, Vannoy 2004; Lippe, Voorpostel, Hewitt 2014] and families with a small child [Crohan 1996; Kluwer, Johnson 2007; McLanahan, Percheski 2008]), it was decided that three types of families would be identified and analyzed (Table 1):

Table 1

Groups	Sample Criteria			Duration of Cohabitation (years)
	Presence	Children Amount	Age	
Group 1	No	—	—	< 1
Group 2	Yes	1	0–2 years	> 1
Group 3	Yes	1+	At least one child under 14 lives in the household	> 1

The author herself conducted interviews with 12 couples (24 partners) who had no children and had lived together for less than a year. To cover the two other groups, the author used an array of data from interviews conducted from 2012 to 2016 by the Department of Economic Sociology at the National Research University “Higher School of Economics.” These data contained information on more than 300 households (both partners were interviewed). The interviews were conducted by three associate professors and a group of third-year Bachelor of Arts students who were using the data for their term paper case studies. One problem was that the array had a significant bias toward newly formed and middle-aged families (45–55 years). Also, a lot of interviews were superficial in quality. Thus, the author selected interviews for the second and third groups based the criteria of quality, completeness of information, and accordance with the saturation mechanism.

As a result, the data for 35 families (see Appendix) were selected from the general dataset (interviews with 70 spouses were analyzed): 13 families belonged to the first category, 12 families belonged to the second category, and 10 families² belonged to the third category; the third category was the most homogeneous in terms of the nature of financial disagreements. This can be explained by the fact that amount of time spent in marriage reduces the frequency of conflicts [McGonagle, Kessler, Schilling 1992].

The interviews were conducted in Russian and were translated into English for this paper by the author. The interview guide covered all the topics related to the financial behavior of the family: general characteristics of the family regarding who earns more, mechanisms of money management, processes of financial decisions, power issues, presence of financial disagreements, and the ways in which such disagreements are avoided or resolved. Cohabitations and official marriages were treated equally here, as the main criteria of the sample was living together regardless of how the relationship was formed. The was because the interviews were focused on day-to-day live and decisions that could be encountered in both types of relationships.

The codes “wife” and “husband” in citations were used for both officially married and cohabiting partners for clarity; the “partner” category does not present a gender, and it was important for the purposes of this study to understand whose attitude was expressed on each occasion.

² The numbers between the categories are different as the analysis was based on the saturation mechanism and stopped when new information was no longer found in the scripts.

The analysis of the data was constructed by means of analytical induction to derive the structure of the financial disagreements and their typology. Such an approach involves the inference of common signs for different cases [Steinberg et al. 2009], including characteristics leading to the presence of disagreements (in general form) and the differentiation of conflict types. Moreover, this method involves systematic comparisons between groups [Devyatko 2002], and a typology is the main analytical result of its application [Klyushkina 2000]. The sample included three groups of interest, with varying sets of causes leading to the emergence of financial disagreement. In such an analysis, it is important to consider not only “positive cases”—the presence of a predictor for each case in question—but to also identify negative ones that disprove the hypothesis. However, this is one of the dangers of using the method, as any refutation of the hypothesis leads to the introduction of explanatory variables.

Empirical Evidence on Financial Disagreements in Russia

What is a Financial Disagreement for Spouses?

The first task was to identify the attitudes of the husbands and wives to financial disagreements in their families. This topic is obviously a sensitive one, and the couples were trying to provide different self-justifications to show that their relationships were fine. Nevertheless, the answers to a direct question, “What do you think about the financial disagreements in your relationship?” could be conditionally divided into two large groups. The first group included those spouses who believed that conflicts and disagreements were a normal part of life, without which it was impossible to develop family relations:

Well, from the one point of view, conflicts are inevitable evil. From the other—they are the force of progress, so they serve as a positive thing as well. (family 2014_123, 2_w)

Well, conflicts are different; conflicts based on money are not exactly the same, either. However, we need to take them as they are because otherwise, marital life is impossible. (family 2014_127, 1_h)

Conflicts are an absolutely normal part of life. A feature of being an adult is the ability to solve them—to compromise. (family 2014_123, 2_h)

Disagreements in any couple are normal, but you have to decide whether you want to pick the person completely as they are and deal with your differences, or maybe it is better to break up the relationship. (family 2015_13, 3_w)

These opinions echoed L. Coser [2000], who maintained that the main function of a conflict is a positive one, in that conflict ensures the channeling of emotions, progress in relations, and the search for opportunities.

The second group of spouses consisted of those who considered disagreements to be unpleasant and a poison to the relationship:

For me, this is a personal tragedy of an entire scale; if I quarrel with a man, it's perceived as if it's forever. (family 2014_125, 1_w)

I hate conflicts... We could be spending our time on something pleasant, but we are doing this drivel... It enrages me a lot! (family 2014_129, 1_h)

Due to the procedure of analytical induction, it was possible to identify the signs that correspond to one or another type of reaction to a conflict. It could be determined that the second group of spouses provided a more emotional assessment of their relationships and negatively responded to questions about the presence of conflicts.

This was especially pronounced in families where two partners had opposing opinions. A spouse who related to disagreements positively could give more examples, recall different situations, and calmly approach clarifying questions, while the second spouse would deny having any problems, even if the interviewer tried to “push” them to give some clear-cut examples. It can be assumed that a positive assessment of the disagreement is indicative of a less emotional experience of conflicts and a rare return to them. In such cases, there is the formation of a calm attitude toward what happened, and the recognition that the conflict was an experience that brought about certain fruits. The second type of spouse was more likely to be emotionally involved in the conflict situation, and thus the stimulus from outside to recall and report about these experiences made them think about their emotions and not the content, thereby moving them to “drive away” from these thoughts and not share them with the interviewer. Also, it is interesting to note the correlation between the assessment of conflicts and the duration of cohabitation. From the interviews, it could be hypothesized that the longer the relationship is, the less negative the attitude of the partners toward financial disagreements; couples with more experience tend to be more stable and have a better understanding of each other’s behaviors, spending habits, and saving patterns.

A noticeable difference could be found in the spouses’ perceptions of the terms “disagreements” and “conflicts.” Almost unequivocally, disagreements were defined by partners as a fairly simple form of conflict, for example, linked to a lack of strong emotions and “quarrels.” Conflict was identified as something more serious and was associated with phrases about fights, loud scandals, breaking dishes, and other forms of emotional experience. This discrepancy led to the fact that questions about disagreements were answered more willingly and spontaneously, while questions about conflicts led to denial and an emphasis that such events did not happen in the family. However, the conducted interviews also showed an unexpected tendency: women were more likely to deny having any disagreements and conflicts within the couple, while men tended to share and give more examples. When preparing the study, the interviewer’s effect was anticipated, but its direction was expected to be different. While women found it easier to organize the interview, they were less open in the communication that followed. When analyzing the interviews with the male partners, it could be found that the male point of view was very different. One possible explanation is that women could be more protective of their relationships, and that they may have wanted to show another woman that their family is almost perfect.

The procession of an argument was another crucial characteristic that could be distinguished when comparing financial disagreements and conflicts. Financial disagreements for spouses were seen as a starting point for the further development of a conflict. Some spouses noted that the disagreement escalated into conflict when it could not be resolved immediately, and it was necessary to return to the dispute to sort things out. Another kind of process can be called “pulling.” In this case, the spouses reported that financial disagreements sometimes arose in the course of a serious conflict (“quarrel”/“scandal”) on any other topic:

Sometimes, there is a conflict not over finances, but in the course of some ordinary quarrel, somehow a financial issue is involved. It occurs rather as an incidental and not as a root cause. (family 2013_9, 2_h)

It is possible to assume here that the existence of an open conflict over finances can be a rarity due to the fact that the topic of money is less comfortable as a starting point for a conflict. At the same time, this topic is clearly worth considering further if the spouses are using every opportunity available to express dissatisfaction in the area of making financial decisions. Can communication about money really be that difficult and remain a kind of “taboo” in society? It is still difficult to answer this question here, but it could be the basis for further research.

Strategies for Overcoming the Disagreements

It is not surprising in connection with these conclusions that the most popular strategy for overcoming disagreements/conflicts in the entire array of the interviews was a compromise. In general, three types of actions

reported by the spouses in conflict situations could be identified: the first has already been mentioned above, and it includes not only a compromise, but the expression of a reasoned point of view, the justification of necessity (in the case of a purchase), and a detailed discussion. The aim of this strategy is to find the most appropriate variants of resolution for both partners, or ensure the full conviction of the second spouse in the propriety of the proposed option. In other words, such a resolution entails the search for the “win/win” point. The second type of action can be conditionally called a “win/lose” option since one of the spouses succumbs to the other—usually, it was explained by the reluctance to engage in conflict or the conviction that the other spouse knew better. This strategy may actually reflect both the overt power of Lukes’s classification—subordination to the dominant subject—and latent power—the presence in the family of an ideology that imposes an understanding of which of the spouses has better knowledge of certain issues. The third strategy involved avoiding the problem; in this approach, covert power, according to the Lukes’s classification [Vogler 1998], could be discerned. The easiest example of this kind of coping is in a conflict over the purchase of something: if the spouses cannot agree on a purchase, they may abandon this idea until a better time. Another example emerges in the division of finances. It may be suggested that a partner buy something with his or her own money (if it is applicable to the family model of financial management) or, if it is a question of leisure, to split by interests:

With financial disagreements, in my opinion, everything is simple. If you want to spend some inadequate money on something that is unnecessary in someone else’s opinion, then earn it yourself and spend something extra; do not touch the household finances. (family 2014_124, 1_w)

Such tactics, as Christensen and Heavy [1990] found, are not very useful for relationships, and in some interviews, it could be discerned that there was some tension among the spouses over the subject of disagreement. In addition, as mentioned above, spouses held the view that leaving the opportunity open to return to the topic of disagreement could lead to the emergence of an acute conflict.

It is important to note that one cannot assert the discreteness of these three types of conflict when it comes to overcoming them. In some cases, the spouses talked about the transition from one form to another. For example, if a compromise did not lead to a complete resolution of the problem, the family would have to face disagreements again. In this case, they could decide to completely do away from the problem, or one of the partners would have to surrender.

Consideration of the frequency of financial disagreements cannot be established in a qualitative design. However, spouses usually reported that disagreements in their families rarely happened, and when they did, they did not lead to any serious consequences. There are several examples of statements indicating that disagreements on a topic were “necessarily happening in every other case” or simply occurred quite often, but it is not yet possible to recognize what exactly the spouses mean by this frequency.

Types of Financial Disagreements

A more intriguing aspect of studying financial disagreements is the search for their causes and the identification of types. The array of interviews revealed several classifications, and in this paper, they will be considered in the order of the most obvious and simple to the more difficult.

The first baseline of conflicts and disagreements that was referred to by the interviewees was their significance. In this part of the analysis, “in vivo” codes are presented to show how partners named their financial conflicts themselves. An insignificant conflict in their view would usually emerge when there were different positions on leisure or a disagreement about the price or other characteristics of a purchase. More essential were the aspects related to attitudes to credit, savings, and children. For example, spouses indicated that the appearance of a child was a milestone in the history of the family, and the solution to any disagreements should

be directed, first of all, to the wellbeing of the child. This correlates with the views of L. Coser [2000] (in that conflicts about money are insignificant, and conflicts related to children are a value conflict), but in this study, it could be found that the issues of finances and children could be related to one another. Another significant ground for disagreement was the concealment of some emergency money if, in general, the finances were thought of as common:

... the money ran out, and I wanted to borrow some ... and then I found out that she has money that she is saving for something ... Was it not easier to spend this money for the end of the month so that we did not have to eat buckwheat with sausages for several weeks ... (family 2014_122, 2_h)

This example shows the case of the non-fungibility of money proposed by Zelizer [2002]. Due to the difficulties in execution of the relational work between spouses, they perceived their own money differently. The female partner did not consider her savings as just money for daily needs, while her husband perceived them in another way. Thus, any difference in interests and values can lead to significant financial disagreements. For example, one of the spouses may see that it is necessary to save money on a monthly basis, and the second may find reasons to spend this money now; alternatively, one of them may be determined to take out a loan and finds resistance in the interests of her partner. This type of conflict can arise even for gifts, such as when the gifted spouse thinks that the present was too expensive, and the money spent to buy it could have served another purpose and been more useful in the household. The significance of the conflict also overlaps with the notion of perspective: the purchase of a new couch can be postponed without any consequences, but a lack of consensus on savings or the repayment of loans can lead to the accumulation of problems in the future.

An overlapping category between substantive and insignificant disagreements is vacation, as it is associated in families (especially newly formed ones) with large expenses and preparations. Disagreements can happen both in the phase of planning (as in the example of savings mentioned above) and on the basis of a mismatch with the vacation time confirmed at work. Sometimes, a conflict may arise with the intervention of a third party. For instance, the parents' families may refuse to take the grandson for this period or attempt to impose their own opinion on the destination.

It is important to note that the category of "interests" can be presented as a central issue in the study of disagreements. For example, in many families, it is possible to encounter disagreements about leisure activities, but those families that deny their presence may associate this with the commonality of their interests and tastes. The resolution for different points of view or the reasons for choosing a common interest were described in the same terms: the partners reported that the perception of their family as a unit implied a community of interests and goals. Hence, it was easy for them to overcome emerging contradictions, or the only possible option of management seems to be the pooling of all money together.

Common interests are also an important feature of decisions that are connected to children. When constructing the sample for this research, children were considered an important source of financial disagreements as spouses get one more significant item of expenditure, parents could argue about the children's needs, and may face greater lack of funds. However, the data indicated that this assumption was wrong from the content side: decisions about children seemed to be crucial for both spouses, and they were connected to a common future and common goals. The only issue that arose here was that mothers usually had more power and final say as they were thought to have more experience and knowledge, and sometimes they paid for their children from their own pockets (this corresponds with previous findings [Pahl 1995]). There were also examples where mothers had to remind fathers about important payments for the children, so if a male partner has more control over finances, he should not forget about some of the children's needs. Nevertheless, sometimes the conflict is truly worse within families with children; however, it is not the children who make it this way, but overall fatigue, anxiety, and stress related to making a lot of parenting decisions.

Turning back to the main issue of the study, the following question should be asked: What types of conflicts can be distinguished by their reasons? Here, the next analytical stage is described, and the reasons are categorized into two large groups that have been named by the author. The analyzed interviews allow for the identification of at least five types of financial conflicts.

The first type will be denoted as a **price conflict**, which is expressed through the lack of assent between spouses over the price of the goods. These conflicts can be further divided into two subtypes: the first is based on the spouses' different perceptions of the price, within which hides different understandings of the category "expensive." In the second case, it is implied that there is no desire to buy anything for the indicated amount, especially if it is only for one of the partners.

An example of the first subtype can be seen in the following quote:

Well sometimes she says that something is too expensive. But in the end, it turns out that it's not very expensive and ... Well, it's more necessary than expensive. (family 2014_123, 1_h)

Here, it can be seen that the spouses agreed on not the purchase itself, but on whether it was acceptable to spend a certain amount of money. Such conflicts in the families of the interviewees arose when the purchase was really needed, but the different perceptions of the price led the couple to disagreement. The solution to such situations usually comes through a compromise or the conformity of one of the spouses. The decision is usually linked to the extent to which the purchase is needed and to whom the final word belongs in the family. Nevertheless, it is worth noting that it is impossible to say unequivocally that it is the power processes in the family that are connected with the resolution of this type of disagreement, as in this case, the features of the spouses' upbringing and socialization, their opportunities, and their attitudes toward money are involved. An attempt to impose the position of one over the other may lead to the deterioration of the conflict and its development into more serious forms.

The second subtype is characterized by statements such as the following:

And recently, she said that she wants shoes of some brand, so we went to this store, and I liked only one pair of shoes in the whole store, but they were very expensive. In principle, I think, that it is easier to wait and buy them later, when we will have more or less stable financial prosperity. (family 2014_128, 1_h)

Here, there is a decision about the fulfillment of one's partner's desires for an expensive purchase, rather than the need to buy for both. In such cases, questions about who the head of the family is, who manages the finances, and who has the weightier word become more significant. For example, in a situation where partners have an independent management system or a partial pool, the decision to purchase for personal use is made between two alternatives: (1) the spouses come to a consensus and buy or do not buy this thing (win/lose strategy), or (2) the spouse who wants something is offered the opportunity to buy it with his or her personal money, thereby not affecting the part of the finances that is considered common (avoiding the common problem). In situations where all money is considered common and managed jointly or by one of the partners, the decision is likely to be assigned to one of the spouses (win/lose strategy).

The next type, a **conflict about necessity**, is quite close in kind to price conflicts. However, in this type, disputes over prices are not the issue; instead, such conflicts entail disagreements about the need to acquire something. In the previous type of conflict, those purchases that can be considered expensive are mentioned; in contrast, this type covers purchases for any, even minimal, amount. A vivid example would be shopping for a hobby of one of the spouses, such as computer games. While they may not be considered as expensive, the

second partner might not understand why the common money should be spent on what seems to be unimportant. Other examples that arose in the interviews mentioned different types of food for spouses (e.g., the wife wanted to buy yogurt, and the husband wanted sweets and chips) or smoking:

There are some games in 'steam,' and he often tells me that he really wants to buy some of them, but I have a question: why should our money be spent on these stupid things? (family 2014_123, 1_w)

At some point, I was tired of all these curds, yogurts, greens—I'm a normal guy; I need to eat! Well, we decided that we will calculate who eats what exactly. I bought a bag of potatoes—I paid 2/3 for it, and she paid 1/3 ... (family 2013_13, 1_h)

Another kind of disagreement about necessity arises when the value of the purchase is obvious to only one partner, although the purchase is meant to be shared. An example would be the purchase of new equipment for the kitchen, in which only a cooking spouse would be interested, and the second might not understand why this thing is needed. In such cases, as the spouses indicated, all power is in the persuasion and the selection of the right arguments (so, the win/lose strategy or a compromise are usually used).

The last subtype of necessity disagreements is quite unique for women, especially those who are young:

I am often dissatisfied when he tries to buy something for me, but I understand that this is not the best spending decision, and it is better to have this money for something more useful! Of course, he wants the best for me and wants me to be happy, but there are other ways to achieve this (family 2015_2, 1_w)

In the sample, there were several examples of this kind of reaction toward unexpected gifts or the desire of men to buy their wives' new clothes, shoes, and so on. Women indicated that they adored this behavior, and they knew that the partner cared, but the acceptability of the present largely depended on the couple's financial situation for the women. Here, it is important to remember that men have been shown to evaluate the well-being of the family through the possession of large assets (e. g., apartments or cars), while women focus on having no debt [Zagorsky 2003]. Therefore, sometimes, when a man is sure that the financial situation is good enough, women tend to worry, do not want to accept gifts, or refuse to spend family money on themselves. Age and relationship length seem to be special indicators of this behavior—while young families and newly formed cohabitations encountered this situation more often, women from couples living together for more than 10 years, or women aged 45+, held the opposite point of view: they were sometimes proud that their partners were ready to spend everything on them, and they felt that it was very important to care for oneself as a first priority.

The next type of disagreement can be called a **conflict of goals**. It occurs when the spouses first set common goals (e. g., savings), but over time, one partner begins to deviate from this goal and poses new, more desirable ones:

*Well, for example, we agreed to save money starting from December—a certain amount from each salary. When the time came to save money, I put money in the envelope, and my husband said that he had to buy a lot of things *laughs* and that he would save part of the next salary (family 2014_126, 1_w)*

In this case, the family has to decide how to act: some replace the goals (kind of an avoidance strategy), some demand adherence to the old one, and some find a compromise in satisfying both spouses (e. g., they make an unplanned purchase now, and save more next month). This type of disagreement is not routine, but it reflects

that the spouses often have different horizons of planning. Interestingly, a conflict of goals often goes hand in hand with the idea that there is no head in the family, and that all decisions must be made together. In this case, the influence of the dilution of responsibility can be assumed: when decisions are made by one spouse, the second cannot claim any desires, thereby strictly following the “prescriptions” that were made earlier. In the case of constant discussions, the spouses may consider it possible to adjust and try to persuade their partners that the new goals may be better than the previous ones.

Another type of financial disagreement found was a **conflict due to a lack of planning**. Such conflicts can be considered to be the most emotional and unpleasant, since they arise after one has done something wrong. For instance, a couple may make some financial decision about a major purchase, but at some point, one of the spouses may realize that this was a mistake, forcing the couple to have to severely restrict themselves for a few days before getting another paycheck:

Well, we have one form of conflict about our material conditions—this is when the money runs out sooner than we thought, because there was some big expenditure during the month, which was really necessary and we agreed upon; sometimes it happens when we agree on spending. For example, we repaired the car, there was an expenditure, and we paid 17–18 thousand rubles. So I called her, and I said, ‘Well, so...’ and she said, ‘Okay, we do this.’ At that moment, I did not think that we would have to tighten our belt! Then, two days later, I sit and think after work, and I hit the table: ‘Uh, how can you not have money? What are we on?’ Then, I remember. Yeah, I sat and cooled off, waited for my salary, and everything was fine (family 2014_127, 1_h)

The characteristic feature of such disagreements is that their ‘initiator’ is the spouse who bears responsibility for financial decisions in the family (in the case above he alone manages the budget or has had a decisive word in the purchase). According to role-based theories, leaders have absolute responsibility for defining a group decision [Trentham, Larwood 2001], and in such situations, they may be required to resolve any conflicts that may be the result of problems associated with these situations (e.g., how to spend money). These disagreements are also difficult because they occur under the pressure of emotions and cannot be simply resolved, since the action has already been committed. In such situations, according to the interviewees, only self-control can help.

The last type of financial disagreement that was found in the interview array will be called the **value conflict**. L. Coser [2000] maintained that this type of disagreement is the most complex and bears a negative function, but it is worth noting that he spoke of conflicts in general, while this study has focused on the financial aspect of family life. A value conflict over money arises when there are different attitudes toward financial institutions and a different understanding of long-term goals. Spouses will unequivocally face such conflicts if one of them is positive about loans, and the second considers them a form of bondage. As another example, if one spouse believes that every penny needs to be saved for better housing conditions, and the second thinks that saving is a waste of time and a useless restriction of one’s desires, a value conflict would arise. In such situations, the spouses have secrets, the finances are delimited, and the category of the personal becomes clearly contrasted with the category of what is common:

... in principle, there was a situation in January, when my parents gave me money for my birthday, and accordingly, it turned out that there was a deficit in the month, and at the end of the month, there was a slightly smaller amount of goods—well, relatively speaking, just the basic goods, without chocolate and so on. I was attacked [by husband], and, like, why did I not use this money to eat more abundantly so that he could go play computer games? (family 2014_122, 2_w)

I personally plan to save, but my husband, in my opinion, does not support my plans, so it seems ... It seems to him that it’s better to have fun on this money (family 2013_89, 3_w)

Interviewees facing value conflicts report the fact that they are ready to make some financial decisions in the future without asking their partner in order to avoid a reiteration of disagreements. Given that economic theories of the family consider the value of marriage as opposed to its alternatives [Blossfeld, Drobnič 2009], it is quite clear that one can draw a disappointing conclusion: in such families, each spouse at some point will have to face the issue of whether it is worthwhile to build a joint life with the constant restriction of desire, or hide them from their partner. L. Coser [2000] and K. Boulding [1962] also indicated that the biggest difficulties in conflict resolution would arise if the basic values of the communicating partners were different. Therefore, the avoiding strategy becomes a new type of problem and creates even more tension in the future.

The identified reason of financial disagreement is important to compare with Kirchler's typology [Kirchler 1990], which was taken as the ground for this research, and which also includes a value conflict type. Kirchler identified a conflict of values as a case where partners cannot agree on the ethical aspects of a purchase. However, the account presented here broadens this view—financial disagreements are wider than only purchase situations, and values are a more significant part of life in the framework of relational sociology. Values here are one of the bases of partners' relations and their decisions within the couple. When relational work encounters financial problems, values come onto the scene: partners with the same attitudes toward money and family configuration may agree on financial issues faster and more easily than those who hold completely different positions. The amount of relational work may be huge in the latter case, creating more problems that can go beyond the topic of money.

Since this research was conducted with the help of an analytical induction procedure, some characteristics that emerged alongside identified types of financial disagreements could be identified. They will be presented here as a ground for future quantitative research that can further clarify the results of this study.

Price conflicts seem to occur in families with different economic backgrounds (e.g., where the parents have different socioeconomic statuses) or in families where partners have significantly different income levels. A **conflict of necessity** may arise in families with partial pooling (as partners have to understand and clearly assign the categories of purchases and the corresponding financial management type). Having few children may also increase the probability of necessity conflicts arising because parents often have different attitudes toward children's needs and priorities. The last factor that may influence a conflict of necessity is the length of living together; however, this relationship does not seem to be linear, as a small family experience can create a lot of misunderstanding in terms of the household's needs, whereas a larger family experience may cause anger regarding questions of necessity (e.g., "*how many handbags do you really need???*"). A **conflict of goals** may occur in those families where the partners have not chosen a head of the family, which leads to the declaration of constant shared decision making. The other side of the coin here is the will of one spouse to have more autonomy (this can be manifested, for example, in the dissatisfaction with decision making). In contrast, sole types of money management and decision making may increase the chance of **conflict due to a lack of planning**. The last type—a **conflict of values**—is very deep and may have different determinants. Of course, these conflicts do arise in families in which the partners hold different attitudes toward money or family configuration. Also, a conflict of values can be influenced by a significant age difference (as different socialization leads to different values), sudden marriage (e.g., due to the pregnancy, and couples may not have time to understand their common ground), and a strong influence of third parties (e.g., parent families, as partners' values may be diminished here by the influence of others).

Of course, in qualitative research, it cannot be said that these signs hold true for any family. These features are only an attempt to generalize certain patterns that could be detected during the study of a rather large array of interviews. It would therefore be desirable to confirm the presence or absence of such links in quantitative data, but there is a rather complicated question of operationalization.

In conclusion, the classification proposed by E. Kirchler [1990] is not exhaustive. Moreover, it was quite difficult to bring all the various conflict situations described by the spouses down to more or less common denominators. This generates the task of deeper elaboration of the concept of financial disagreement and a more thorough study of each of them. Also, the analysis of the interviews showed that the topic of financial conflicts is really important for understanding the processes taking place within a family; this is because these disagreements reflect the power mechanisms and, to some extent, the type of financial management that the family adopts.

One more question remains: Has this topic been approached correctly? The individual in-depth interviews may have been vulnerable to the interviewer's effect and the sensitivity of the chosen topic. Therefore, it cannot be assumed that the spouses were sincere and willing to disclose all information. Their answers to questions about disagreements and conflicts, however, reflect that it was important for them to "protect" their family and show that the couple was on good terms.

Conclusions and Discussion

Conflict is an integral part of any social relation, but in close relationships, it has vivid manifestations and various functions—both integrating and destructive. The most important example of a conflict that is destructive for family relationships is, according to the authors (see: [Dew, Dakin 2011; Dew, Britt, Huston 2012]), financial, since the topic of money in the modern world is one of the most sensitive and multifaceted. First, finances serve as an indicator of power, and the resource around which power is built; second, money supports gender inequality [Pahl 1983]. Also, financial conflicts were noted as the most frequent in a number of studies [Tikhomirova 2010] and as the most "unpleasant" for spouses, since they have the greatest duration and severity. This research aimed to confirm the application of these assumptions to Russian data through the search for types of financial conflicts.

The analysis of in-depth interviews with families made it possible to illustrate how financial disagreements can be classified in terms of their foundations, but the most important insight may be the identification of the causes of different points of view between spouses. The most dangerous type of disagreement can be called a "value conflict," which reflects the different attitudes of spouses toward financial institutions: couples with a thrifty and wasteful spouse or one inclined to get into debt with another denying any movement of family financial flows to a negative pole are especially at risk. Such spouses may find it difficult to agree even on trifles, since they make plans and evaluate their actions in absolutely different ways. The relational sociology approach has to be given a central role in the process of analyzing marital financial conflicts. It can be seen from the data, that, unlike the case of value conflict described by E. Kirchler [Kirchler 1990], the value conflict identified in this research conceals in itself not the ethical acceptability of a product, but different approaches to financial issues among partners. In general, the interviewed spouses did not even mention the ethics of consumption (the reason that was identified by Kirchler).

Another important situation is that in which spouses are looking in one direction, but the different conditions of socialization force them to see the price of some objects differently (one sees things as expensive, and the other one thinks that it is absolutely acceptable). Such price conflicts can be considered characteristic of unions of cohabitation that started not so long ago, and it is their "grinding" that manifests itself. Two types of financial conflicts associated with the alternative between consumption and saving are a conflict of both necessity and goals. What if one spouse insists on buying something for which the second partner does not see a strong need? What if there is an agreement in the family to save money for a vacation, but one of the spouses wants to buy something big and not save money this month? Such situations are common in family life (which probably means that the spouses consider financial disagreements to be quite a normal part of communication), and such disagreements can be found both in families with egalitarian attitudes and in those unions where the last word is fixed. In Kirchler's [Kirchler 1990] typology, these situations echo distributional conflict, but resource

allocation is a complex question, and it has to be specified when analyzing financial disagreements.

In denoting the limitations of this study, it should be mentioned that the focus was not on qualitative elaboration or the conceptualization of financial conflicts; the analysis was instead based on a ready-made interview database without direct measurement of the exact concept of interest. The study of in-depth interviews, however, allowed for the determination that this concept is not as varied as it might seem at first glance; the spouses understood that financial disagreements were those involving purchases, savings, loans, debts, and plans for the future. A more difficult limitation of this study is the sensitivity of this topic, since very few people tend to “hang out the dirty linen.” Thus, the in-depth interviews demonstrated the desire of families to show that they did not have any situations of interest to the study. This was especially salient among the women who were not so willing to disclose problems within the couple, which could be explained either by the interviewer’s effect or by the tendency to remain silent with strangers about marital difficulties. It is also true that this study deals with the selectivity problem. During the recruitment stage, it was a common occurrence for a couple to learn about the topic of the interview and then refuse to participate. Obviously, those people who had really significant problems with money may not have wanted to talk about these issues with a stranger.

There is another methodological question to ask now that the study has been conducted. Besides the fact that male and female partners had very different patterns of telling their family financial stories, they also had very different points of view on the same processes within the couple. More specifically, they had their own positions on management, they understood control differently, and, of course, they also identified different sources of financial disagreements. This is why it is important to consider how to analyze couples, whether it be as a unit, or as men and women separately.

The constructed typology does not completely exhaust the variety of financial disagreements that can occur in families, especially considering that new institutions are continuing to develop, and there are new opportunities to spend/invest/save money, so the classification still requires further research and analysis. Further, the hypotheses that were made have to be tested in quantitative research to discover what determines the different reasons for financial disagreements. Moreover, the conducted research shows that a sociological understanding of communication about money in the family as a whole is required, and the following questions may need answers: Is communication about money really complicated, and does it lead in many cases to conflicts? How do conversations about money unfold, and do they only arise around existing problems or in the pursuit of bigger goals? Are the spouses talking about money and really discussing some decisions? How do they come to this or that type of financial management if different mechanisms were adopted in their parents’ families? Are practices handed down from parents to children in general, or is financial management in the family the result of trial and error? At the moment, it is not possible to answer all these questions; therefore, further development of this topic is required, with special emphasis on data collection and overcoming the problem of sensitivity and conceptualization.

The most important result of this study that the reasons for financial disagreements may impact the spouses’ behavior, thereby creating various outcomes. As for now, it is understood that financial disagreements have a huge impact on the divorce probability, but there may be different impacts made by different types of disagreements (as well as different outcomes). These types of financial disagreements obviously have to be considered during family therapy to capture and divide the reasons and possible ways of resolving conflicts. Future research may take the next steps by interviewing families about the structure of and the reasons for financial disagreements to determine if they really have enough in common in terms of their characteristics (e.g., duration, outcomes, or intensity of conflict) to have the same effect on divorce probability.

Appendix

Table A.1

List of Interviewees

Family Code	Presence	Children Amount	Age	Duration of Cohabitation (years)
Group 1				
2013_13	–			0.5
2014_121	–			1
2014_124	–			1
2014_125	–			0.5
2014_126	–			0.5
2014_127	–			1
2014_128	–			0.5
2014_129	–			1
2014_130	–			0.5
2014_131	–			1
2014_132	–			0.5
2014_133	–			0.5
2015_2	–			1
Group 2				
2012_22	+	1	1	3
2012_71	+	1	0.5	3
2013_9	+	1	1	2
2013_48	+	1	0	1.5
2014_37	+	1	1	1.5
2014_122	+	1	0.5	1
2014_123	+	1	1.5	3
2015_11	+	1	2	2
2015_29	+	1	1	5
2015_61	+	1	1	4
2016_9	+	1	2	4
2016_14	+	1	1.5	2
Group 3				
2012_8	+	1	12	20
2012_47	+	3	18, 15, 4	21
2013_21	+	3	10, 8, 3	12
2013_74	+	2	6, 9	10
2013_89	+	2	20, 9	22
2014_66	+	3	21, 13, 6	24
2015_13	+	1	11	16
2015_58	+	2	16, 12	17
2016_1	+	2	20, 13	14
2016_4	+	2	13, 1	17

References

- Addo F. R., Sessler S. (2010) Financial Arrangements and Relationship Quality in Low-Income Couples. *Family Relations*, vol. 59, no 4, pp. 408–423.
- Amato P. R., Rogers S. J. (1997) A Longitudinal Study of Marital Problems and Subsequent Divorce. *Journal of Marriage and the Family*, vol. 59, no 3, pp. 612–624.
- Atwood J. D. (2012) Couples and Money: The Last Taboo. *The American Journal of Family Therapy*, vol. 40, no 1, pp. 1–19.
- Bandelj N., Wherry F. F., Zelizer, V. A. (2017) *Money Talks: Explaining How Money Really Works*, Princeton, NJ: Princeton University Press.
- Belk R. W., Wallendorf M. (1990) The Sacred Meanings of Money. *Journal of Economic Psychology*, vol. 11, no 1, pp. 35–67.
- Blossfeld H.-P., Drobnič, S. (2009) Theoretical Perspectives on Couples' Careers. *The Life Course Reader: Individuals and Societies across Time* (eds. Walter R. Heinz, Johannes Huinink, Ansgar Weymann), Frankfurt; New York: Campus.
- Boulding K. E. (1962) *Conflict and Defense: A General Theory*, New York: Harper & Brothers.
- Brines J. (1993) The Exchange Value of Housework. *Rationality and Society*, vol. 5, no 3, pp. 302–340.
- Britt S., Huston S., Durband D. (2010) The Determinants of Money Arguments between Spouses. *Journal of Financial Therapy*, vol. 1, no 1, pp. 42–60.
- Christensen A., Heavey C. L. (1990) Gender and Social Structure in the Demand/Withdraw Pattern of Marital Conflict. *Journal of Personality and Social Psychology*, vol. 59, no 1, pp. 73–81.
- Conger R. D., Ge X. G., Elder G. H., Jr., Lorenz F. O., Simons R. L. (1994) Economic Stress, Coercive Family Process, and Developmental Problems of Adolescents. *Child Development*, vol. 65, no 2, pp. 541–561.
- Coser L. (2000) *Funktsii sotsial'nogo konflikta* [The Functions of Social Conflict], Moscow: Ideya-Press; Dom intellektual'noy knigi (in Russian).
- Crohan S. E. (1996) Marital Quality and Conflict Across the Transition to Parenthood in African American and White Couples. *Journal of Marriage and Family*, vol. 58, no 4, pp. 933–944.
- Cubbins L. A., Vannoy D. (2004) Division of Household Labor as a Source of Contention for Married and Cohabiting Couples in Metropolitan Moscow. *Journal of Family Issues*, vol. 25, no 2, pp. 182–215.
- Devyatko I. F. (2002) *Metody sotsiologicheskogo issledovaniya* [Methods of Sociological Research: Tutorial], 2nd ed., Moscow: University (in Russian).
- Dew J. (2009) The Gendered Meanings of Assets for Divorce. *Journal of Family and Economic Issues*, vol. 30, no 1, pp. 20–31.
- Dew J. (2011) Financial Issues and Relationship Outcomes Among Cohabiting Individuals. *Family Relations*,

vol. 60, no 2, pp. 178–190.

- Dew J., Britt S., Huston S. (2012) Examining the Relationship Between Financial Issues and Divorce. *Family Relations*, vol. 61, no 4, pp. 615–628.
- Dew J., Dakin J. (2011) Financial Disagreements and Marital Conflict Tactics. *Journal of Financial Therapy*, vol. 2, no 1, pp. 23–42.
- Gudmunson C. G., Beutler I. F., Israelsen C. L., McCoy J. K., Hill E. J. (2007) Linking Financial Strain to Marital Instability: Examining the Roles of Emotional Distress and Marital Interaction. *Journal of Family and Economic Issues*, vol. 28, no 3, pp. 357–376.
- Halpern-Meekin S., Turney K. (2016) Relationship Churning and Parenting Stress Among Mothers and Fathers. *Family Relations*, vol. 78, no 3, pp. 715–729.
- Heavey C. L., Layne C., Christensen A. (1993) Gender and Conflict Structure in Marital Interaction: A Replication and Extension. *Journal of Consulting and Clinical Psychology*, vol. 61, no 1, pp. 16–27.
- Ibragimova D. Kh. (2012) Kto upravlyaet den'gami v rossiyskikh sem'yah? [Who Manages the Money in Russian Families?]. *Journal of Economic Sociology = Ekonomicheskaya sotsiologiya*, vol. 13, no 3, pp. 22–56. Available at: <https://ecsoc.hse.ru/2012-13-3/55591250.html> (accessed 13 September 2020) (in Russian).
- Ibragimova D. Kh. (2016) Den'gi, gender, vlast' v domokhozyaystve: kontseptual'nie podkhody [Money, Gender, and Power in the Household: Conceptual Approaches]. *Journal of Economic Sociology = Ekonomicheskaya sotsiologiya*, vol. 17, no 2, pp. 116–145. Available at: <https://ecsoc.hse.ru/2016-17-2/179463833.html> (accessed 13 September 2020) (in Russian).
- Ibragimova D., Guseva A. (2017) Who Is in Charge of Family Finances in the Russian Two-Earner Households? *Journal of Family Issues*, vol. 38, no 17, pp. 2425–2448. doi: 0192513X15623588
- Kirchler E. (1990) Spouses' Influence Strategies in Purchase Decisions as Dependent on Conflict Type and Relationship Characteristics. *Journal of Economic Psychology*, vol. 11, no 1, pp. 101–118.
- Klyushkina O. B. (2000) Postroenie teorii na osnove kachestvennykh dannykh [Building a Theory on the Basis of Qualitative Data]. *Sociological Studies = Sotsiologicheskie issledovaniya*, no 10, pp. 92–101 (in Russian).
- Kluwer E. S., Johnson M. D. (2007) Conflict Frequency and Relationship Quality Across the Transition to Parenthood. *Journal of Marriage and Family*, vol. 69, no 5, pp. 1089–1106.
- Levada-Centre. (2016) *Press-release*. August, 4. Available at: <https://www.levada.ru/2016/08/04/semeynye-ssory-i-nasilie/> (accessed 26 July 2020).
- Lippe T. van der, Voorpostel M., Hewitt B. (2014) Disagreements among Cohabiting and Married Couples in 22 European Countries. *Demographic Research*, vol. 31, no 10, pp. 247–274.
- McGonagle K. A., Kessler R. C., Schilling E. (1992) The Frequency and Determinants of Marital Disagreements in a Community Sample. *Journal of Social and Personal*, vol. 9, no 4, pp. 507–524.

- McLanahan S., Percheski C. (2008) Family Structure and the Reproduction of Inequalities. *Annual Review of Sociology*, vol. 34, no 1, pp. 257–276.
- Mitchell H. E., Bullard J. W., Mudd E. H. (1962) Areas of Marital Conflict in Successfully and Unsuccessfully Functioning Families. *Journal of Health & Human Behavior*, vol. 3, no 2, pp. 88–93.
- Pahl J. (1983) The Allocation of Money and the Structuring of Inequality Within Marriage. *The Sociological Review*, vol. 31, no 2, pp. 237–262.
- Pahl J. (1990) Household Spending, Personal Spending and the Control of Money in Marriage. *Sociology*, vol. 24, no 1, pp. 119–138.
- Pahl J. (1995) His Money, Her Money: Recent Research on Financial Organisation in Marriage. *Journal of Economic Psychology*, vol. 16, no 3, pp. 361–376.
- Papp L. M., Cummings E. M., Goeke-Morey M. C. (2009) For Richer, for Poorer: Money as a Topic of Marital Conflict in the Home. *Family Relations*, vol. 58, no 1, pp. 91–103.
- Ridgeway C. L. (2011) Gender at Home. In *Framed by Gender: How Gender Inequality Persists in the Modern World*, Oxford, UK: Oxford University Press.
- Romo L. K., Abetz J. S. (2016) Money as Relational Struggle: Communicatively Negotiating Cultural Discourses in Romantic Relationships. *Communication Studies*, vol. 67, no 1, pp. 94–110.
- Steinberg I., Shanin T., Kovalev E., Levinson A. (2009) *Kachestvennye metody. Polevye issledovaniya* [Qualitative Methods. Field Research], St. Petersburg: Alteya (in Russian).
- Sun Sh. (2010) The Final Say Is Not the Last Word: Gendered Patterns, Perceptions, and Processes in Household Decision Making among Chinese Immigrant Couples in Canada. *Journal of Comparative Research in Anthropology and Sociology*, vol. 1, no 1, pp. 91–105.
- Tikhomirova V. V. (2010) Sotsial'noe samochuvstvie i tsennostnye orientatsii molodoy sem'i [Social Well-being and Value Orientations of a Young Family]. *Sociological Studies = Sotsiologicheskie issledovaniia*, no 2, pp. 118–124.
- The Demographic Yearbook of Russia 2019. Available at: http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/publications/catalog/doc_1137674209312 (accessed 26 July 2020).
- Trachtman R. (1999) The Money Taboo: Its Effects in Everyday Life and in the Practice of Psychotherapy. *Clinical Social Work Journal*, vol. 27, no 3, pp. 275–288.
- Trentham S., Larwood L. (2001) Power and Gender Influences on Responsibility Attributions: The Case of Disagreements in Relationships. *The Journal of Social Psychology*, vol. 141, no 6, pp. 730–751.
- Vogler C. (1998) Money in the Household: Some Underlying Issues of Power. *The Sociological Review*, vol. 46, no 4, pp. 687–713.
- Vogler C., Brockmann M., Wiggins R. D. (2006) Intimate Relationships and Changing Patterns of Money Management at the Beginning of the twenty-first Century. *British Journal of Sociology*, vol. 57, no 3, pp. 455–482.

- Vogler C., Lyonette C., Wiggins R. D. (2008) Money, Power and Spending Decisions in Intimate Relationships. *The Sociological Review*, vol. 56, no 1, pp. 117–143.
- Vovk E. (2007) Gendernaya asimmetriya i zhenskie roli v sovremennoy Rossii [Gender Asymmetry and Women's Roles in Modern Russia]. *Sotsial'naya real'nost'*, no 5, pp. 24–30 (in Russian).
- Wherry F. (2017) How Relational Accounting Matters. *Money Talks: Explaining How Money Really Works*, Princeton, NJ: Princeton University Press, pp. 57–69.
- Zagorsky J. L. (2003) Husbands' and Wives' View of the Family Finances. *The Journal of Socio-Economics*, vol. 32, no 2, pp. 127–146.
- Zakharov S. V. (2015) Braki i razvody v sovremennoy Rossii [Marriages and Divorces in Modern Russia]. *Demoscope Weekly*, no 625–626. Available at: <http://www.demoscope.ru/weekly/2015/0625/demoscope625.pdf> (accessed 26 July 2020) (in Russian).
- Zelizer V. (2002) Sozdanie mnozhestvennykh deneg [Creating Multiple Money]. *Journal of Economic Sociology = Ekonomicheskaya sotsiologiya*, vol. 3, no 4, pp. 58–72. Available at: <https://ecsoc.hse.ru/2002-3-4/26593578.html> (accessed 13 September 2020) (in Russian).
- Zelizer V. A. (2012) How I Became a Relational Economic Sociologist and What Does That Mean? *Politics & Society*, vol. 40, no 2, pp. 145–174.

Received: February 5, 2020

Citation: Zhidkova P. (2020) Types of Financial Disagreements in Families: Qualitative Evidence from Russia. *Journal of Economic Sociology = Ekonomicheskaya sotsiologiya*, vol. 21, no 3, pp. 162–181. doi: 10.17323/1726-3247-2020-4-162-181 (in English).

**Экономическая
социология**
Т. 21. № 4.
Сентябрь 2020

Электронный журнал
www.ecsoc.msses.ru
www.ecsoc.hse.ru

ISSN 1726-3247

Адрес редакции

101000, Россия,
г. Москва,
ул. Мясницкая,
д. 11, комн. 530
тел.: (495) 628-48-86
email: ecsoc@hse.ru

**Journal of
Economic Sociology**
Vol. 21. No 4.
September 2020

Electronic journal
www.ecsoc.msses.ru
www.ecsoc.hse.ru

ISSN 1726-3247

Contacts

11 Myasnitskaya str., room
530
101000 Moscow,
Russian Federation
phone: +7 (495) 628-48-86
email: ecsoc@hse.ru

Доступ к журналу

- Доступ ко всем номерам журнала — постоянный, свободный и бесплатный.
- Каждый номер содержится в едином файле (10–12 п. л. в PDF).
- Если хотите, чтобы Вас оповещали о выходе очередного номера, пожалуйста, заполните форму подписки: <https://www.hse.ru/expresspolls/poll/23725626.html>

Open Access Policy

- All issues of the Journal of Economic Sociology are always open and free access.
- Each entire issue is downloadable as a single PDF file.
- If you wish to receive notification when new issues are published, please fill out the following form: <https://www.hse.ru/expresspolls/poll/23725626.html>